

Б Р О М

ПОХИТИТЕЛЬ
ДЕТЕЙ

Темные фантазии Джеральда Брома

Бром

Похититель детей

«АСТ»

2016

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Coe)-445

Бром

Похититель детей / Бром — «АСТ», 2016 — (Темные фантазии Джеральда Брома)

ISBN 978-5-17-106874-5

Четырнадцатилетний Ник чудом не погиб в одном из бруклинских парков от рук наркоторговцев, но на помощь ему явился Питер. О, этот Питер! Он быстр, смел, крайне проказлив и, как все мальчишки, любит поиграть, хотя его игры нередко заканчиваются кровопролитием. Его глаза сияют золотом, стоит ему улыбнуться вам, и вы превращаетесь в его друга на всю жизнь. Он приходит к одиноким пропащим детям – сломленным, отчаявшимся, подвергающимся насилию – обещая взять их с собой в тайное место, где их ждут необычайные приключения, где живо волшебство, и где они никогда не станут взрослыми. Конечно, безумные рассказы Питера о феях и чудовищах настораживают, но Ник соглашается. В конце концов, в Нью-Йорке для него больше нет безопасного места. Что ему терять? Однако в жизни всегда есть что терять...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Coe)-445

ISBN 978-5-17-106874-5

© Бром, 2016

© АСТ, 2016

Содержание

Пролог	6
Часть первая	9
Глава первая	9
Глава вторая	22
Глава третья	31
Часть вторая	40
Глава четвертая	40
Глава пятая	49
Глава шестая	54
Глава седьмая	65
Глава восьмая	70
Глава девятая	74
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Джеральд Бром

Похититель детей

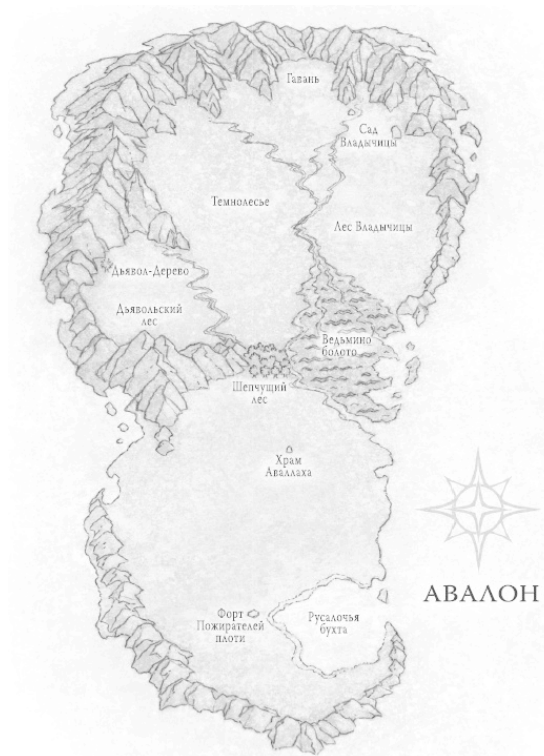
Copyright © 2016 by Gerald Brom

© Д. А. Старков, перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Эта книга – для Джона Фиринга

Пролог

Сегодня ночью вновь должно было случиться скверное. В этом девочка не сомневалась. Все началось несколько месяцев назад, когда у нее начали развиваться груди, и теперь, когда не стало матери, остановить его было некому.

Из спальни ей было слышно, как он расхаживает по захлавленной гостиной их тесной квартирке. Он снова ударился в запой и теперь яростно бормотал что-то себе под нос, ругая телевидение, своего босса, президента, Иисуса Христа, но больше всего мать – раз за разом нес ее по кочкам до самого пекла и обратно за то, что она выпила эти таблетки. Но мать умерла, и ей больше не придется выслушивать его тирад, никогда-никогда. Хотелось бы девочке, чтобы и ей так же повезло...

Раздался резкий щелчок открывающейся пивной банки, за ним еще один, и еще. Руки девочки задрожали, и она крепко прижала их к груди. Хорошо бы уснуть – по крайней мере, это избавило бы от ужаса ожидания. Но девочка понимала: спать этой ночью не придется.

А он уже был здесь. Темный силуэт, опершись рукой о косяк, замер в дверном проеме, на фоне мерцающего света телеэкрана. Глаз его было не видно, но девочка знала: взгляд устремлен на нее. Девочка туго стянула на шее простыню, словно шнурок волшебного талисмана, отвращающего любое зло. Иногда он вот так тарасился на нее часами и что-то бормотал себе под нос на два голоса. Голоса – мягкий, спокойный и грубый, пугающий – перекликались, будто два человека, затеявшие спор о религиозных убеждениях. Обычно спокойный одерживал верх, но этой ночью спокойного голоса было совсем не слышно – только негромкий, скрежешущий рык, перемежавшийся резкой, влаивающей руганью.

Он шагнул в комнату и поставил пиво на туалетный столик, рядом с радиобудильником с нарисованной Бетти Буп, будившим девочку в школу потрескивающим «буп-уп-а-дуп». В последнее время она прогуляла кучу учебных дней – частично из-за надоевших взглядов и перешептываний других учеников и учителей, хлопотавших вокруг нее так, будто совершенное матерью самоубийство заразно. Но больше всего хотелось увильнуть от встреч со школьным психологом миссис Стюарт и от ее назойливых расспросов. Казалось, миссис Стюарт откуда-то знает обо всем и твердо решила заставить ее говорить – во что бы то ни стало. А об этом было страшно и подумать. На голове девочки, сбоку, уже появился двухдюймовый шрам, и волосы на этом месте больше не отрастут. Он оставил эту отметину вилкой в тот раз, когда девочка попыталась рассказать обо всем матери. Теперь девочка все чаще и чаще вспоминала о таблетках, которых наглоталась мать: может, эти таблетки помогут перенестись к ней? Эта мысль приходила в голову всякий раз, когда случалось скверное.

Его ладонь легла на плечо – тяжелая, горячая. Жар этой ладони чувствовался даже сквозь простыню. Откинув простыню, он сел рядом. Пружинный матрасик просел под его тяжестью, и от этого тело девочки соскользнуло к нему. Мозолистая рука опустилась на ее голень и медленно скользнула по внутренней стороне бедра, под фланель ночной рубашки. Толстые грубые пальцы упрямо протискивались вверх. Тяжело задышав, он встал. Девочка слышала, как звякнула об пол массивная латунная пряжка ремня, и он навалился сверху. Пружины матрасика протестующе застонали.

Девочка вцепилась в подушку, изо всех сил стараясь не разрыдаться, и устремила взгляд в окно, чтобы хоть мысленно перенестись куда-нибудь подальше отсюда. В эту ночь звезды сияли особенно ярко. Она сосредоточила внимание на их волшебном свете, жалея, что не может летать среди звезд, улететь так далеко, чтобы этот человек никогда больше не смог прикоснуться к ней...

И тут звезды заслонила тень. Кто-то, появившийся за окном, заглянул внутрь. В неверном свете звезд девочка сумела разглядеть мальчишку. Мальчишка поднял оконную раму и быстрым, текучим движением скользнул в комнату.

– Что за х... – начал мужчина, но мальчишка прыгнул через всю комнату и с лету ударил его обеими ногами, отшвырнув назад, в гостиную.

Мальчишка двигался невероятно быстро – такой скорости девочка не видела еще никогда. Он налетел на мужчину прежде, чем тот сумел подняться. Оба с грохотом покатались по полу и скрылись из виду.

Кто-то из них врезался в стену с такой силой, что кровать девочки вздрогнула. Мужчина взвыл, что-то со звоном разбилось об пол. Мужчина резко вскрикнул, за этим последовал тихий, на грани слышимости, шепот: «О, боже», – и глухой, тяжелый удар рухнувшего на пол тела. В квартире наступила тишина.

Девочка взглянула в окно, подумывая, не пора ли бежать, но, прежде чем она успела сделать хоть шаг, в дверях спальни вновь появился поджарый силуэт мальчишки.

Мальчишка шагнул в комнату, и девочка подалась назад. Похоже, это встревожило мальчишку – скользнув к окну, он вспрыгнул на подоконник. Спутанная рыжая шевелюра до плеч, густая россыпь веснушек на носу и щеках... и острые кончики ушей! Он поднял взгляд к звездам, будто впитывая кожей их волшебство, и снова взглянул на девочку. Теперь она заметила и цвет его глаз, золотистых, как у рыси.

Мальчишка склонил голову набок и улыбнулся. В золотых глазах блеснули искорки. В этом блеске чувствовалось нечто дикое – восхитительное и пугающее. Перекинув ногу через подоконник, на пожарную лестницу, он кивнул девочке, приглашая ее следовать за собой.

Девочка подалась вперед, но тут же замерла. О чем она только думает? Нельзя же так просто отправиться за этим странным мальчишкой в ночь!

Она покачала головой. Улыбка мальчишки померкла. Он снова оглянулся на звезды и помахал ей рукой, будто на прощание.

– Подожди! – окликнула она.

Мальчишка остановился.

Но, добившись этого, девочка просто не знала, что делать дальше. Она была уверена лишь в одном: ей совсем не хотелось, чтобы этот волшебный мальчишка ушел. Мерцание звезд привлекло ее взгляд. Звезды сияли так ярко, что девочке невольно подумалось: может, все это – сон? Или, может, этот мальчишка спустился прямо с небес, чтобы забрать ее с собой?

Она моргнула. Мысли путались в голове, ей нужно было минутку подумать. Хотелось в туалет, но это означало бы пройти через гостиную, а она вовсе не хотела туда – не хотела видеть, что золотоглазый мальчишка сделал с мужчиной. А еще не хотелось потерять мальчишку из виду: вдруг это разрушит чары, и, когда она вернется, он исчезнет навсегда, оставив ее одну? Взгляд девочки упал на массивную латунную пряжку ремня на полу, поверх скомканных штанов, и пальцы девочки начали скручивать кайму ночной рубашки – туже и туже, пока из горла не вырвался всхлип. Из глаз хлынули слезы. Соскользнув с кровати, девочка опустилась на колени.

Мальчишка подошел к ней и присел рядом. Пока девочка рыдала, уткнувшись в ладони, он рассказал ей о волшебном острове. Об острове, куда нет хода взрослым. Где много других ребят, таких же, как она, любящих игры и смех. Где ждут увлекательнейшие приключения...

Девочка вытерла слезы и сумела улыбнуться, только головой покачав в ответ на его глупую сказку. Но, когда он пригласил ее отправиться с ним, она вдруг обнаружила, что верит ему. И пусть внутренний голос откуда-то из глубины души предупреждал, что от этого странного мальчишки лучше держаться подальше, ей хотелось лишь одного – последовать за ним.

Она оглядела крохотную спальню, в которой этот мужчина лишил ее столь многого. Здесь не было ничего, кроме горьких воспоминаний. Что ей терять?

Как только мальчишка поднялся, снова собравшись в путь, она быстро оделась и последовала за ним – вниз по пожарной лестнице, на улицу, в ночь.

Если бы только девочка могла побеседовать с другими ребятами – с теми, кто рискнул последовать за золотоглазым мальчишкой прежде, – то поняла бы: в жизни всегда есть что терять.

Часть первая Питер

Глава первая Вор

В одном из уголков Проспект-парка в боро¹ Бруклин среди деревьев прятался вор. Но этому вору не нужны были ни оставленные без присмотра кошельки, ни сотовые телефоны, ни фотокамеры. Этот вор присматривался к детям.

Была ранняя осень, солнце клонилось к закату, и вор, похититель детей, лежал в тени, среди опавших листьев, наблюдал за играющими ребятишками. Дети взбирались на горку в виде огромной зеленой черепахи, съезжали вниз по ярко-желтому желобу, смеялись, вопили, дразнились, гонялись друг за дружкой по кругу. Но похитителя детей не интересовали все эти радостные лица. Ему требовался вовсе не любой ребенок. Он был разборчив. Он высматривал печальные лица, одиночек... пропавших детей. И чем старше, тем лучше – предпочтительно лет тринадцати-четырнадцати: подростки сильнее, выносливее, а значит, склонны дольше оставаться в живых.

Вор понимал, что Матушка Удача улыбнулась ему, когда он нашел ту девочку. Она оказалась хорошей добычей – к несчастью для ее папаши. Вор усмехнулся, вспомнив, какую забав-

¹ Единица административного деления города. Кроме Бруклина в число боро Нью-Йорка входят Манхэттен, Куинс, Бронкс и Статен-Айленд. Каждый из них имеет своего президента, окружного прокурора и муниципальное здание.

ную рожу состроил тот человек, когда нож вошел в его грудь. Но куда же Матушка Удача запропастилась теперь? Два дня охоты – и ничего! Прошлой ночью ему удалось довольно близко познакомиться с одним мальчишкой, но этого было мало. Поморщившись, он напомнил себе, что торопиться нельзя, вначале с ними нужно подружиться, завоевать их доверие – без этого ребенка не украть.

Быть может, Матушка Удача вернется к нему этим вечером? Похититель детей знал: городские парки – прекрасные охотничьи угодья. Беспризорные, сбежавшие из дому, частенько располагаются на ночлег в кустах, умываются в общественных туалетах и постоянно ищут друзей.

Вот потому-то, пока солнце медленно скрывалось за городскими зданиями, в парк вместе с сумерками прокрался и вор. Теперь он лежал в засаде, выжидая, когда же сгущающаяся тьма рассортирует играющих детей.

Ник влетел в помещение склада и, тяжело дыша, прижался спиной к стальной двери. Прислонившись щекой к холодному металлу, он крепко зажмурил глаза.

– Блин, – сказал он. – Теперь мне точно конец. Вот шляпа-то...

В свои четырнадцать Ник был тощ и не по возрасту мал ростом. Темные, неровно подстриженные пряди волос обрамляли узкое лицо, подчеркивая его бледность. Ему давно пора было постричься, но в последнее время стрижка заботила его меньше всего на свете.

Ник сбросил рюкзак на пол, откинул челку со лба и осторожно закатал рукав черной джинсовой куртки. Взглянув на ожоги поперек внутренней стороны предплечья, он болезненно сморщился. Вздумшиеся красные отметины перекрещивали руку, складываясь в неровную букву Н.

Как ни старался Ник выбросить этот кошмар из головы, он возвращался вновь и вновь жгучими, яркими вспышками. Он прижат к полу – к полу собственной кухни. Тошно-творно-кислый вкус губки для мытья посуды во рту. Марко, огромный, с толстым загривком, хищно скалит зубы, ухмыляется, держа в пламени газовой горелки проволочную вешалку. Проволока дымится, раскаляется докрасна, а затем... боль, жуткая жгучая боль! И этот запах, господи, и, что еще хуже, звук... Он никогда не забудет шипения собственной плоти под раскаленным железом! Он пробует закричать, но только давится шершавой мокрой губкой, кашляет, а они смеются. Марко ржет прямо ему в лицо – длинный клочок волос на его подбородке трясется, выпученные глаза налиты кровью.

– Знаешь, что значит это «эн»? – злобно цедит он. – Знаешь, педрила? Это значит «нарик». Еще раз кому-нибудь вякнешь, и я выжгу все это, мать его, слово на твоём длинном языке. Понял, ушлепок?

Ник вздрогнул и открыл глаза.

– Надо двигать...

Подхватив с пола рюкзак, он расстегнул молнию. Внутри было немного чипсов, хлеб, банка арахисового масла, карманный нож, две банки содовой, серая кроличья лапка на кожаном шнурке – и тысяч на тридцать долларов метамфетамина.

Покопавшись в сотнях крохотных пластиковых пакетиков, он отыскал серую кроличью лапку. Кроличья лапка была подарком отца – единственным, что осталось у Ника на память о нем. Поцеловав талисман, мальчик надел его на шею. Сегодня удача требовалась ему, как никогда.

Он выглянул за дверь и быстро окинул взглядом оживленную улицу: не видно ли где обшарпанного зеленого микроавтобуса? Он надеялся, что какой-нибудь затор замедлит уличное движение и поможет ему добраться до метро живым, но поток машин двигался ровно и быстро. Между тем день угасал; вскоре микроавтобус станет лишь еще одной парой сверкающих в ночи фар...

Закинув рюкзак на плечо, Ник выскользнул на тротуар и, огибая немногих пешеходов, быстро домчался до конца квартала. На углу дул пронизывающий ветер, люди поднимали воротники и опускали взгляды. Ник тоже поднял воротник, обогнул группу пожилых людей, выстроившихся в очередь перед итальянским ресторанчиком, и постарался затеряться среди тех, кто шел к метро, возвращаясь с работы.

«Все, Ники-бой, – подумал он. – Конец тебе теперь». Но в глубине души он был рад и сделал бы что угодно, только бы увидеть рожи этих сукиных детей, когда они обнаружат, что их нычка пуста. Теперь Марко не скоро вернется в бизнес.

Сзади раздался гудок. Ник вздрогнул и резко обернулся. Сердце затрепетало у самого горла. Но это был не обшарпанный зеленый микроавтобус – просто кто-то решил запарковаться во втором ряду. При виде деревьев впереди Ник почувствовал неимоверное облегчение. До Проспект-парка оставался всего квартал. Там, в зарослях, его нелегко будет заметить. Можно пройти через парк и выйти прямо к станции метро!

Ник сорвался с места и помчался вперед.

Сумерки сгущались, тени накладывались друг на друга, слой за слоем, пока игровую площадку не окутала тьма. Одна за другой зажглись, загудели натриевые лампы фонарей, и их дрожащий желтый свет наполнил парк длинными зловещими тенями.

Родители разошлись, детская площадка опустела. Мусорные баки, переполненные бутылками из-под содовой и грязными подгузниками, стояли по углам, точно часовые. Отдаленный шум автомобилей и мерный ритм чьего-то стереопроеигрывателя, включенного на полную громкость, эхом разносились над землей.

И тут похититель детей увидел вбежавшего в парк мальчика. Тот перебежал из тени в тень, стараясь поскорее миновать островки света фонарей, но вор разглядел его лицо еще издали – и улыбнулся при виде замешательства и страха на лице мальчишки.

Что загнало его сюда? Жестокое обращение, отсутствие заботы, сексуальное насилие? Быть может, все вышеперечисленное? До этого вору не было никакого дела. Главное – что-то вынудило мальчишку оставить безопасное место ночлега и бежать, бежать в ночь. И он бежал – подобно множеству таких же беглецов, сам не зная куда.

«Не бойся, – подумал вор. – У меня найдется для тебя место. Там можно славно поиграть».

Сощутив золотые глаза, вор улыбнулся шире прежнего.

Ник разминутся с юной парочкой, направлявшейся к выходу из парка, хихикая и прижимаясь друг к другу, как сиамские близнецы. Далеко обошел мужчину с собакой. Собака – что-то вроде крупного пуделя – пристыженно взглянула на Ника, присев по своим делам. Мужчина тупо таращился в экран телефона, набирая какой-то текст. Похоже, его совершенно не заботило, что его пес раскладывает мины прямо на дорожке.

Далеко впереди показалась стайка юнцов. Они шли через парк, громко крича и кривляясь. От таких только и жди неприятностей, а неприятностей Нику хватало и без того. Свернув с дорожки, он направился к деревьям.

Продравшись сквозь кусты, Ник спрыгнул в широкий ров. Под ногу подвернулся скользкий кусок картона. Не удержавшись на ногах, Ник рухнул на нечто мягкое. Нечто мягкое зашевелилось.

– Э! – воскликнул кто-то снизу.

Нечто мягкое оказалось спальным мешком, таким потрепанным и засаленным, будто его выловили из сточной канавы. Кто-то оказался женщиной, и выглядела она не лучше – ни ярко-красная помада на губах, ни толстый слой макияжа не могли скрыть следов разрушительного

воздействия жизни на улице. Когда-то она, возможно, была симпатичной, но теперь из-за свалявшихся волос, ввалившихся глаз и впалых щек напоминала мертвеца.

Перевернувшись набок, она села, пригляделась к Нику и улыбнулась.

Из соседнего спального мешка выглянул лысый человек с длинной неопрятной седой бородой.

– Кто там?

Тут Ник разглядел, что в кустах, среди картонных коробок, под голубыми пластиковыми тентами, вокруг тележки из супермаркета, набитой мешками для мусора, разложено еще несколько спальных мешков.

– Просто мальчишка, – ответила женщина. – Какой нежный малыш...

Ник скатился с нее, но, как только он попытался встать, она схватила его за руку. Жесткие, костлявые пальцы сомкнулись на его запястье. Вскрикнув, Ник попытался высвободиться, но безуспешно.

– Куда ты, сладенький? – спросила женщина.

– Ищешь чего, малец? – спросил и мужчина, неуверенно поднимаясь на ноги.

Из спальных мешков и картонных коробок начали выглядывать и другие. Тусклые, сонные взгляды устремились на Ника со всех сторон.

– Ну конечно, – с лукавой улыбкой сказала женщина, – он кое-что ищет. Десять баксов, сладенький, и я взорву не только твой мозг. Есть десятка?

Ник в ужасе уставился на нее.

Старик запыхтел и громко хмыкнул.

– Козырная сделка, парень. Ты уж мне поверь. Еще добавки клянчить будешь!

Некоторые из остальных закивали и разразились хохотом.

Ник отчаянно замотал головой и вновь попытался высвободить руку. Но женщина держала крепко.

– Ну, тогда пять баксов, – сказала она. – Всего пять баксов, и я взорву твою хлопушечку. Что скажешь?

Краем глаза Ник заметил, что двое мужчин заходят к нему со спины, не спуская с него жестких голодных взглядов, пожирая его глазами, будто бесплатный обед.

– Пустите, – умоляюще заговорил он, пытаясь разжать пальцы женщины. – Пожалуйста, леди. Прошу вас, пустите меня.

– Упускаешь шанс, – проворковала она и внезапно разжала руки.

От неожиданности Ник рухнул прямо на одного из мужчин сзади. Тот схватил Ника за волосы, развернул к себе спиной и положил руку на его рюкзак. Ник вскрикнул и рванулся прочь, оставив в руке мужчины прядь вырванных волос, но на волосы было плевать – главное, рюкзак сберечь. В рюкзаке лежало все его имущество. Крепко прижав рюкзак к груди, он развернулся, вскочил на ноги и бросился из рва прочь. Продравшись сквозь кусты, он пустился бежать со всех ног, провожаемый омерзительным смехом, и бежал без остановки, пока ров не остался далеко позади. Впереди показалась детская площадка. Опустившись на землю и прислонившись спиной к огромной, улыбающейся во весь рот черепахе, он перевел дух и малопомалу начал успокаиваться.

«В канаве, – подумал он. – Мне что же, в канаве сегодня ночевать? И завтра, и послезавтра? В компании вот с такими уродами?»

Он снял рюкзак и бросил его на землю между ног. Сердце колотилось так, будто вот-вот вырвется из груди. Внимательно оглядев тени между деревьями, он убедился, что вокруг никого нет, и за ним никто не гонится, и только после этого вынул из кармана скомканные купюры и быстро пересчитал их. «Пятьдесят шесть долларов. Долго ли на них протянешь? – он приподнял рюкзак, прикидывая его вес. – Нет, это не все. Найти бы дилера, и денег будет сколько надо». Вот только как четырнадцатилетнему мальчишке организовать продажу круп-

ной партии наркотиков? Эту часть плана он как-то не продумал. «Ничего, справлюсь, – заверил он самого себя. – Нужно только разыграть все с умом. Отнесу их... отнесу... куда отнесу?»

– Блин, – сказал он вслух, вспомнив, что сейчас важнее всего добраться до метро и свалить отсюда ко всем чертям.

«Хорошо, а потом? Дальше-то что?» Окинув взглядом кусты, он осознал, что у него нет даже спального мешка. Может, мать была права? Может, лучше было просто держаться от Марко подальше? По крайней мере, тогда ему было бы где спать и что есть. Он закатал рукав, взглянул на обожженную руку и снова вспомнил ненавистную ухмылку и налитые кровью глаза Марко. «Нет, – подумал Ник. – Все из-за нее. Все. Это она привела этих кровопийц в наш дом. Если б не ее эгоизм, ничего этого не было бы».

Он зло утер с глаз выступившие слезы.

– Блин, – снова протянул он. – Блин...

Из-за деревьев донесся глухой топот. Ник вскинулся и обернулся, ожидая увидеть Марко или ту мерзкую женщину с накрашенными губами, но не увидел ничего, кроме деревьев да желтого света фонарей. Он огляделся. Вокруг не было ни души, в парке вновь наступила зловеющая тишина.

Вдруг краем глаза он заметил движение. Тень размером с мальчишку вскарабкалась на дерево и исчезла среди ветвей.

– Что за чертовщина? – прошептал Ник, но тут же решил, что на самом деле совсем не хочет это выяснять.

Развернувшись, он помчался к улице.

Ник выскочил из парка прямо напротив станции метро. Пропустив поток машин, он двинулся через улицу, сделал три шага – и замер на месте.

– Вот дерьмо, – пробормотал он.

На лестнице, ведущей на станцию, прислонившись спиной к перилам, стоял Бенни – один из ребят Марко, один из дюжины подростков, торговавших для него дурью. По спине Ника пробежал холодок.

«Знает ли Бенни, что произошло?»

Бенни прижимал к уху сотовый телефон.

«Конечно, знает».

Гудок автомобиля напомнил Нику, что он стоит посреди улицы. Развернувшись, он прыгнул на тротуар, опустил голову и зашагал обратно к парку. «Только не бежать, – сказал он себе. – Он тебя не видел. Шагай. Держись спокойно».

Оказавшись среди деревьев, он рискнул оглянуться. Бенни исчез.

Ник понимал, что если Бенни заметил его, он уже обзванивает всех, и пропажу вот-вот начнут искать. «Господи, – подумал Ник, – что же делать? – он двинулся в глубь парка, то и дело поглядывая назад. – Не оставаться же в парке навсегда».

– Йо, чел. Ваззап?

Ник вскрикнул от неожиданности: нагнав его сзади, с ним поравнялся парень на навороченном велике «ВМХ». Резко развернув велосипед, он загородил Нику путь.

С виду этот узкоглазый пацан был на пару лет старше Ника. Одет он был в мешковатую куртку минимум на два размера больше, чем нужно, и широкие, едва удерживавшиеся на бедрах штаны. Светлые волосы, заплетенные в косы-корнроуз, торчали из-под бейсболки с эмблемой «Доджерс», как наэлектризованные гусеницы.

Пацан небрежно развалился в седле, упершись ногами в землю. По губам его зазмеилась зловеющая самодовольная улыбочка.

Сердце Ника застучало, как выбивающий дробь барабан. «Может, он из пацанов Марко? Выглядит в точности как эти козлы».

Пацан с косичками-гусеницами почесал прыщавый подбородок и навалился на руль велосипеда.

– Йо, друган. Долларом подогреешь?

Ник немного расслабился. Просто еще один хрен вознамерился его обтрясти. Неужели он и вправду поверил, что все местные пацаны только и делают, что ищут его?

Не получив ответа, башка-в-гусеницах вздохнул, вынул изо рта комок жвачки, прилепил его к рулю и мрачно взглянул на Ника, будто говоря: «Ну что ж, к делу».

С такими козлами Нику приходилось иметь дело каждый день – немного унижения, немного рукоприкладства, немного утраченного самоуважения – эта забава не кончалась никогда. Но сейчас у Ника не было времени на подобные игры. Нужно было убираться отсюда, да поскорее. Ник уже подумывал, не сунуть ли ему всю наличность – тогда он, возможно, уберет хотя бы рюкзак. Но далеко ли ему удастся уйти без гроша в кармане?

– Йо, чел, я с тобой говорю.

Тон парня явно означал, что старина Ники-бой чрезмерно испытывает его терпение.

«Интересно, этот клювастый типа-гангстер хоть фразу может сложить без “йо, чел” и “друган”?» – подумал Ник.

– Йо, друган, – продолжал парень, – ты чо, глухой или типа борзый?

Он щелкнул пальцами прямо перед носом Ника. Ник вздрогнул и отшатнулся.

– Да не дергайся, друган, – фыркнул пацан. – Спокуха, чел. Я – так, прикалываюсь.

Ник ухитрился растянуть губы в улыбке и выдавить смешок – и тут же возненавидел себя за это. Хуже этих нескончаемых «приколов» было только одно – притворяться, будто тебе самому смешно. Но в этом случае смех был ошибкой: дело происходило не в школе. Ник был один в ночном парке, и этот смешок подсказал пацану, что перед ним не боец, а жертва.

Пацан понизил голос, заговорил холодно, серьезно:

– Сколько у тебя денег?

Угрожающий тон напугал Ника: казалось, этот пацан вполне мог переступить черту и всерьез избить его, а то и изувечить.

– Я здесь со старшим братом, – сказал Ник, стараясь говорить как можно спокойнее, словно рядом и в самом деле был старший брат, готовый защитить его.

Но пацан даже не потрудился оглянуться. Просто сидел, скрестив руки на груди, и выражение его лица яснее всяких слов говорило: «лажу мне тут не гони».

– Он только что ушел вон туда, за деревья, – сказал Ник, указав на темные заросли. – Отлить. В любой момент вернется.

Конечно, в сумраке среди деревьев не было никакого старшего брата, отошедшего облегчиться, но если бы кто-то из мальчишек удосужился приглядеться, то вполне мог бы увидеть тень с золотистыми глазами, тихо кравшуюся к ним вдоль ветви огромного дуба.

Пацан медленно покачал головой.

– Йо-о-опта...

Его малопрстойная присказка прозвучала, как долгий разочарованный вздох; он точно вопрошал, зачем же Ник врет такому славному парню, как он.

– Йо, в рюкзаке чо?

Ник крепче стиснул лямки. Откинув челку с глаз, он огляделся в поисках пути к бегству.

– Эй, – сказал пацан, сощурившись на Ника. – Где это я тебя видел?

Ник похолодел.

– Ну точно! Ты ж у Марко в доме живешь.

«Только это не его дом!» – захотелось крикнуть Нику. Дом принадлежал бабушке Ника. Марко был всего-навсего съемщиком, но он и его дружки взяли верх и распоряжались домом, как своим, а мать Ника – его треклятая мамаша – даже не пыталась сделать с этим хоть что-нибудь.

– Ага, – продолжал пацан, – ты – тот ненормальный, который живет наверху вместе с мамочкой и никогда не выходит из комнаты. Марко говорит, то ли педик, то ли еще что-то такое.

Если «ненормальный» означало, что Ник не играет в дележ территории с этими «типа-гангстерами» с улицы, не теребит ежеминутно мотню на штанах, не зовет девочек сучками, не носит свитеров на три размера больше нужного и не строит из себя «тру гангста» с утра до вечера, то да, с этим нельзя было не согласиться. Но Ник понимал: дело не только в этом. Даже в Форт-Брэгге, до переезда, у него никак не получалось попасть в струю, вписаться в компанию. А уж здесь, в Бруклине, где «ненормальный», в сравнении с тем, как называли его местные пацаны, звучало едва ли не ласково, он вовсе начал чувствовать себя прокаженным или пришельцем с другой планеты. Поэтому в последнее время он оставил все попытки завести друзей и, пожалуй, слишком много времени проводил в своей комнате, читая, рисуя, играя в видеоигры – все что угодно, лишь бы избежать столкновений с уродами вроде этого.

– Эй, а ты Бенни не видел?

– Кого? – переспросил Ник, отступив на шаг назад.

– Что значит «кого»? Бенни! Друган, он же постоянно у вас в доме торчит. Не видел его? Ник помотал головой и отступил еще на шаг, но пацан толкнул велик вперед и догнал его.

– Слушай, мне пора, – заговорил Ник. – Э-э-э... Надо сделать кое-что. Для Марко. Сам понимаешь.

– Чо? Для Марко? Ты теперь под Марко бегаешь? Да не гони.

– Ничего особенного, – поспешно добавил Ник. – Мелкое поручение.

– А, вон как! – голос пацана внезапно зазвучал так приветливо, словно это вовсе не он только что собирался избить Ника и вытрясти из него все до последнего цента. – Бенни и за меня замолвил словечко. Сказал, может, Марко и меня скоро к делу пристроит. Слышь, друган, – с запозданием добавил он, – ты ж понимаешь, я просто прикалывался, ага? Без обид, ага?

– Конечно, – ответил Ник, вновь заставив себя улыбнуться – что угодно, только б убраться отсюда поскорее. – Ладно, увидимся.

Он направился к детской площадке.

– Йо, – крикнул пацан ему вслед. – Увидишь Марко, скажи: респект ему от братухи Джейка!

«Именно так и сделаю, – подумал Ник. – Когда он будет жечь мне язык раскаленной проволокой, обязательно скажу: твой приятель Джейк передавал привет».

Тут телефон Джейка ожил. Ник понял, что это Бенни, еще до того, как Джейк успел ответить, и зашагал быстрее.

Пацан нашарил в кармане телефон и открыл его.

– Йо. Чо? Друган, ты ж сказал – в парке. Чо? Гонишь! Чо, правда – он? Да не гони! Ох, ни хрена себе! – пацан метнул быстрый взгляд вслед Нику. – Не, я для тебя кое-что получше сделаю. Не, братан, у меня тут как раз то, что тебе нужно.

Сердце Ника забилося в груди, точно пойманная птица.

– Да, – продолжал пацан, – в точности. Окей, круто. У черепахи. Ну знаешь эту уродскую зеленую горку на детской площадке? – он еще раз взглянул на Ника. – Не бойсь, не уйдет...

Ник бросился бежать. Если он успеет добраться до деревьев, то сможет скрыться в кустах, и тогда у него будет шанс. Он мчался так быстро, что даже не услышал приближения велосипеда. Обгоняя Ника, мальчишка пнул его в бок. Не удержавшись на ногах, Ник упал и проехался поперек дорожки, ободрав ладони о шершавый бетон. Ник вскрикнул от боли и хотел вскочить, но пинок подоспевшего Джейка снова сбил его с ног.

– Ты ж не уйдешь, не дождавшись старшего брата, верно? – спросил Джейк, пнув Ника еще раз.

О бетон зашлепали подошвы кроссовок, и к Нику с Джейком подбежали двое мальчишек. – Йо! Йо! Джейк! – завопил один из них.

Это был Бенни.

– Друган, видал, какой удар? – звенящим от восторга голосом заорал в ответ Джейк. – Видал, а? Да я прямо Стивен, мать его, Сигал! – оттянув одной рукой мотню штанов, он втянул нижнюю губу, затряс головой и растопырил пальцы. – С Джейком-Змеем не шути! Что скажешь, Бенни? – Джейк поднял навстречу Бенни кулак костяшками вперед. – Брофист, нигта!

Взглянув на Джейка едва ли не с жалостью, Бенни оставил его кулак без внимания и устремил холодный взгляд на Ника. Взгляд его ясно говорил, что он, в отличие от этого дауна Джейка, шутить не намерен.

Бенни был очень здоров. Ник краем уха слышал, что тот был дифенсив тэклом² в команде школы Авраама Линкольна, пока его не выгнали за нападение на учителя математики – по слухам, он выколол учителю глаз карандашом. Крепкие мускулистые руки, будто корни дерева, способные разрывать квотербэков пополам, густые сросшиеся брови, нависшие над маленькими, сощуренными глазами... Взгляд этих глаз был холоден. Нет, в нем не было угрозы – только холод, будто Бенни не испытывал совершенно никаких эмоций.

Бенни смотрел на Ника, сверля его холодным, бесчувственным взглядом. Наконец он сказал:

– Да-а. С кем бы мне сейчас меньше всего хотелось поменяться местами – это с тобой.

– Точняк! – добавил Джейк. Затем он обратился к третьему, невысокому мускулисту парню с короткими толстыми руками и покатыми плечами: – Йо, Фредди! Глянь на его обувь! Зашквар полный!

– Пидорские кеды, – согласился Фредди, пнув Ника в подошву. Его бруклинский акцент был так силен, будто Фредди набрал полный рот стеклянных шариков.

Речь шла о липовых «конверсах» Ника, зеленых, как шляпа лепреккона. На это Ник даже не обиделся – ни у кого в мире эти кеды не вызывали большего омерзения, чем у него самого. Кеды были из тех, что можно найти в любом дисконтере, в корзине прямо под витриной с часами за доллар. Он вырос из своих зеленых «вансов» – лучшей пары обуви для скейтинга, какая у него когда-либо была – вскоре после переезда, попросил мать купить новую пару, и она вернулась домой вот с этим чудом. Ник тут же спросил, как в них ездить на скейте, вправду ли она думает, что он пойдет в этом в школу, и действительно ли она – самая жуткая скряга во всем этом долбаном Нью-Йорке. В ответ она назвала его избалованным щенком и вышла из комнаты. Скейт, конечно, исчез вскоре после того, как в доме появился Марко, и эта часть дела разрешилась сама собой, но как вписаться в общую компанию, если в школе тебя каждый день высмеивают?

Бенни раскрыл сотовый телефон, нажал повторный вызов, откинул капюшон худи с эмблемой «Никсов» и почесал темный ежик волос на затылке.

– Эй, Марко! Ну, кто у нас молодец? Точно. Нет, какой там треп. Конечно, поймал. Он, придурок, пошел прямо к метро, как ты и говорил. Мы в парке. Не знаю... – Бенни огляделся вокруг. – Тут, рядом с детской площадкой. Нет, не с той. Рядом с той, где эта идиотская черепаха. Ждем. Не волнуйся, никуда этот сучонок не денется.

Бенни захлопнул крышку телефона.

– Рюкзак проверь.

Фредди схватился за рюкзак Ника. Вырвав рюкзак, Ник вскочил на ноги, но, не успев он сделать и полшага, как Фредди поймал его и больно заломил руку.

² Дифенсив тэкл – в американском футболе игрок, стоящий в центре линии защиты. Его задачей является либо атака квотербэка (для этого нужно пробиться сквозь построение лайнменов нападения), либо перехват игрока, бегущего с мячом через середину линии схватки.

Бенни выдернул рюкзак из рук Ника.

– Интересно, что у нас тут? – саркастически спросил он, расстегивая молнию.

Заглянув внутрь, он присвистнул и показал рюкзак Джейку с Фредди. Те выпучили глаза.

– Блин! Да тут на сотню тыщ! – воскликнул Фредди.

Джейк изумленно уставился на Ника.

– Чел, Марко порежет тебя на куски и рыбам скормит.

Ник рванулся, пытаясь вывернуться из захвата, и закричал, завопил во все горло. Бенни ударил его. В голове будто разорвалась ракета. Ник снова закричал, и тогда Бенни ударил его в живот. Ник согнулся чуть ли не вдвое. Схватив его за волосы, Бенни резко вздернул голову Ника кверху и склонился к самому его лицу.

– Хочешь удрать? – ухмыльнувшись, Бенни ухватился за пояс штанов Ника и сдернул их вниз, до самых щиколоток. – Давай. Беги.

Ник закашлялся, захрипел, пытаясь вдохнуть.

– Пусти его, – сказал Бенни.

Фредди разжал пальцы.

Ник схватился за живот и едва не упал.

– Давай, дохляк, – сказал Бенни. – Чего ждешь? Линяй.

Джейк с Фредди дружно фыркнули.

Бенни толкнул Ника вперед. Споткнувшись, Ник затоптался на месте, но сумел устоять, несмотря на спущенные к щиколоткам штаны.

Джейк с Фредди злорадно заржали.

Тогда Бенни ударил Ника плечом, будто лайнбэкера³. Запутавшись в штанах, Ник рухнул на землю.

– Проверьте штаны и трусы, – велел Бенни. – Этот мелкий педрила мог и в задницу что-то запихать.

Прижав Ника к земле, Фредди сунул руку в его карман и вытащил стопку купюр.

– Ого! Сегодня получка!

– Дай сюда, – сказал Бенни, забирая у него купюры. – Это деньги Марко.

Бенни склонился над Ником так низко, что Ник смог разглядеть следы томатного соуса у уголков его рта.

– Марко сказал, что привезет ящик с инструментами. Сказал, устроит настоящее шоу ужасов. Люблю шоу ужасов. А ты?

Ветка над ними вздрогнула, вниз посыпались желтые листья. За этим последовал глухой удар о землю.

Ник с Фредди увидели его первыми. Заметив перемену в их лицах, Бенни с Джейком резко обернулись.

На дорожке стоял мальчишка – немногим выше Ника. На нем были сшитые вручную кожаные штаны с пришитыми прямо к штанинам остроносыми сапожками. Еще он был одет в потрепанный фрак, старомодный, с длинными фалдами, под ним – черная худи, а на груди, будто кошелек, висела сумка из сыромятной кожи. Мальчишка откинул капюшон, выставив на всеобщее обозрение копну рыжих волос длиной до плеч с множеством застрявших в ней листьев и веточек. Нос его и щеки украшала густая россыпь веснушек. Уши его были заострены, как у Спока или у одного из маленьких помощников Санта-Клауса, но самым странным был цвет глаз – ярко-золотой.

Мальчишка упер руки в бедра, и лицо его озарилось широкой улыбкой.

– Меня зовут Питер. Можно мне тоже с вами поиграть?

³ Лайнбэкер – в американском футболе игрок второй линии защиты.

Похититель детей присматривался к подросткам, не забывая улыбаться, тщательно скрывая презрение. «Надо действовать хитро, – подумал он. – Иначе вся забава будет испорчена».

Лица трех подростков постарше застыли в растерянности.

«Слепы, – подумал Питер. – Слепы, как орех в скорлупе. Повсюду вокруг волшебство, а они не видят его ни капли!»

Как же такое возможно? Каких-то пару лет – а может, даже месяцев назад они еще были детьми, волшебство переполняло их, открытых навстречу всем чарам, витающим вокруг...

«А взглянуть на них теперь? Жалкие неуклюжие идиоты, обреченные всю оставшуюся жизнь провести в поисках того, что потеряли и даже не заметили потери. Я окажу им услугу, выпустив кишки всем троим, – при этой мысли глаза Питера заблестели озорным огоньком. – Дьявол, это будет забавно. Смотреть на их лица, когда они начнут жонглировать собственными потрохами... В самом деле, забавно – да еще как!»

Но он пришел сюда не ради забав. Ему предстояло обзавестись новым другом.

Питер взглянул на мальчишку со спущенными до щиколоток штанами – того, что так старался сдержать слезы. Его нужно было расположить к себе – ведь ребенка нельзя протащить сквозь Туман против воли. Этого Туман не позволил бы ни за что. Однако ребенок может пойти сквозь Туман за тобой – для этого он должен тебе доверять. Но доверия ребенка не завоеешь, выпустив прямо на его глазах кишки троим подросткам – пусть даже самым злобным и мерзким. Так новых друзей не найти.

Питеру очень нравилась эта часть дела – завоевывать детские сердца. Это давало возможность немного поиграть. «Игры – дело важное. Разве не игра отличает меня от таких, как эти мутноглазые гаденыши?»

И похититель детей решил поиграть с ними – чуть-чуть.

– Так можно и мне с вами поиграть? – повторил мальчишка.

Фредди напряжился, хватка его сжалась сильнее, и Ник понял, что Фредди обескуражен появлением рыжеволосого золотоглазого мальчишки не меньше, чем он сам.

– Ты что за хрен такой?! – прорычал Бенни.

– Я Питер.

– И какого хрена ты от нас хочешь?

– Поиграть, – раздраженно ответил Питер. – Сколько раз тебя спрашивать, куриные мозги?

Сросшиеся брови Бенни съехались к самой переносице.

– Куриные мозги?

Впервые в жизни Ник видел Бенни в замешательстве. Бенни оглянулся на Фредди, будто не в силах понять, считать ли эти слова оскорблением.

– Ого. Пацан, не стоило так говорить, – сказал Фредди. – За такое он тебя убьет.

Но Бенни не был похож на человека, готового кого-то убить. Он, как и все типы вроде него, не привык к такому откровенному пренебрежению, и был сбит с толку.

– Ну, какие правила? – спросил Питер.

От замешательства сросшиеся брови Бенни сложились домиком.

– Что? – откликнулся он.

– Да, – вздохнул Питер, закатив глаза, – блестящий ум. Правила, хрен ты с ушами. Какие правила у этой игры со штанами?

– Правила? – Бенни немного пришел в себя, и теперь голос его звучал не озадаченно, а зло. Шмякнув рюкзаком Ника о землю, он ткнул пальцем в сторону Питера. – Я не играю по правилам, понял, придурок хренов?!

– Хорошо, – ответил Питер.

Никто и глазом моргнуть не успел, как он метнулся вперед и сдернул мешковатые треники Бенни до самых щиколоток.

– Один-ноль! – крикнул Питер.

На миг Бенни застыл с отвисшей челюстью, уставившись на собственные трусы. Честно говоря, на его трусы уставились все, и они оказались отнюдь не из стильных «кейвин кляйнов». Судя по множеству дыр и пятен, эти старомодные, ничем не примечательные белые трусы сменили не одно поколение владельцев.

Щеки Бенни побагровели, будто лавовая лампа. Он поднял взгляд. Казалось, его крохотные узкие глазки вот-вот вылезут из крохотных узких глазниц.

– Ах ты сучонок!!! – заорал Бенни и выбросил руку вперед, стараясь схватить Питера.

Но рыжеволосый мальчишка оказался быстр – невероятно быстр. Ник никогда в жизни не видел такого проворства. Бенни промахнулся, ноги его запутались в штанах, и он упал – сверкая дырявыми исподниками, шлепнулся на дорожку, как толстый мешок дерьма.

Его выходка была вознаграждена громогласным искренним хохотом остроухого мальчишки. Ник тут же обнаружил, что тоже улыбается. Улыбку не получалось сдержать никак.

Фредди отшвырнул Ника назад и прыгнул на Питера. Питер без всяких усилий отскочил в сторону, наступив прямо на затылок Бенни и расплющив его лицо о бетон дорожки. Бенни поднял голову. Нос его торчал под неестественным углом, из ноздрей потекла кровь.

– Ничего себе! – вырвалось у Ника.

Фредди бросился за Питером и прыгнул через Бенни как раз в тот момент, когда тот попытался встать. Столкнувшись, Бенни и Фредди упали.

Подпрыгнув высоко в воздух, Питер согнул ноги и приземлился на спину Фредди обоими коленями – таким трюком мог бы гордиться любой профессиональный рестлер. Удар вышиб из легких Фредди весь воздух, до ушей Ника донеслось болезненное «уф-ф-ф».

Фредди свалился с Бенни и покатился по траве, разевая рот в безуспешных попытках вдохнуть, будто рыбка-гуппи во время кормежки. Пока Фредди старался вобрать в легкие хоть унцию воздуха, Питер подскочил к нему, ухватил сзади за пояс и рывком спустил с него штаны.

– Два-ноль!!! – объявил Питер. – Два-ноль в мою пользу!

Он подмигнул Нику и разразился новым залпом смеха.

Ник не знал, что и думать – восторгаться или ужасаться.

Питер переключился на пацана с велосипедом. Уперев руки в бедра, он устремил на Джейка недобрый взгляд, приглашая его дерзнуть сделать свой ход.

Но Джейк – старый добрый мастер ван-фу, Джейк-Змей, прямо Стивен, мать его, Сигал – застыл на месте, да так, будто его хватил удар.

– Ну, козел!!! – завизжал Бенни, поднимаясь на ноги. Рывком натянув штаны, он сунул руку в карман, вытащил нож – здоровенный нож – и с резким щелчком раскрыл лезвие. – Ну, козлина! Козлина позорный!!!

– Ой, блин, – вырвалось у Ника.

Бенни был вдвое выше и, должно быть, вчетверо тяжелее, чем Питер. «Беги, пацан, – подумал Ник. – Беги, пока есть возможность». Но Питер стоял на месте, уперев руки в бедра и плотно сжав губы. Глаза его сузились, превратившись в темные щелки.

Нижняя губа Бенни тряслась мелкой дрожью. Сплюнув кровью, он завизжал, бросился вперед и взмахнул ножом, норовя полоснуть Питера по лицу.

Питер пригнулся и развернулся на месте, и Ник вновь поразился его быстроте. Питер ударил наотмашь, и его кулак угодил Бенни прямо в лицо. Сидя на земле, Ник не смог разглядеть удара, но, судя по тому, как запрокинулась голова Бенни, судя по жуткому хрусту, устоять на ногах он не мог.

Бенни рухнул на колени. Руки его безжизненно обвисли, и он упал на бетонную дорожку лицом вниз.

По спине Ника пробежал холодок. «Он мертв! Наверняка мертв!» На долю секунды лицо Питера приняло странный, будто затравленный, вид, но, словно зная, что Ник не сводит с него глаз, рыжеволосый мальчишка тут же вновь хитро улыбнулся. Однако мимолетное выражение его лица не оставляло мыслей Ника. В нем было что-то дикое, наводящее жуть.

Присев над Бенни, Питер ухватился за резинку его штанов и снова сдернул их до щиколоток.

– Тоже считается! Три-ноль в мою пользу! – с восторгом объявил Питер. – Я выиграл! Запрокинув голову, он закричал петухом.

С ужасом глядя на него, Фредди кое-как натянул штаны и поднялся. Кинувшись прочь, он столкнулся с Джейком, едва не сбив того с велосипеда. Джейк покосился на Ника и стрельнул взглядом в сторону его рюкзака.

«Ой-ей! Нет!» – подумал Ник, рванувшись к рюкзаку, но вновь запутался в спущенных штанах и упал. Он яростно рванул пояс штанов вверх. Тем временем Джейк подхватил его рюкзак и помчался прочь, бешено вращая педали. К тому времени, как Ник справился со штанами, Джейка и след простыл.

Питер с хохотом замахал рукой ему вслед.

– Поки-чмоки!!!

– Твою мать! – закричал Ник, ударив кулаком по траве. – Твою мать! Твою ж мать!!!

– Эй, малыш, – окликнул его Питер. – Как я их, а?

Ник схватился за голову, крепко вцепившись в собственные волосы. «Что же теперь делать? – подумал он. – Теперь-то точно кранты».

– Ну, так как я их, а? – повторил Питер. – Что скажешь?

Только тут Ник понял, что Питер обращается к нему.

– А? – негромко, неуверенно переспросил он.

– Ну, игра со штанами! Я выиграл – скажешь, нет?

Глядя на Бенни, распростертого на дорожке кверху задницей, выглядывающей из-под сползших трусов, с этим нельзя было не согласиться.

Подойдя к Нику, Питер протянул ему руку.

Ник отшатнулся.

– Эй, – сказал Питер, – все окей. Мы же в одной команде, забыл?

Ник неуверенно подал руку. Питер от души встряхнул ее и поднял Ника на ноги.

– Я – Питер. А тебя как звать?

– Ник, – рассеянно ответил Ник, оглядывая парк.

Несомненно, Марко с друзьями могли появиться из-за деревьев в любой момент, и Ник прекрасно знал, что эти типы шутить не будут – они вооружены и без колебаний пристрелят их обоих.

– Рад знакомству, Ник. Ну, Ник, чем теперь хочешь заняться?

– Что?

– Чем теперь хочешь заняться?

– Убраться отсюда, – буркнул Ник.

Сделав несколько шагов к деревьям, в сторону станции метро, он остановился и полез в карман.

– Блин!

Бенни забрал все до цента. Придется искать другой способ убраться из Бруклина. От страха сдавило грудь. Куда идти? Марко мог оказаться где угодно, мог явиться с любой стороны! Быстро развернувшись, Ник едва не врезался в Питера. Он даже не слышал, что остроухий мальчишка идет следом. Глаза Питера озорно блеснули.

– Так что? Каков план?

– Что? – заговорил Ник. – План? Слушай, пацан...

– Питер.

– Питер, ты не понимаешь, за мной гонятся жуткие типы, и...

Казалось, Питера это только обрадовало.

– У них стволы. Они шутики шутить не будут. Они тебя убьют.

– Ник, я же сказал: мы в одной команде.

Ник хрипло засмеялся. «Господи, он думает, это какая-то игра!»

– Хочешь, мы сами их убьем? – предложил Питер. – Можем здорово поразвлечься!

– Что? – недоверчиво переспросил Ник, видя, что мальчишка не шутит. – Нет, даже видеть их не хочу. Мне нужно исчезнуть, да поскорее.

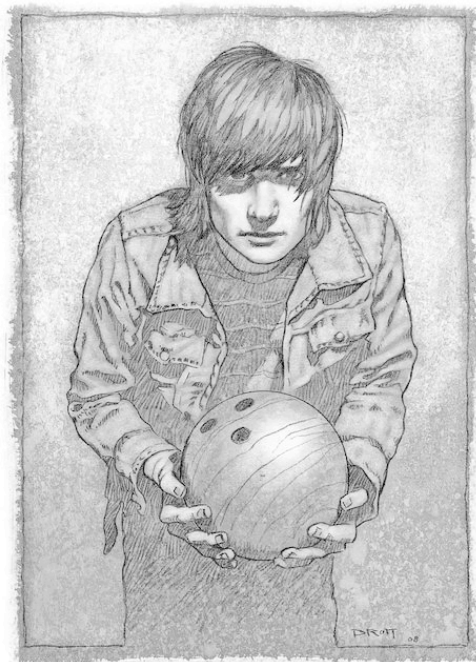
– Я знаю один тайный путь, – сказал Питер, взглянув направо и налево. – Они нас ни за что не заметят. За мной!

Питер сорвался с места и помчался вперед.

«Чокнутый», – подумал Ник, но тут же почувствовал неодолимое желание без оглядки рвануть следом. В золотоглазom мальчишке было нечто притягательное, и Нику – вопреки всякой логике и разуму – очень хотелось пойти с ним. Ник вновь оглядел парк. Вокруг было темно. Он был один, а одному так тяжело... Он крепко стиснул кроличью лапку, глубоко вдохнул и пустился вдогонку за золотоглазым мальчишкой.

Глава вторая

Ник

Они устроились отдохнуть во двореке небольшой церкви. Около часа Питер вел Ника сквозь лабиринт закоулков и задворок – он шел, бежал, перебирался через заборы, нырял в кусты... Казалось, шнырять по городу незамеченным для него совершенно естественно.

Парк остался далеко позади, и Ник вздохнул свободнее. Он рухнул на скамейку, а Питер вспрыгнул на нее, устроился рядом на корточках, будто на насесте, и поднял взгляд к звездам, сделавшись очень похожим на каменную горгулью.

– Ник, тебе есть куда податься?

– Конечно, – ответил Ник. – Ну, я... Так, есть одно место. Ну...

Тут он осекся. Куда он пойдет? Ни денег, ни рюкзака – ничего. Ни единого никеля⁴, ни даже этой треклятой банки арахисового масла. К глазам подступили слезы. Вернуться домой? Об этом не могло быть и речи. Ник вспомнил ханыг из парка. Скоро ли и он станет одним из них? Скоро ли станет вечно грязным, больным, озябшим и голодным? Скоро ли будет готов на все что угодно ради жалкой подачки? И это – если ему вообще удастся выбраться из Бруклина живым...

Слезы покатались из глаз.

– Не знаю! – выпалил он.

Пока Ник рыдал, уткнувшись лицом в ладони, золотоглазый мальчишка молча сидел рядом. Он не пытался говорить – просто ждал, когда Ник успокоится.

– У меня есть местечко.

Ник утер слезы и поднял на него взгляд.

– Авалон, – пояснил Питер. – У меня там крепость.

Ник поднял брови и даже сумел усмехнуться.

⁴ Никель – разговорное название монеты в 5 центов.

– Крепость?

– Тайное место. Заколдованный остров. Взрослым ходу нет. Полно фей, гоблинов и троллей. Спать не ложимся, сколько хотим – хоть до поздней ночи. Ни родителей, ни учителей, указывающих, что можно, что нельзя. Не надо мыться, чистить зубы, кровати заправлять. Развлекаемся с мечами и копьями, а иногда, – Питер понизил голос, – даже бьемся с чудовищами.

Ник покачал головой и криво улыбнулся.

– Питер, ну ты и чудик.

– Хочешь со мной?

Ник колебался. Он понимал, что Питер шутит насчет тайного места, фей и прочей ерунды, однако звучало все это вполне серьезно. Да что там, Ник почти поверил, что все это правда! Но, правда это или нет, мысль о «крепости», где можно заночевать, потусоваться с другими, пустившимися в бега – да что угодно, только не остаться здесь, в темноте, одному, – показалась просто прекрасной.

– Ты там и живешь? – спросил Ник.

– Ага.

– А родители не против?

– Нет у меня родителей.

– О, – протянул Ник. – И у меня. Больше нет.

Наступила долгая тишина.

– Значит, крепость, – сказал Ник. – И феи, и гоблины, да?

Питер кивнул и широко ухмыльнулся.

И Ник вдруг обнаружил, что ухмыляется в ответ.

На вопрос Ника Питер ответил, что крепость «гдетотам», и указал куда-то в сторону нью-йоркской гавани. Ник решил, что это где-то в доках.

– Идем со мной, – сказал Питер, натянув на голову капюшон. – Сам увидишь.

И Ник двинулся за Питером по темному Бруклину, все еще избегая тропинок сквозь кусты и углов, где торчали подростки, но больше не шмыгая через улочки и не прячась за деревьями. Так далеко к западу встречи с Марко можно было не опасаться, но Ник невольно смотрел по сторонам – не покажется ли зеленый микроавтобус. Однако со временем шаг его сделался легче, Ник расслабился и почувствовал, что очень рад – просто потому, что идет по улице не один.

Несколько раз он украдкой косился на остроухого мальчишку. В нем было что-то завораживающее. Его необычность, огонек безумного веселья в его глазах – все в нем приводило Ника в восторг. Все – от жестов до странной одежды. Даже походка. Он шел вперед, точно действительно крутой чувак – легко, уверенно, нагло, как будто бросая вызов любому, кто рискнет оспорить его право пройти. Ничто не ускользало от его внимания – порхающая над тротуаром обертка от жвачки, воркующий голубь, падающий лист. А еще он постоянно поднимал взгляд к звездам, точно хотел убедиться, что они никуда не исчезли.

Он был совсем не похож на ребят с улицы, которых Нику приходилось видеть раньше. Возможно, его одежда была грязна и поношена, но сам он не был чумаз. Да, он был малость чокнутым, но не заикливался на своих закидонах, и его глаза – пусть и странного золотистого цвета – были ясны и остры. Но, хоть Питер и казался другом – из тех, настоящих, друзей, на которых можно положиться всегда и во всем, – Ник не забывал, что ничего не знает об этом странном мальчишке и должен держаться настороже. К тому же за его заразительным смехом и проказливой улыбкой крылось что-то еще – непонятное, зловещее, угрожающее.

Ноздри защекотал аромат персиков, и рот Ника наполнился слюной. Он тут же понял, что запах доносится из китайского продуктового магазинчика в нескольких шагах впереди.

– Есть хочешь? – спросил Питер.

Нику вспомнилось, что он ничего не ел с самого утра. А еще вспомнил, что денег у него – ни цента.

– Погоди, – сказал Питер, окинув улицу быстрым взглядом. – Встань тут, да посматривай. Окей?

– Посматривать? – переспросил Ник. – Куда?

Но Питер уже скрылся в дверях магазина.

Такой поворот Нику вовсе не понравился. Он встал на цыпочки, чтобы заглянуть за полки с фруктами и понять, что затеял Питер, но увидел лишь рыжую макушку, то появлявшуюся над полками, то исчезающую. Несколько минут спустя Питер быстрым шагом вышел из магазина с двумя пластиковыми контейнерами дымящейся курицы «гунбао» с жареным рисом и эгг-роллами и тремя большими пакетами шоколадных батончиков. Все это он с трудом мог удержать в руках.

– Вот, помоги-ка, – сказал Питер, сунув пакеты Нику.

– Погоди, – запротестовал Ник. – Ты же не...

– Пожалуй, надо сваливать, – перебил его Питер и быстро направился прочь.

Секундой позже из магазинчика выскочил старый пузатый китаец в грязном переднике и желтых резиновых сапогах.

Китаец взглянул на Ника, перевел взгляд на пакеты конфет в его руках и что-то пробормотал себе под нос. Говорил он по-китайски, но чем еще могли быть его слова, если не руганью? Указывая пальцем на Ника, китаец завопил.

– Дельзи вола! Дельзи вола! – вновь и вновь кричал он.

Сорвавшись с места, Ник побежал за Питером.

К счастью для Ника, старик-китаец бегал не лучше, чем говорил по-английски. Вскоре Ник оторвался от погони на целых два квартала и обнаружил Питера, ждавшего его на засаженной деревьями улице напротив узкого темного переулка. Питер нырнул в переулок, и Ник последовал за ним.

Упав на какие-то бетонные ступени, Питер захохотал так неудержимо, что едва мог говорить.

– Эй, ты прекрасно справился! – выдавил он сквозь смех, хлопнув Ника по спине.

– Какого черта? – закричал Ник. Кровь его так и кипела. Что за глупость? Только копов на хвосте ему сейчас не хватало! – Мы в такое влипнуть могли!.. Это не смешно!

Питер поджал губы, стараясь сдержать смех, но его взгляд определенно оставался все тем же – дурашливым, легкомысленным.

– Ты хоть понимаешь, что с нами сделали бы, если б поймали? – прорычал Ник.

Питер помотал головой.

– Да нас бы... Нас бы...

Ник замолчал. Питер так старался сдерживать смех, сохранять серьезный, искренне озабоченный вид... Ник невольно улыбнулся, и это было ошибкой: Питер тут же прыснул и разразился безудержным хохотом. И в этот миг Ник осознал, что ему хорошо – так хорошо, как не бывало давным-давно.

Сидя на холодных бетонных ступенях, они ели краденую курицу «гунбао» и смотрели на облака, плывущие по небу, полному звезд. Казалось, никогда в жизни Ник не ел ничего вкуснее. Порывистый ветер с шорохом гнал по узкому переулку оранжевые листья и скомканные бумажки. Вечерняя роса сверкала на грязных, покрытых граффити стенах. Негромко потрескивала трансформаторная будка, издавала донесся гудок статен-айлендского парома.

Питер вздохнул.

– Как же они прекрасны.

– Что? – не понял Ник.

– Звезды, – негромко, благоговейно пояснил Питер, глядя в ночное небо. – Я так скучаю по звездам...

Это показалось Нику странным, но странностей в Питере было – хоть отбавляй.

Надорвав пакет с батончиками, Питер вытащил пару для себя и подал несколько штук Нику.

Тут Ник заметил шрамы на его руках. На лбу Питера тоже имелся шрам, еще один, поменьше – на скуле, и что-то вроде залеченной колотой раны на шее, сбоку. В каких же переделках ему пришлось побывать?

– Зачем тебе столько конфет? – спросил Ник.

– Для наших, на всю шайку, – жуя, ответил Питер. – Там, в крепости.

– У тебя правда есть крепость?

– Конечно.

– Питер, а куда мы все же идем?

Питер хотел было что-то сказать, нахмурился, снова раскрыл рот, но промолчал. Глаза его хитро блеснули.

– Эй, что это?

– Где?

– Вон, у тебя под ногой.

Но Ник не смог ничего разглядеть – было слишком темно.

– Дерьмо?

Ник инстинктивно отдернул ногу.

– Да где?

Питер потянулся в темноту и поднял с асфальта комковатую бурую колбаску.

– Ага, большой, жирный кусок дерьма.

Ник так не думал: колбаска была подозрительно похожа на батончик «Бэби Рут».

Питер с чавканьем вгрызся в него.

– Ум-м! Вкуснятина!

Ник фыркнул и захохотал. Питер присоединился к нему, не забывая громко чавкать. Смеяться становилось все проще и проще. Смерть отца, переезд, новая школа, скотина Марко... За всем этим Ник забыл, каково это – быть всего-навсего легкомысленным несмышленным мальчишкой.

– Э! – хриплый оклик, раздавшийся из темноты, тут же сменился приступом кашля. – Э, чу... Чуваки, вы чо это тут?

Ник с Питером переглянулись и устремили взгляды на грудку коробок у мусорного бака. Одна из них откатилась в сторону, и кто-то выбрался наружу.

Питер немедленно поднялся.

Человек, выбравшийся из-под коробок, шагнул на островок света под фонарем, и Ник увидел, что это подросток – может быть, года на два старше него. Его длинные светлые волосы слиплись в грязный колтун; одет он был только в джинсы да ветхую футболку.

– Чу... чуваки, помогите... мелочью, – медленно, вразтяжку проговорил он. – Надо тут... это... позвонить. Сколько можете. А?

Ник подобрал пакеты с шоколадками и встал.

– Питер, – шепнул он, – идем отсюда.

– Э, вы куда?

Нетвердым шагом пацан двинулся вперед и положил руку на перила лестницы, преграждая им путь. Вблизи Ник смог разглядеть его обветренные, растрескавшиеся от холода губы и налитые кровью глаза. Пацан был так тощ, что ему приходилось постоянно поддегивать штаны. Тут он увидел шоколадки в руках Ника.

– Э, со мной не поделитесь?

– Это не тебе, – жестко, холодно ответил Питер.

Тощий подросток оживился, яростно потер плечи. Его была крупная дрожь. Вновь подняв взгляд, пацан оценил положение.

– Чуваки, а вы чо здесь делаете? – он быстро огляделся. – Вы одни?

Тон его изменился, и Нику это совсем не понравилось. Он двинулся вперед, пытаясь обогнуть пацана. Тот потянулся к шоколадкам, схватил пакет и вырвал его из рук Ника.

Питер зашипел, и в руке его вмиг возник нож – чуть ли не в локоть длиной.

«Ух ты! Откуда у него такой?»

Питер развернул нож так, что его бритвенно-острое лезвие зловеще, многообещающе блеснуло в свете фонаря.

– Отдай обратно, – сказал он.

– Ага. Ага, окей, – заговорил пацан. – Забирайте, – швырнув пакет Нику, он поднял руки, нетвердым шагом попятился назад и уперся спиной в стену. – У меня больше нет ничего. Давайте, трясите. У меня ничего нет.

Внезапно плечи его ссутулились, руки повисли вдоль бедер.

– Ничего, – упавшим голосом, будто про себя, повторил он.

Измученный, опустившийся, одинокий – еще один мальчишка, загубленный наркотиками, без крыши над головой, без родительской заботы... Что заставило его уйти из дому? Скоро ли и сам Ник дойдет до точки, станет таким же – одиноким, лишившимся всего?

– Идем, – сказал Питер.

Спрятав нож за пазуху, он направился к улице.

Ник сморщился. «Полный отстой – взрослеть таким образом, – подумал он. – В дерьмо влипнуть может всякий, и всему миру будет плевать, хорошим он был или как...»

– Вот. Это тебе.

Сунув руку в пакет, Ник достал горсть шоколадок, оставил их на ступенях и помчался догонять Питера.

За исключением нескольких пабов и ресторанов, работавших до поздней ночи, все вокруг было закрыто. Проходя мимо бара, Ник заглянул в окно. Мрачные, усталые лица, запах табачного дыма и пивного перегара, звон бокалов, натужный смех – мужской, женский... Еще одна нелегкая рабочая неделя осталась позади.

У соседней двери, под вывеской «Все для туризма и спорта – у Антонио», Ник внезапно остановился и уставился в витрину.

Питер остановился рядом.

– Что ты там увидел?

Ник, не отрываясь, смотрел на пару «вансов» в черно-зеленую клетку, прислоненных к скейтборду.

– Кеды? – спросил Питер.

– Нет, ничего, – ответил Ник, не в силах отвести взгляд.

– Хочешь такие?

Ник рассеянно кивнул.

Питер скрылся за углом здания. В последний раз окинув кеды долгим тоскливым взглядом, Ник последовал за ним. Он свернул за угол, но Питера там не оказалось. Оглядев заросший травой двор, Ник увидел у задней двери бара бородатого мужчину, привалившегося к женщине с вислым брюхом. Блузка ее была расстегнута, грудь, выскользнувшая из лифчика, свисала едва ли не до пупка. Мужчина поддел ее сосок, будто кот лапой. Оба захихикали.

– Господи, – прошептал Ник, глядя на них, как загнипнотизированный.

Но тут его внимание привлек лязг железа. Звук доносился из-за мусорного контейнера возле спортивного магазина. Он заглянул за контейнер. Питер ухитрился вынуть прут решетки,

закрывавшей подвальное окно, из ветхой кирпичной кладки и с его помощью расшатывал второй.

– Какого дьявола ты тут делаешь?

Питер крикнул, поднажал, и второй прут с громким лязгом выскочил из стены.

– Бинго!

Ник в ужасе присел и оглянулся в сторону бара. Бородатый все еще лапал женщину, еще один, нетвердым шагом выйдя наружу, натужно блевал. В сторону мальчишек никто и не посмотрел.

Питер толкнул стекло ногой, и окно распахнулось. В подвале было темно и тихо, будто в колодеце. Питер поднял взгляд на Ника.

– Ну?

– Что «ну»? – спросил Ник.

– Ты за кедами идешь или нет?

Ник отпрянул назад, точно увидев гадюку.

– Шутишь? Это же кража со взломом!

На лице Питера отразилось глубочайшее разочарование, и Ник с удивлением обнаружил, что ему не все равно – совсем не безразлично, что думает о нем этот шальной пацан.

– Не думай, я не боюсь, – сказал он чуть-чуть слишком поспешно. – Просто я же не вор, вот и все. Ну, то есть...

– Ник, не позволяй им взять верх. Не поддавайся им.

– Что?

– Не дай им лишить тебя волшебства.

– Волшебства?

Что общего могло иметь волшебство с тем, чтобы забраться в чужой магазин и украсть чужую вещь?

– Не врубаешься? – сказал Питер. – Ты же теперь свободен! Ты больше не должен подчиняться их правилам! – он указал в чернильную темень подвала. – Тьма зовет. Ничтожная опасность, пустячный риск. Чувствуешь, как бьется сердце? Прислушайся к нему. Это звук жизни! Сейчас твое время, Ник. Единственный шанс поразвлечься, пока тебя не лишили всего они – взрослые с их бесконечными строгими правилами, со всеми этими «того нельзя, сего нельзя, так надо, так положено», со всеми этими ящиками и клетками, придуманными специально, чтобы сломить твой дух, убить в тебе волшебство!

Ник уставился вниз, в темный подвал.

– Ну, чего ждешь?

Бесовски ухмыльнувшись, Питер скрылся в окне.

«И правда, чего я жду? – подумал Ник. – Что ждет меня впереди? Даже если бы я мог вернуться домой – что дальше? Закончить школу? Подыскать какую-нибудь дерьмовую работу, чтобы каждый уик-энд напиваться в хлам, стараясь забыть о ней, блевать на задворках баров да лапать за сиськи каких-то уродин?»

Он покачал головой. Питер был прав: если уж жить, так жить здесь и сейчас, прямо в эту минуту. У него и так уже отняли большую часть юности. Зачем отдавать им и остальное? Не пора ли вернуть долги?

Сделав глубокий вдох, Ник скользнул в окно. Повиснув на руках, он нащупал ногой какой-то ящик, прыгнул на него – и тут же рухнул на пол. Что-то упало и с громким звоном разбилось.

– Вот дерьмо!

На долгий миг Ник замер. Казалось, сердце колотится у самого горла. Сейчас сработает сигнализация, завоюют сирены, ночь озарится светом фар, раздастся лай собак – и за ним явится гестапо. Но вокруг было тихо, и он поднялся на ноги.

В подвале пахло плесенью, пылью и старым картоном.

«Где же Питер?»

Тут Ник заметил неяркий свет, падавший из люка в потолке. К люку вела узкая лесенка. Вытянув руки, Ник на ощупь двинулся к ней. Адреналин переполнял каждую жилку, с каждым шагом сердце стучало все громче.

– Слышу, Питер, – с ухмылкой прошептал он. – Слышу звук жизни.

Рассеянный синеватый свет фонарей, проникавший внутрь сквозь витрину, выхватывал из темноты футболки, бейсбольные биты, мячи и велосипеды. Питера не было нигде. Ник прокрался мимо медалей и кубков Малой лиги к кассе. Он знал, что в маленьких магазинах не оставляют на ночь наличных, а если б и оставляли, дело было не в деньгах. Он явился сюда не для кражи – по крайней мере, не для обычной кражи. Тут было иное: он пришел взять свое, а еще, может быть, впервые в жизни распорядиться собственной судьбой – неважно, к добру или к худу.

Ник взглянул поверх стоек с футболками и спортивными костюмами в поисках копны рыжих волос. Золотоглазого мальчишки он не нашел, зато увидел обувь – целый стеллаж. Он двинулся вдоль полок, мимо навороченных кроссовок с пружинами, гелевыми подошвами, подкачкой, подсветкой и блестками – из тех, что пацаны в школе называли «забойными», – пока не заметил ту самую черно-зеленую клетку.

– Бинго, – негромко воскликнул он, совсем как Питер.

Позволив себе полюбоваться кедами несколько секунд, он принялся искать коробку с девятым размером. Нашел десятый, несколько тринадцатых, седьмой, шестой... Девятого не было. Ник сдвинул брови.

– Ну, отыщись же! Отыщись! Отыщись!

Внезапно его лицо озарилось улыбкой. Вот оно!

– Й-есть!

Ник подхватил коробку, но не стал открывать ее сразу. Он смаковал момент, прижимая ее к груди, точно рождественский подарок, который наконец-то можно открыть. Наконец он медленно поднял крышку, с наслаждением вдохнул резкий запах резины и клея, вытряхнул кеды и выставил их на свет.

– А-атлично! – выдохнул он, отшвырнув коробку и плюхнувшись на скамью.

Сдернув с ног контрафактную дешевку, он посмотрел на потрескавшуюся, шелушащуюся резину и расплзшиеся швы. Эти кеды напомнили о матери – самой жуткой скряге во всем этом долбаном Нью-Йорке. Он швырнул их в стену, быстро надел и зашнуровал «вансы», вскочил, запрыгал на носках, глянул на себя в зеркало – и замер. В зеркале, прямо за спиной Ника, маячило в темноте бледное заглавленное лицо. Казалось, за ним наблюдают, будто кот за мышью.

«Какая-то пара обуви – а сколько счастья», – подумал Питер, почувствовав укол зависти.

Простая радость Ника напомнила ему обо всем, что потерял он сам. Пришлось напомнить себе, что скоро Нику даже в голову не придет задумываться о кедах.

Ник вздрогнул и резко обернулся.

– Блин! Я чуть в штаны не напустил!

– Убойные кеды, – сказал Питер, возвращая на место лучшую из своих улыбок.

Секунду Ник смотрел на него, затем опустил взгляд к обновке. Лизнув палец, он коснулся шнурков и зашипел.

– Берегись, чувак, – с ухмылкой сказал Ник. – В этих крошках я смертоносен!

Питер рассмеялся.

– Эй, гляди! – Ник шагнул к полкам со скейтами, подхватил один, уронил доску на носок ноги и резким движением перевернул на колеса. – Ловко, а?

Питер кивнул.

– С дороги!

Вскочив на доску, Ник толкнулся изо всех сил и понесся вдоль длинного центрального прохода. Ударив ногой в тэйл доски, он взвился в воздух, но когда скейт приземлился, задняя часть доски скользнула по гладкому линолеуму, и Ник врезался в стойку с мужскими свитерами, обрушив ее на себя.

Через секунду Ник высунул голову из груды свитеров и вешалок. Он был сбит с толку и смущен.

Питер так и взвыл от смеха.

– Впечатляет!

– Вот ты как? – нахмурился Ник. – Давай поглядим, что ты сам умеешь!

– О, хочешь, чтоб я показал, как надо? В самом деле? Да я же король скейтборда!

Питер подхватил одну из досок. На скейте он не катался никогда, но если даже этот пацан смог, уж он-то точно сможет! Он опустил скейт на пол, поставил ногу на деку и изо всех сил, как это делал Ник, оттолкнулся другой ногой. Доска вильнула в сторону, и Питер, отчаянно размахивая руками, чтобы не потерять равновесия, понесся прямо на Ника.

– Дорогу!!! – заорал он, пытаясь справиться со скейтом.

Веселье на лице Ника сменилось страхом. Он забарахтался среди груды свитеров, убираясь с дороги. Питер попытался свернуть, потерял управление и с маху шлепнулся задом об пол. Доска выскользнула из-под него, понеслась вперед, будто ракета, и врезалась в ногу стоявшего неподалеку манекена. Манекен опрокинулся, голова его запрыгала вдоль прохода и лицом вверх упала прямо Нику на колени. Ник изумленно взглянул на блаженную пластиковую улыбку, поднял взгляд на Питера, и оба заржали, как сумасшедшие.

– О господи, – просипел Ник сквозь смех. – Вот, блин! Ну, чума!

Не выпуская из рук пластиковой головы, он поднялся на ноги, развернулся к ряду баскетбольных щитов, прицелился и сделал бросок. Голова отскочила от щита, но не попала ни в сетку, ни даже в обод. Ник вскинул кулаки:

– Бросок! Мимо! Зрители писаются от восторга!

Исполнив короткий дикий танец, он подцепил ногой скейт, вытолкнул его в проход, прыгнул на деку, толкнулся и принялся носиться по проходу взад-вперед, закладывая виражи, прыгая, тормозя юзом, лавируя между стоек и полок.

Питер поднялся, потирая ушибленный зад, и презрительно взглянул на свой скейтборд.

– Этот просто бракованный.

– Ага, как же!

Питер нахмурился, снял с полки другую доску и внимательно осмотрел ее прежде, чем поставить на пол. Ник с истерическим смехом пронесся мимо, едва не сбив его с ног. Питер прыгнул на доску и помчался за ним, виляя из стороны в сторону и изо всех сил стараясь удержаться на доске. Перед самой дверью Ник резко свернул. Не успев затормозить, Питер налетел на него, и оба врезались в дверь. От удара весь фасад магазина содрогнулся. Завыла сирена сигнализации.

– Твою мать! – заорал Ник, перекрикивая вой. – Валим отсюда!!! – он дернул дверь, но дверь была заперта. Он раздраженно пнул ее, рванул раз, другой – безуспешно. – Придется выбираться через подвал!!! Быстрее!!!

– Нет, ни к чему.

Ник озадаченно оглянулся на Питера. В ответ тот указал на витрину. Там лежал розовый шар для боулинга, украшенный яркими спиралями.

Ник понял его не сразу.

– О, нет! – воскликнул он, замотав головой. – Так же нельзя!!!

Но вдруг в его глазах мелькнули искорки. Питер прекрасно знал, что значит его взгляд. Все они становились такими – стоило им только вправду осознать собственную свободу.

Плотно сжав губы, Ник взвесил шар на ладони и устремил взгляд на стекло витрины. Питер заметил в его глазах злость, откровенную вражду, и понял, что дело не просто в том, чтобы выбраться из магазина, не просто в акте вандализма, не в обычной проказе – все было намного глубже. Нику нужно было сломать клетку прошлого – вырваться из нее на волю. Он был таким же, как все беглецы, многие годы терпевшие издевательства и жестокость, подавленные, всеми забытые. Им нужно было только показать, как облегчить душу. А уж затем, после того как подведешь их к этому, все остальное выходило проще простого. После этого они готовы были идти за Питером куда угодно.

– Покажи им, Ник!!! – закричал Питер. – Покажи им всем большой толстый фак!!!

Ник скрипнул зубами, зарычал и толкнул шар от плеча, будто ядро.

– Хер вам!!! – завизжал он. – Хер вам всем!!!

Шар врезался в витрину, расколов стекло на тысячу сверкающих осколков.

– Йя-хха!!! – закричал Ник, заглушив трели сигнализации.

Шар заскакал по тротуару и, набирая скорость, покатился вдоль улицы под уклон.

– В погоню!!! – вскричал Ник.

Подхватив свой скейтборд, он без оглядки выпрыгнул наружу сквозь выбитое окно.

Питер не смог бы улыбнуться шире, даже если бы захотел. «Он мой». Подхватив свой скейт, он прыгнул следом за Ником и поравнялся с ним на середине улицы. Толпа мужчин и женщин высыпала из соседнего бара посмотреть, что тут за шум. Некоторые были так пьяны, что едва держались на ногах.

Ник дико ослабился в их сторону и вскинул кулаки, выставив вверх средние пальцы.

– Нах-х-х этот мир!!! – пронзительно закричал он. – Нах-х-х весь этот мир!!!

Толпа приветственно вскинула бутылки и ответила ему тем же салютом.

– Нах-х-х этот мир!!!

Питер поднял голову к небу и завыл, наслаждаясь охватившим всех безумием. Он знал, что даже взрослые с унылыми тусклыми взглядами способны дать себе волю, способны вспомнить...

– Шар покатился туда! – воскликнул Ник, притопнув ногой по деке.

Толкнувшись посильнее, он понесся вниз, под уклон.

С последним протяжным воем Питер вскочил на доску и, изо всех сил стараясь не терять равновесия, погнался за Ником.

«Хорошая ночь. Просто прекрасная ночь. Пожалуй, лучшая за последнюю сотню лет».

Глава третья

Туман

– Куда теперь? – спросил Ник.

– В город безумия! – провыл Питер, огибая его и вырываясь вперед.

– В город безумия!!! – подхватил Ник и покатил за ним.

Оба помчались по улице, сшибая мусорные баки, пиная машины, завывая и хохоча. Вслед им неслись трели автомобильных сигнализаций и бешеный лай собак.

Прохладный осенний ветер рвался в легкие Ника, сдувая пряди волос с лица. Сердце стучало в груди, в венах бурлил адреналин, щеки покраснели от возбуждения и полного, абсолютного счастья. Такой непринужденности, такой свободы он не испытывал никогда в жизни. Мысли о Марко, о матери, обо всей прочей ерунде будто остались в миллионе миль позади.

Район малоэтажной застройки тоже остался позади, сменившись складами и промышленными строениями. Путь вел вниз, к докам. Вокруг не видно было ни света фар, ни любых других признаков жизни. Казалось, кроме них двоих в мире нет ни единой живой души, и Нику очень хотелось, чтобы это не кончалось никогда.

По мере приближения к гавани туман густел, обволакивал мальчишек, вился вокруг, будто живой. Питер остановился и запихал шоколадки в сумку. Кроме ножа Ник заметил внутри блок сигарет и несколько упаковок жвачки. Небрежным пинком Питер отправил скейтборд в придорожную канаву.

– Эй, ты что делаешь? Классная же доска!

– Там, куда мы идем, не понадобится.

Ник неуверенно засмеялся.

– Это почему?

Питер посмотрел в глаза Ника.

– Здесь Туман, – сказал он. – Точка невозвращения. Туман приведет нас на Авалон – в такое место, где не придется становиться взрослым. Это остров волшебства и приключений, но он полон опасностей... и чудовищ. Ник, ты идешь со мной по доброй воле?

Ник рассмеялся.

– Ну да, Питер, конечно!

– Нет, ты должен так и сказать.

– Как сказать?

– Сказать: «Иду с тобой по доброй воле».

Ник подумал, что игры в заколдованный остров, пожалуй, заходят слишком далеко, но – ладно, почему бы не подыграть?

– Окей, иду с тобой по доброй воле.

На лице Питера отразилось облегчение.

– Тогда идем, – сказал он.

Оба двинулись дальше. Вместе со зданиями и светом фонарей в завесе тумана начали исчезать и звуки города. Пыхтение буксиров, редкие долгие гудки паромов – туман заглушил все. Вскоре исчез даже запах моря. Ветер стих, воздух сделался затхлым, запахло землей и старым тряпьем. Туман стал ощутимо холоднее и ярче – он будто мерцал, светился сам по себе. Наконец Нику пришлось признаться себе, что все это как-то странно, и отправиться за золотоглазым мальчишкой с острыми ушами на заколдованный остров, возможно, было не лучшей из идей.

– Держись ближе, – прошептал Питер, – и двигайся как можно тише. Совсем ни к чему, чтобы они нас услышали.

Ник и представить себе не мог, кого еще может занести сюда среди ночи, но на всякий случай послушался.

Минут десять они шли сквозь туман. Вдруг Ник зацепился за что-то ногой и упал. Падая, он выронил скейтборд, и ладони скользнули по мокрой рыхлой земле – белесо-серой, того же цвета, что и туман. Ник не мог припомнить, когда асфальт уступил место земле, но не особо удивился, рассудив, что «крепость» Питера, скорее всего, спрятана на свалке или среди заброшенных складов. Удивило другое: земля вдруг начала испаряться с ладоней, уплывать прочь струйками дыма, как будто тоже была частью тумана. Но тут он заметил то, обо что споткнулся – какую-то белую штуку с двумя темными дырами. Сощурившись, склонившись к ней, Ник обнаружил, что смотрит прямо в пустые глазницы человеческого черепа.

Череп, наполовину ушедший в землю, был покрыт остатками изъеденной червями плоти – иссохшей, мертвенно-бледной. На макушке до сих пор красовался длинный клочок светлых, заплетенных в косу волос. Рядом валялась плечевая кость и еще несколько косточек поменьше.

– Ничего себе!

Ник поспешил подняться.

– Питер, – шепнул он, одолевая страх.

Питер исчез.

– Питер, – вновь прошептал Ник.

«Куда он делся?»

Ник оглянулся. Питера не было. Ничего вокруг – только серый клубящийся туман без конца и края. А ведь Ник даже не представлял себе, с какой стороны пришел и куда двигался. Дыхание участилось. Казалось, туман сдавливает со всех сторон – вот-вот задушит, поглотит...

Ник понял, что в любую секунду может утратить контроль над собой и завизжать.

– Питер, – позвал Ник – на этот раз громче. И еще громче: – Питер!

Из тумана впереди показался Питер.

– Сказано же: держись рядом, – резко сказал он.

– Питер, тут кости! Человеческие! Что здесь...

Питер прижал палец к губам.

– Ш-ш-ш! Они нас услышат.

Взгляд Питера был убийственно серьезен, и это подействовало отрезвляюще.

– Кто «они»? – одними губами прошептал Ник, охваченный сильной тревогой.

Но Питер не отвечал – только резкими, быстрыми жестами поманил Ника за собой.

Ник не намерен был больше ни на шаг углубляться в эту призрачную пустыню. Но когда холодный липкий туман сомкнулся вокруг него, потянулся к нему, нежно скользя по коже, когда спина Питера начала таять в серой пелене и Ник понял, что вот-вот снова останется один, вся его решимость разом испарилась, и он кинулся вдогонку.

Держась как можно ближе к Питеру, Ник внимательно смотрел, куда ступает – на случай новых костей впереди. И без костей, конечно же, не обошлось – их было множество, и не только их: на земле начали попадаться шлемы, мечи и щиты, будто свалившиеся сюда прямоком из эпохи Крестовых походов. Едва не наступив на пистолет с кремневым замком, он увидел заплесневелые остатки треугольной – пиратской, как ему отчего-то подумалось – шляпы. Чуть дальше на земле лежал скелет, обтянутый тонкой ссохшейся кожей – в руке зажата походная фляжка, на теле истлевшие клочья британского красного мундира. Сотней футов дальше покоились останки человека в пыльной форме времен Гражданской войны. Мертвые пальцы солдата застыли, глубоко впившись в глазницы.

А затем Ник увидел найковский хайтоп, и кровь его застыла в жилах. Хайтоп просто стоял на земле сам по себе. Ник не мог оторвать от него глаз, и неожиданно под ногу ему подвернулось что-то мягкое. Остановившись, он обнаружил, что стоит на руке мертвого мальчишки. Ступня глубоко ушла в мягкую, податливую плоть.

Ник резко отшатнулся.

«О господи! Иисусе всемилостивый!»

Он крепко прижал к губам кулак.

Казалось, мальчишка был примерно его лет, но точно сказать было трудно: высохшая кожа лица потрескалась, пошла клочьями. Глаза мальчишки были раскрыты во всю ширь, рот казался большой, бездонной буквой «О». Ник без проблем узнал гримасу ужаса, навеки застывшую на мертвом лице. Выражение лица самого Ника сделалось точно таким же.

«Может, закричать?» – подумал он. – Может, тогда я проснусь в своей кровати, и услышу, как внизу Марко со своими вонючими друзьями валяют дурака, но мне будет плевать. Что угодно – все лучше, чем блуждать здесь, спотыкаясь о мертвых пацанов».

Но Ник не закричал. На самом деле он не верил, что все это сон – все вокруг до последней крупинки было совершенно реальным. Вдобавок он понимал: стоит закричать, и они – кто бы ни были эти «они» – услышат.

– Питер, – шепнул он.

Питер не останавливался.

– Питер, – снова позвал Ник, – я хочу назад.

К испугу Ника, его голос понесся вдаль – не просто отзвуком, а чуть ли не раскатом грома, будто подхваченный самим туманом.

Питер оглянулся, и ужас отразился на его лице.

И тут Ник услышал голоса. Поначалу тихие, отдаленные, они быстро приближались: безмятежные возгласы детей, сладкозвучный хор женщин, глубокие баритоны мужчин. Они смеялись, перекликались друг с другом, будто по дороге на летний пикник. Но где-то за ними, а может, и в них самих, различались стоны – жуткие жалобные причитания. Волосы на загривке Ника поднялись дыбом.

– Они нашли нас.

Голос Питера был безжизненным, точно камень.

– Нашли? Кто нас нашел?

– Ник, – быстро, настойчиво заговорил Питер, – что бы ты ни услышал, что бы ни увидел, не обращай внимания. Не смотри им в глаза. И, что бы ни случилось, не смей говорить с ними, – Питер взгляделся в туман. – Ник, если ты собьешься с пути, твои кости останутся в Тумане навеки.

Все мысли Ника сменились одним огромным «какого хрена?!», но в этот момент он увидел движение. Туман оживал.

Тени, всего лишь серые силуэты в серой пелене, заплясали вокруг – одни массивные, ленивые, неуклюжие, другие маленькие и юркие, как воробьи, третьи – просто бесформенные ползучие клубы испарений. Их шепоты и крики эхом разносились вокруг, вползая в самые уши.

Ник взглянул на Питера. Тот смотрел прямо перед собой и шел вперед быстрым, решительным шагом.

Ник стиснул зубы, сжал пальцы в кулаки, крепко прижал руки к груди и попытался выровнять дыхание. «Не отставать. Что бы ни случилось, не отставать». Он ускорил шаги, держась вплотную к Питеру.

Туман перед ним закружился, едва ли не закипел, и принял форму женщины с бледной, слабо мерцающей кожей. Кротко улыбаясь Нику, кружась, покачиваясь, она полетела рядом. Туманные пряди волос и складки платья тянулись за ней, будто в каком-то подводном балете.

Ник изо всех сил старался не смотреть ей в глаза, но не смог совладать с собой, а, подняв взгляд, увидел, что она – само воплощение красоты. Она запела, и Ник, не понимая слов, тут же узнал мелодию. Эту колыбельную матери пели детям тысячи лет. Ее песнь сулила тепло, уют, безопасность – целую вечность материнской любви. Женщина протянула руки, маня его к себе.

Сделай он к ней хоть шаг – и всему конец. Какая-то часть разума понимала это и кричала изо всех сил, приказывая не сворачивать с пути. Оставшаяся часть тоже понимала это, но считала, что все okay – ведь смерть будет так сладостна. Она возьмет его на руки, прижмет к груди, утешит, успокоит... Все страхи, все дурное просто исчезнут навсегда... Ничего большего Ник и не желал.

Откуда-то издали всего лишь слабым эхом донесся голос Питера:

– За мной!

В памяти Ника тут же мелькнуло то самое лицо – искаженное ужасом лицо мальчишки в найковских хайтопах. Моргнув, он заставил себя оторвать взгляд от женщины.

«Где же Питер?»

Впереди виднелся только смутный силуэт.

«Это он? Как же я настолько отстал?»

Полотна тумана впереди медленно смыкались, будто занавеси. Казалось, сейчас между Ником и Питером встанет неодолимая стена. Охваченный паникой, спотыкаясь, увязая во влажной земле, Ник рванулся вперед, врезался в Питера и едва не сбил его с ног.

– Держись, – шепнул Питер. – Пока неплохо справляешься.

«Неплохо справляешься?! – захотелось кричать Нику. – С чем?! Что происходит?! Что, мать твою, происходит?!»

Женщина продолжала лететь рядом. Лицо ее стало печальным, и Нику, какой бы эта мысль ни казалась безумной, сделалось жаль ее. Она подняла руки над головой, точно готовясь нырнуть, и выгнула спину. Тело ее всколыхнулось, завертелось среди клубов тумана в причудливом танце. Внезапно Ник осознал, как полны ее груди, обнаружил, что под тонким покровом платья явственно видны соски и темный треугольник между ног. В паху жарко защекотало, щеки Ника вспыхнули, он поспешил отвести взгляд – и тут в уголке глаза мелькнуло нечто... «Хвост?» Ник заморгал. У этой женщины был длинный чешуйчатый хвост! Руки ее тоже были покрыты мелкими тонкими чешуйками, пальцы – длинные и острые, точно когти. Ник прищурился. «Господи милостивый, – подумал он, – волосы! В ее волосах полно червей!» Но тут

он ошибся: ее волосы и были червями – сплошной копошащейся массой из тысяч крохотных червей.

Отпрянув назад, Ник едва не упал.

Женщина помрачнела, злобно оскалилась. Глаза ее сузились, превратившись в щелки, соски вытянулись вперед, точно длинные муравьиные усики, живот разошелся, обнажая зияющую утробу, и Ник увидел внутри бесконечные ряды крохотных острых зубов!

«О, нет! О, нет! О, нет!»

Жужжа, как тысяча разъяренных шершней, жуткое создание двинулось на него.

Ник закричал, рухнул на землю и выставил руки перед собой, беспомощно глядя, как огромная, шире его роста, распахнутая пасть надвигается и поглощает его. «Вот, значит, как я умру», – мелькнуло в голове. Но острые зубы не впились в его тело. Ник ощутил только холодное дуновение воздуха. Ужасная тварь просто прошла сквозь него, и он с запозданием осознал, что все еще жив.

«Питер! Где Питер?»

Темный силуэт впереди медленно удалялся прочь. Что это – Питер или новые шутки тумана?

– Питер! – закричал Ник, вскочив на ноги.

В тумане маячил уже не один силуэт, а три – и все двигались в разные стороны.

– Питер! – отчаянно завизжал Ник.

Но в глубине сознания зазвучал внутренний голос: «Не ори понапрасну. Думай!»

Ник остановился, собираясь с мыслями.

«След! Надо найти его след!»

Опустив взгляд, Ник тут же увидел едва различимую цепочку следов. Следы исчезали на глазах, сравниваясь с влажной землей. Ник стиснул зубы, побежал по следу и почти сразу увидел Питера – настоящего Питера, а не еще одну иллюзию.

– Питер!!! – рванувшись вперед, Ник схватил Питера за плечо. – Подожди же! – закричал он. – Отчего ты меня не подождешь?

– Спокойно, – ответил Питер, даже не сбавив шага. – Держись, или все пропало.

Вцепившись во фрак Питера, Ник намотал ткань на пальцы. Хотелось лишь одного: зажмурить глаза, чтобы весь этот ужас исчез.

И они явились – дюжины, а затем и сотни, всех размеров и форм. Воздух содрогнулся от криков, хохота, стона и плача. Мимо с песней пронесся рой отрубленных голов, целый сонм обнаженных старух с огромными отвисшими грудями запрыгал вокруг в веселом танце – старухи держались за руки и смеялись, обнажая в широких улыбках беззубые десны. Толпа крохотных детишек с телами кузнечиков жужжала, стрекотала без умолку. Всевозможные звери с голодными глазами, с острыми клыками и когтями крались следом; маленькие призрачные человечки с выпученными пустыми глазами и птичьими клювами кружились в дикой безумной пляске.

– Кто это? – простонал Ник сквозь стиснутые зубы.

«Что происходит?» – подумал он. Совсем недавно он наслаждался китайской кухней в самом центре Бруклина! Как он мог заблудиться в тумане среди этих ужасных тварей? Такого просто не могло быть!

Призрачные пальцы ерошили волосы, теребили одежду, лезли в рот и в глаза.

Впереди возникло лицо маленькой девочки – черные дыры вместо глаз, рот распялен в беззвучном крике. Она просто висела впереди и смотрела на Ника. Он отмахнулся – раз, другой, – но всякий раз рука проходила сквозь нее, и девочка хихикала, хихикала неподвижным, разинутым в крике ужаса ртом, хихикала, пока Ник не почувствовал, что вот-вот сойдет с ума.

– О, боже! – воскликнул он.

«Не могу. Больше не выдержу».

Нужно было бежать – все равно куда, лишь бы бежать.

«Побежишь – умрешь», – прозвучал в голове знакомый голос. Спокойный, твердый – его собственный голос, внутренний голос мальчишки, успевшего нахлебаться горя, но сумевшего пережить все. Как ему это удалось? Скрежет лопат, стук комьев земли по крышке гроба отца... Глухие рыдания матери, плакавшей в подушку ночь за ночью... Вся эта гадость в школе, бесконечное глумление и тумачи, ежедневные издевательства Марко... Как он сумел справиться со всем этим? Он просто уходил глубоко в себя, делая вид, что все плохое происходит с кем-то другим, а сам он – только сторонний наблюдатель. И это всегда помогало. Нет, не смириться, не облегчить боль – просто пережить, пройти сквозь все невзгоды. Как раз то, что требовалось сейчас – просто пройти сквозь все это...

И Ник отправился туда, в привычное убежище, смотреть представление со стороны. А со стороны было ясно видно, что туман всего лишь шумит и грозит, просто старается напугать, одурачить, сбить с пути.

Ник взглянул сквозь туман, уткнулся взглядом в спину Питера и, не сводя с нее глаз, двинулся вперед – твердым, размеренным шагом.

Скоро голоса начали стихать. Туман успокоился, вновь превратившись в безмятежную, бесконечную серую пелену. А недолгое время спустя Ник снова почувствовал запах моря и легкий бриз и слышал плеск волн. Наконец туман поредел, и впереди показался сумрачный берег на фоне беззвездного ночного неба.

Ник упал на колени и, чтобы удержаться в этом положении, глубоко вонзил пальцы в мокрый прибрежный песок. Глубоко, будто вынырнувший на поверхность пловец, втянув воздух, он изо всех сил старался не закричать, старался забыть о «них». «Что за хрень? Что все это значило?» Он крепко зажмурил глаза, но это не помогло избавиться от всего увиденного.

– Что это было? – хриплым шепотом спросил Ник, подняв взгляд на Питера.

Питер улыбался от уха до уха.

– Ты здорово держался!

Ник полоснул его яростным взглядом.

– Что это все за хрень?!

– Просто Туман, – ответил Питер, будто на свете не было ничего очевиднее и естественнее.

Ник ждал продолжения, но Питер молча стоял перед ним и глупо ухмылялся.

Ник оглянулся на стену тумана, клубившегося позади: не двинется ли он следом, не пустится ли в погоню?

– А эти твари? Что это за твари? Что это, мать твою, за твари такие?

– Духи Тумана.

– Духи Тумана?

– Ну да. Слуа.

Ник понял, что так ничего не добьется. С усилием поднявшись на ноги, он сжал кулак. Очень хотелось врезать остроухому по зубам, вбить самодовольную улыбочку ему в глотку – никого в жизни Нику так сильно не хотелось ударить!

Питер с растерянным видом отступил на шаг.

– Ты меня обманул, придурок хренов! – заорал Ник. – Ты знал про все это дерьмо – знал и не сказал!

– Ложное обвинение, – возразил Питер, точно адвокат на суде. – Я прямо спросил, готов ли ты последовать за мной в Туман. И ты сказал... – Питер очень похоже изобразил голос Ника: – «Иду с тобой по доброй воле».

Ник зло взглянул на него.

– Ты понимаешь, о чем я. Ты ни слова не сказал обо всем этом дерьме. Об этих тварях!

– Зачем – чтоб сюрприз испортить?

– Кончай дурака валять! – закричал Ник. – Я видел там мертвого пацана! Откуда там столько мертвых?

Питер помрачнел и молча отвел взгляд.

– А если бы я отстал? Так и остался бы там? Бродил бы и звал тебя до самой смерти?

– Да.

Ник замер с раскрытым ртом, забыв обо всем, что хотел сказать. Отвернувшись от Питера, он уставился на пелену тумана, будто на собаку, которая вот-вот бросится на него и вцепится в горло.

– Я должен был держать курс, – сказал Питер. – И сделал для тебя все, что мог. Но стоило мне дрогнуть, замешкаться, сбиться с пути... Все бы пропало. А ты, Ник, вправду здорово справился. Путь сквозь Туман – не из легких.

Ник развернулся к нему, как ужаленный.

– Да пошел ты!.. Пошел ты!..

Подбородок Питера затвердел.

– Есть неплохая идея: ты бы лучше вел себя потише. Пока Пожиратели плоти не услышали, – сказал он, пристально глядя вдоль берега, в темноту.

Ник проследил за его взглядом. «Пожиратели плоти?» Он оглядел острые силуэты деревьев и ломаную линию холмов, подступавших к берегу. Место было незнакомым. Ничего подобного Ник припомнить не мог. Его передернуло. Зачем этот остроухий пацан затащил его сюда?

– Питер, а правда, где мы?

На лице Питера вновь засияла игривая улыбка, в голосе зазвенело озорство.

– О, здесь есть на что посмотреть и чем заняться. Нас ждут приключения. Следуй за мной, и все увидишь.

Ник замотал головой.

– Нет, Питер, я не хочу...

– Ш-ш-ш! – Питер прижал палец к губам и сощурился в темноту. Лицо его окаменело. – Пожиратели плоти! Они идут сюда. Пора убираться.

Ник скрестил руки на груди.

– Я никуда с тобой не пойду.

Питер пожал плечами, развернулся и быстро направился вверх, к зарослям.

Оставшись один, Ник устремил взгляд вдоль берега.

– Ерунда, – прошептал он. – Полная ерунда...

Вдруг он увидел движение на берегу, вдалеке. Несколько сторбленных фигур двигались прямо к нему.

– Вот дерьмо...

Он оглянулся на пелену тумана. Казалось, туман тянет к нему бесчисленные щупальца.

– Твою ж мать...

В бессильной ярости он пнул ногой песок... и, к собственному ужасу, обнаружил, что со всех ног спешит к зарослям, следом за остроухим мальчишкой.

Питер прижал палец к губам. На этот раз Нику не нужно было повторять предупреждение дважды. Он не издал ни звука – молчал как рыба, едва осмеливаясь дышать. Поднявшись по топкой раскисшей тропинке наверх, они углубились в лес.

Лес был спокоен и тих – ни комариного писка, ни кваканья лягушек, словно сама земля здесь была мертва. Грязь чавкала под ногами, гнетущая тишина усиливала каждый звук. Они шли вперед, огибая заросшие травой болотца и глубокие овраги, и перешли вброд несколько мелких медленных ручьев. Воздух был полон запахов стоячей воды, ила, плесени и гнили.

Лишь слабые зеленоватые отсветы, падавшие на землю с темного, мрачного неба, помогали Нику находить путь среди толстых корней, валунов и колючих кустов. Он едва мог разглядеть изломанные силуэты деревьев над головой. Казалось, их голые ветви тянутся к нему, точно жадные руки. Ник изо всех сил старался не касаться стволов: на ощупь кора деревьев была мягкой, упругой – почти как живая плоть.

В зарослях впереди раздался громкий рев. Питер пригнулся, прячась за кривым стволом упавшего дерева, и Ник присел рядом с ним. Оба принялись вглядываться сквозь путаницу корней во мрак впереди. Откуда-то сзади донесся еще один рев.

– Баргесты, – шепнул Питер, вынимая свой длинный нож.

«Баргесты? – подумал Ник. – Окей, прекрасно. Сначала Пожиратели плоти, теперь баргесты. И что же такое эти баргесты?»

На прогалине ярдах в двадцати впереди показалась пара мерцающих оранжево-огненных глаз. Из сумрака появился темный горбатый силуэт размером с волка. Поднявшись на задние лапы, зверь начал принюхиваться. Сзади послышалось чавканье грязи. Звук неуклонно приближался – кто-то двигался к ним. Ник осмелился осторожно повернуть голову и увидел еще одну пару глаз. Он инстинктивно вжался в ствол мертвого дерева, прячась под вывороченными корнями, и стиснул зубы, подавляя порыв вскочить и броситься бежать. Зверь прошел мимо так близко, что Ник мог бы дотянуться до него рукой. В нос шибануло запахом зверя – кислой вонью старого отсыревшего ковра.

Дойдя до прогалины, второй зверь присоединился к первому. Секундой позже появился и третий. Один за другим, все трое устремили горящие оранжевые глаза в сторону Ника. Боясь даже моргнуть, Ник вцепился в сырую землю так, что холодная жижа поползла вверх между пальцев.

Откуда-то издали донесся еще один, почти человеческий вой, эхом разнесшийся над болотом. Три зверя на прогалине подняли морды и завyli в ответ. Их вой пробирал до костей. Ник с трудом сдерживал дыхание. Каждая клетка его тела рвалась бежать – бежать прочь, как можно дальше от этого звука. Но на плечо легла рука Питера – твердая и сильная.

Наконец звери, чавкая лапами по грязи, убрались прочь.

Долгое время Питер выжидал. Затем они с Ником поднялись и двинулись дальше.

Услышав журчание Гогги-крик, Питер облегченно вздохнул. Пожиратели плоти ни за что не осмелились бы последовать за ними так далеко.

Присев у воды, Питер погрузил ладони в быстрый поток.

– Эту воду пить можно, – пояснил он и принялся пить из горсти большими, жадными глотками.

Питер плеснул водой в лицо, радуясь, что наконец-то может смыть с себя городскую копоть и пыль. Он ненавидел город – весь этот бетон, шум, вонь выхлопов и отбросов; и, что хуже всего, город был полон представителей рода людского – во всей их звериной жестокости.

Он покосился на Ника. Паренек держался молодцом. В Тумане показал себя прекрасно. Питер был уверен, что потерял его, однако мальчишка сумел отыскать его сам. Такого на памяти Питера еще не бывало. Мальчишка проявил храбрость, выказал недюжинные задатки. «Как раз из тех, какие требуются Дьяволам, – подумал Питер. – Этот, пожалуй, продержится, проживет подольше».

Питер оценивающе взглянул на пьющего из ручья мальчишку. Ночь была долгой, и тот выглядел уставшим, обессиленным. «Это хорошо, – решил Питер. – Крепкий сон намного упростит дело».

– Там, впереди, есть подходящее место для привала, – сказал он.

Ник кивнул, и они двинулись дальше.

На отдых устроились среди россыпи валунов, растянувшись на импровизированной постели из нескольких охапок соломы. Питер поднял взгляд к мрачному ночному небу.

– Как я скучаю по звездам...

Ник зевнул.

– Может, скоро прояснится.

– Нет, – ответил Питер, – Туман вечен. Туман Владычицы оберегает Авалон, но из-за этого здесь никогда не видно нашей дорогой луны и звезд.

– Авалон? – переспросил Ник. – Я думал, Авалон – это где-то в Британии.

– Когда-то так и было, – ответил Питер.

– Это как?

– Скоро сам поймешь.

– Ладно, окей, – пробормотал Ник, закрывая глаза.

Питер наблюдал за мальчишкой, пока не убедился, что тот спит без задних ног. Тогда Питер поднялся и тихо выскользнул из-за валунов. Прямо перед ним, у подножья утеса, росло огромное дерево. Меж его могучих ветвей струился серый дымок. В стволе имелась прочная круглая дверь. Из ее толстых досок торчали наружу острые железные шипы, а над дверью, насаженный на бедренную кость, красовался беззубый человеческий череп.

Питер трижды постучал в дверь. Секундой позже дверной глазок открылся, и чей-то глаз пристально уставился на него изнутри.

Питер широко улыбнулся.

– Я привел Свежую Кровь! – объявил он.

Часть вторая Дьявол-Дерево

Глава четвертая Голл

«Скоро всему этому конец, – думал похититель детей, уверенно шагая через лес назад, к берегу, к Туману. – Ник теперь с Дьяволами. Его судьба в их руках, а дальше – будь что будет». Он скользил из тени в тень, то и дело останавливаясь, присматриваясь, прислушиваясь, стараясь сосредоточиться на возможных опасностях и не думать о том, что сделал и еще должен сделать, потому что раздумья об этом ничего не изменят, только отвлекут – а здесь, в чужой части острова, рассеянность легко могла привести к гибели.

Дойдя до опушки, Питер оглядел берег. Там ждал его Туман. Он слышал, как Туман зовет, дразнит его. Поморщившись, он вышел из укрытия и двинулся вперед, но тут услышал голоса. Похититель детей поспешно нырнул в лес и бросился на землю, укрывшись за толстым извилистым корнем. В каких-то тридцати шагах от него, прислонившись спинами к выброшенному прибору на берег бревну, сидели пятеро.

Пожиратели плоти!

«Дурак, – мысленно обругал себя Питер. – Чуть не напоролся на них. Только позволил Туману отвлечь себя – и пожалуйста. Глупец».

Рука инстинктивно потянулась к мечу, но Питер тут же вспомнил, что при нем только нож.

Один из Пожирателей плоти встал. Его рваная рубаха затрепетала на ветру.

– Вон они.

Проследив за его взглядом, Питер увидел вереницу темных фигур, шагающих по берегу бухты, – их было самое меньшее сорок, а то и пятьдесят. Так много Пожирателей плоти, одновременно вышедших на берег, Питер не видел с самого появления галеонов.

«Что они затевают?»

Тут кровь похолодела в его жилах. Даже в темноте он без труда узнал высокую фигуру в широкополой шляпе с облезлым пером.

«Капитан!»

Питер стиснул рукоять ножа.

Едва первые проблески рассвета коснулись низких туч, Капитан уверенным шагом подошел к пятерым, ждавшим на берегу.

– Итак?

– Ага, нашли кой-какие следы, а больше ничего. Следы выходят прямо из тумана, вот какие дела.

– Это он, – сказал Капитан, оглядывая опушку леса. – Тот самый дьявольский мальчишка.

– Так думаешь, да?

– А кто еще?

– Хочешь, чтоб мы обыскали лес?

Капитан с сожалением покачал головой.

– Сегодня нет времени, – он похлопал по рукояти шпаги. – Но попомните мое слово, я еще сделаю трофей из его башки.

Вереница темных фигур остановилась за спиной Капитана. Казалось, все их взгляды устремлены на Питера. Охваченный дрожью, он еще сильнее вжался в землю, надеясь, что они не услышат стука его сердца. Их голод был ненасытен – с каждым днем они расширяли границы, с каждым днем приближались к самому сердцу Авалона, выжигая и вырезая все на своем пути. Некоторые нагло носили на шее кости убитых.

«Сколько еще крови прольется, пока мы не остановим их? Скольким ребятам еще придется умереть?»

Капитан обернулся к строю.

– Кто приказывал останавливаться? – рявкнул он. – Шевелите своими рыбами задницами! У нас много работы.

Темные фигуры тронулись вперед, и Питер заметил, что они несут с собой две больших бочки.

«Что Капитан задумал на этот раз?»

В груди Питера защемило. Он оглянулся туда, откуда пришел.

«Нужно бежать назад, предупредить наших!»

Кулаки сжались так, что ногти глубоко впились в ладони.

«Нет, времени нет. Нужно привести еще ребят. Только поскорее, чтобы вернуться, пока Капитан не сровнял тут все с землей».

Похититель детей выскользнул из зарослей еще до того, как последний Пожиратель плоти скрылся из виду. Перебегая от одной кучи плавника к другой, он добрался до берега, покинул последнее укрытие и рванулся к волнам. Туман подступил к кромке воды, приветствуя его – казалось, он скачет от нетерпения, будто пес в ожидании кормежки.

Лицо Питера затвердело. «Все на свете имеет свою цену. Ничто не дается даром. И никто не понимает этого лучше, чем я». Он прогнал прочь ненужные мысли, зная, что без этого ни за что не пройти сквозь Туман, сделал глубокий вдох и шагнул в клубящуюся дымку.

Звуки побережья исчезли, сменившись удушливой тишиной. Казалось, даже собственные мысли зазвучали глуше. Питер замер, как вкопанный, отыскивая Путь. Поиск Пути и странствия между мирами были одним из его волшебных даров.

– Вот, – прошептал он, заметив тончайшую нить золотых искорок, протянувшуюся сквозь серую пелену.

Не упуская ее из виду, Питер двинулся по Пути. Шагал он быстро и увидел тот самый найковский хайтоп даже раньше, чем хотелось бы. Здесь он остановился.

«Шагай вперед, – сказал он себе. – Шагай, или умрешь так же, как и он, и все остальные». Но в голове вновь зазвучал голос Ника: «А если бы я отстал? Так и остался бы там? Бродил бы и звал тебя до самой смерти?»

Интересно, долго ли мальчишка в хайтопах бродил здесь и звал его? Мальчишка? Похититель детей рассмеялся над собственными мыслями неприятным презрительным смехом. Ведь у мальчишки было имя. Джонатан...

«И этот Джонатан теперь – один из слуг, не так ли?» – подумал Питер.

– Ну да, и что из этого? – с горечью прошептал он. – Чья в том вина? Может, это я виноват, что он меня не послушал?

«Впрочем, так оно и к лучшему, – подумалось ему. – Пусть Туман сам разбирается с ними и отделяет слабых от сильных, – Питер поддал ногой одинокий хайтоп. – Все на свете имеет свою цену. Все. Просто некоторые вещи стоят дороже прочих».

Откуда-то издали раздался перезвон колокольчиков, приглушенный смех, детское пение – Туман начал оживать.

Это заставило Питера отправиться дальше – почти бегом, устремив взгляд вперед, не сводя глаз с Пути.

– Скоро всему этому конец, – прошептал он.

Мягкая, точно губка, земля сменилась асфальтом, и Туман начал редеть. Из-за высотных домов медленно поднималось солнце, звуки пробуждающегося города катились эхом вдоль длинных улиц Южного Бруклина. Туман отступил в море, искрящаяся пелена растворилась в воздухе, оставив за собой только Питера.

Похититель детей натянул на голову капюшон и направился к скоплению угрюмых жилых многоэтажек вдаль. Табличка, сплошь покрытая граффити, провозглашала этот жилой комплекс гордостью Бруклинского муниципального жилищного комитета. Питер совершенно не понимал политического значения этой надписи, зато прекрасно знал, что такое трущобы и гетто: эти убогие нищенские районы всегда были богатейшими охотничьими угодьями. Со временем дома становились больше, менялся говор, менялась одежда, но лица оставались теми же, что и сотни лет назад, лицами обездоленных – отчаяние всеми забытой старости, угрюмая враждебность лишенной будущего юности... Просто рассадник тяжелого детства – порой чересчур тяжелого. Но время не ждало, Авалону требовалось больше детей, и упускать шанс воспользоваться чужой бедой он не мог.

Похититель детей проник в жилой комплекс задрами, узкими переулками, прячась в тени. Глядя по сторонам, он зорко высматривал отчаявшегося, упавшего духом, заброшенного, обиженного – пропащего ребенка. Именно им, пропащим, очень нужен тот, кому можно довериться, нужен друг, а Питер прекрасно умел становиться другом.

Вскарабкавшись вверх по водосточной трубе, он спрыгнул на балкон, битком набитый мешками с мусором. Устроившись под покоробленным листом отсыревшей фанеры, он принялся ждать, когда местные ребята выйдут во двор поиграть. Скоро его ноздрей достиг запах не менее отвратительный, чем вонь протухших отбросов. Это был затхлый запах взрослых – кислого пота, отрыжки, усыпанных перхотью шевелюр, жирной угреватой кожи, вос-

паленных десен, забитых серой ушей, геморроидальных задниц... Питер сморщил нос. Этот запах ничуть не менялся с самого дня его рождения – две с лишним тысячи лет.

Он помнил этот день во всех подробностях: сокрушительное давление мокрых стенок убежища, изо всех сил выталкивавшего его наружу; отчаянные попытки воспротивиться и остаться; такое чувство, как будто тонешь; скольжение прочь из материнской утробы; холодные, жесткие руки, ухватившие за ноги и вытащившие в мир; обжигающий холод; потрясение от шлепка поперек зада; ярость и разочарование, с которым он заорал на мутную кляксу, подхватившую его на руки; ее громоподобный смех...

Питера обтерли и передали в другие руки – мягкие, заботливые, тут же прижавшие его к теплой, набухшей от молока груди. Укутанный согретым у очага одеялом, он приник к этой груди и принялся сосать. Молоко оказалось вкусным, женщина, державшая его на руках, негромко замурлыкала колыбельную, и Питер уснул сладчайшим сном в своей жизни.

Запах взрослых не был тогда настолько противным – тем более, смешанный с пряными запахами большого общего дома: дымным благоуханием огромного очага, солонины и медовухи, жареной картошки и тушеной капусты, прелой шерстью двух волкодавов, лежалой соломенной постелей, смолой и хвоей свежесрезанных еловых лап, свисавших с потолка. Но особую гармоничность придавал всему этому многообразию запахов запах матери. От нее пахло тем самым теплым, вкусным молоком, и этот запах навсегда стал для Питера запахом любви.

Глаза его в те дни были янтарными, с едва различимой золотой искоркой, а уши, хоть и имели странноватую форму, еще не успели заостриться. Кроме необычайно обильной рыжей шевелюры, он ничем не отличался от любого другого новорожденного младенца.

Первые несколько недель жизни Питер отжимовал на руках матери либо в большой ивовой корзине у очага. Лицо матери давным-давно забылось, но он до сих пор отчетливо помнил травянисто-зеленые глаза и блеск пышных ярко-рыжих волос.

Мать всегда была рядом и пела ему, усаживаясь прясть шерсть или штопать одежду вместе с двумя златовласыми сестрами. Большую часть дня он дремал, сонно наблюдая за повседневной жизнью большого семейства: двое мужчин и самый старший из мальчишек еще до рассвета уходили на охоту, мальчишки помладше ухаживали за овцами и собирали хворост, согбенный старик и его согбенная жена занимались своими делами, пока позволял дневной свет. На закате охотники возвращались, вся семья укрывалась от зимнего ветра за толстыми каменными стенами, собиралась вокруг грубо отесанного дубового стола и усаживалась ужинать.

День за днем, лежа в корзине, Питер наблюдал и слушал. Вскоре он научился различать слова, а затем и целые фразы. В трехнедельном возрасте он понимал почти все, что говорили вокруг.

Каждый вечер, перед ужином, мать кормила его, укутывала в одеяло и укладывала в большую корзину у очага – спать, пока семья ест. Но Питер не спал. Он смотрел и слушал, как все смеются и шутят, ругаются и спорят, поддерживают и утешают друг друга, делят поровну все плохое и хорошее в жизни. Когда смеялись все, улыбался и он, и золотые искорки вспыхивали в его глазах: общее веселье звучало в его ушах приятнейшей из песен.

Однажды вечером, к концу седьмой недели в этом мире, Питер решил, что хватит ему смотреть на общую радость со стороны, и захотел присоединиться к остальным. Побрыкавшись, он высвободил ноги из одеяла, сел и перелез через край корзины. Ноги подкосились, и он звучно шлепнулся голым задом об пол. «Что стряслось с моими ногами?» – подумал он. У него и мысли не возникало, что он еще не умеет ходить. Все остальные умели. Встав на неверные ноги, он ухватился за край корзины и оглядел комнату. Как далеко вдруг оказался стол!

Он робко шагнул вперед, упал, поднялся и попробовал шагнуть снова. На этот раз ему удалось не упасть. Он сделал еще шаг, а за ним – еще, отпустил корзину и вперевалку двинулся через комнату. Шестой шаг, седьмой... Сосредоточенно ковыляя к столу, он сиял от восторга.

Старик заметил его первым и замер с отвисшей от изумления челюстью. Кусок картофелины, вывалившийся из его рта, отскочил от стола и свалился на пол. Старуха сдвинула брови и звучно щелкнула старика ложкой по лбу. Тот вскрикнул и ткнул узловатым пальцем в сторону Питера.

Все обернулись как раз вовремя, чтобы увидеть голого младенца, подходящего к столу.

Довольный тем, что сумел привлечь всеобщее внимание, Питер упер маленькие пухлые ручки в бедра и задорно улыбнулся. Золотые искры явственно засияли в его глазах. Но все молчали. Никто не издал ни звука, кроме высокого сдавленного хрипа. Тогда Питер спросил:

– Можно к вам?

Но его первые в жизни слова прозвучали скорее как: «Офно кам?»

Услышав, как странно звучит собственный голос, он нахмурился. Слова звучали не так – тревога и потрясение на лицах домашних, сидевших перед ним, подтверждали это. Наморщив лобик, он попробовал еще раз:

– Мозно к вам? – гораздо чище произнес он, и, уже увереннее, повторил: – Можно к вам? Можно?

В ожидании ответа он переводил взгляд от лица к лицу.

«Ведь теперь-то я сказал верно?»

Однако все молча смотрели на него, вытаращив глаза от изумления.

«Что-то они еще сильнее встревожились, – подумал Питер. – Даже разозлились».

Улыбка его угасла, и он вдруг почувствовал, что ему нужно – очень-очень нужно к матери: только ее мягкая грудь и теплые руки могли принести ему утешение. Он протянул к ней руки и шагнул вперед.

– Мама, – позвал он.

Прижав ладони к губам, мать вскочила – да так, что опрокинула стул.

Питер остановился.

– Мама?

Страх – страх исказил их лица. Но в глазах матери чувствовался не только страх. Она гневно сверкнула глазами, точно обвиняя Питера в чем-то ужасном.

«Да что я такого сделал? – изумился Питер. – Что я такого сделал?»

Старуха вскочила и взмахнула большой деревянной ложкой.

– Подменыш!!! – крикнула она. – Уберите его прочь!!!

– Нет!!! – крикнула в ответ мать, отчаянно замотав головой. – Он не подменыш! Это его ребенок! Того, что встретил меня в лесах! – она обвела всех диким, затравленным взглядом. – Теперь видите? Теперь верите?

Но никто не слушал ее. Все взгляды были устремлены на Питера.

– Не подпускайте его к детям!!! – закричала старуха.

Старик выгнал детей из-за стола и отпихнул в дальний угол, как можно дальше от Питера.

Мать Питера вцепилась в рукав старухи.

– Прекрати! Прекрати! Питер не подменыш. Мама, я не врала. Он – лесной дух – взял меня, – она указала на Питера. – Этого ребенка подарил мне лесной дух.

Старуха в ужасе уставилась на мать Питера.

– Нет, дитя мое, молчи об этом. Не говори об этом никогда, – она встряхнула дочь за плечи. – Он не твой, понимаешь? Это подменыш, – старуха полоснула Питера яростным взглядом. – Асгер, убери его прочь, пока он всех нас не сглазил!!!

Один из мужчин выдернул из окорока длинную вилку, старший из мальчишек подхватил метлу, и оба они двинулись на Питера.

Сквозь слезы, застилавшие глаза, Питер смотрел, как они приближаются. Человек, которого он в мыслях называл папой, нацелил на него вилку, а мальчишка зашел сзади.

Питер сделал шаг назад.

– Лови его!!! – завизжала старуха. – Не давай удрать!

Метла шлепнула Питера сзади, сбив его с ног. Мальчишка придавил его метлой к шершавому земляному полу, острые прутья впились в нежную кожу Питера.

– Не вздумайте пролить в доме его кровь! – завопила старуха. – Или всех нас постигнет хворь! Отнесите его в лес и бросьте зверям на съедение.

Грубые безжалостные руки подхватили Питера, и мужчина принялся обматывать его колючей, больно впивавшейся в тело веревкой, притягивая руки к туловищу и связывая ноги вместе.

Пока мужчина со старшим из мальчишек надевали сапоги и кутались в шкуры, старуха принесла корзину и одеяло Питера.

– Возьмите все, что он осквернил. А я приготовлю сало.

Слив растопленное сало со сковороды с ветчиной в горшок, она подала его мужчине.

Дверь распахнулась, холодный, жалящий ветер ворвался внутрь, и Питера потащили наружу, в ночь. Питер в последний раз взглянул на мать. Та лежала на полу, вздрагивая от рыданий. Сестры, присев рядом, удерживали ее.

– Мама! – крикнул Питер.

Но мать не подняла глаз. Дверь захлопнулась.

Старуха облила Питера растопленным салом. Оно защипало глаза, впиталось в одеяло и тут же ледяной коркой застыло на коже.

– Так будет быстрее, – пояснила старуха. – Теперь отнесите эту тварь в лес и бросьте там.

Старуха подала мужчине комок шерсти.

– Этим заткнешь уши. И, что бы он ни говорил, помни: эта коварная тварь – не из твоих чресл.

Мужчина и мальчик зажгли факелы, продели черенок метлы сквозь ручку корзины, взялись за его концы и отправились в путь по обледелой тропинке. Старуха с крыльца смотрела им вслед.

Холод ущипнул крохотный носик младенца.

– Папа! – позвал Питер. – Пожалуйста, папа! Я буду хорошим, честное слово. Буду хорошим. Папа! Пожалуйста, папа! Папа?

Но как ни просил Питер, как ни умолял, мужчина даже не взглянул на него. И он, и мальчишка решительно шагали вперед. Сжав губы, не говоря ни слова, они все дальше и дальше углублялись в темный студеный лес.

Питер даже не представлял себе, долго ли длился их путь, но когда они наконец остановились, луна взидала на него с высоты, из-за туч, затянувших небо. Они оставили его на поляне, окруженной высоким кустарником, под истрескавшимся каменным уступом, и поспешно ушли, ни разу не оглянувшись назад.

Питер остался лежать, глядя на ветви деревьев, машущие луне. Тучи сгущались, тени начали сливаться воедино. Он попытался освободиться, но путы оказались слишком прочны. Пальцы рук и ног онемели, холод сделался нестерпимым. Питера охватила дрожь.

– Мама! – позвал он. – Мама!

Он звал мать снова и снова, но она так и не пришла. На зов явился кто-то другой. Услышав громкое сопение, Питер затих.

Из кустов появилась огромная тень. Обликом она напоминала оставшихся дома собак. Глаза зверя блеснули в тусклом свете луны, он громко потянул носом воздух. Питер чувствовал: зверь голоден. Он изо всех сил старался не издать ни звука, но не сдержался и захныкал.

Волк медленно обошел его кругом, ухватил зубами край одеяла и дернул, перевернув корзину. Младенец выпал на мерзлую землю. Ничем не защищенный от холода, Питер закусил. Слизав с одеяла сало, волк подступил к нему.

Ткнувшись мордой в лицо Питера, волк слизал сало с его щек, шеи и живота, затем ухватил зубами за ножку и поволок в кусты. Питер заорал, но волк только крепче сжал челюсти. Но тут со стороны каменного уступа послышался стук осыпающейся гальки. Волк отпустил Питера, вскинул голову, насторожил уши.

– Ай-юк, – раздался сиплый грубый голос.

Там, на гребне каменного уступа, стоял человек. Только на самом деле он не был человеком: рост его оказался чуть выше волчьего плеча. Короткие ножки, длинные ручищи, могучая грудь, несоразмерно огромная голова, растущая прямо из плеч... Кожа его была серой, шероховатой, как сама земля, покрытое грязью одеяние из лоскутов облезлых звериных шкур поросло мхом. Крохотные, глубоко посаженные черные глазки блестели из-под далеко выдававшихся вперед надбровных дуг. Увидев Питера, он широко ухмыльнулся, обнажив почерневшие десны и кривые острые зубы.

Волк ошетинился и негромко, угрожающе рыкнул.

Моховик прыгнул с уступа и встал посреди поляны.

– Пшел!!! – крикнул он, громко хлопнув в ладоши.

Волк склонил голову, приподнял губу, обнажив целый арсенал длинных, острых клыков, и снова зарычал. Моховик зарычал еще громче и, прежде чем Питер хоть глазом успел моргнуть, кинулся вперед, прыгнув на волка. Вцепившись в шкуру зверя, он впился зубами в его ухо и с рыком принялся мотать головой из стороны в сторону, пока не оторвал волчье ухо начисто.

Волк взвыл, брыкнул задними лапами, завертелся.

Моховик разжал хватку и мощным пинком под зад отправил скулящего волка в кусты. Выплюнув ухо на землю, карлик облизнул кровь с губ и уставился на Питера.

– Младенец, – сказал он, подняв с земли прут и ткнув Питера в бок. – Доброе выйдет жаркое. Ай-юк.

Говорил он медленно, неуверенно, будто слова были ему несвойственны.

– Прошу тебя, не надо меня есть, – взмолился Питер. – Пожалуйста. Я буду хорошим.

От удивления моховик поднял брови и тут же подозрительно сощурился.

– Младенец умеет говорить?

Присев, он уткнулся широким, плоским носом под подбородок Питера и сделал глубокий вдох. Вблизи Питер смог разглядеть всевозможных червей и букашек, кишевших в его волосах. На лице моховика отразилось замешательство. Проведя пальцем по кровавым отметинам, оставленным клыками волка на ноге Питера, он осторожно попробовал его кровь кончиком языка – и тут же выпучил крохотные глазки и сплюнул на землю.

– Кровь Дивных! – усмехнулся он. – Кровь Дивных – плохо. Очень плохо! – плечи его поникли, лицо помрачнело. – Нельзя есть.

Нагнувшись, моховик подобрал волчье ухо, сунул в рот его окровавленный край и двинулся прочь.

На миг Питер почувствовал облегчение, но холод тут же напомнил, что он гол, связан по рукам и ногам, а поблизости рыщет голодный волк.

– Подожди! – закричал он. – Не оставляй меня здесь!

Но моховик продолжал идти.

– Прошу тебя!!! – завопил Питер. – Пожалуйста, подожди!!! Пожалуйста!!! – вопли Питера перешли в рыдания. – Пожалуйста, не уходи...

Моховик обернулся, окинул Питера взглядом и почесал в бороде. Наконец – бесконечную минуту спустя – он спросил:

– Можешь ловить пауков?

– Что? – изумился Питер.

– Пауков ловить можешь? Уйма пауков в пещере. Терпеть не могу. Ай-юк.

Питеру совсем не хотелось в пещеру к паукам, но оставаться в лесу не хотелось еще больше, и он кивнул:

– Да, я могу ловить пауков.

Моховик поразмыслил, глядя на трясущегося от холода Питера. Наконец он крикнул, шаркая ногами, вернулся назад и развязал младенца.

– Не реветь. Терпеть не могу рев. За мной. Не отставай, не то попадешь волку в зубы.

Питер с трудом поднялся. Ноги так онемели, что он едва мог стоять. Моховик бодрым шагом устремился вперед, и Питер пошел следом, но, сделав лишь несколько шагов, упал. Мерзлая земля впилась в ладони и колени, и он не смог сдержать крик. Поднявшись, мальчик снова попробовал идти, но лед больно врезался в его нежные пятки. Сделав не больше дюжины шагов, он вновь упал. Тогда он решил ползти на четвереньках, но боль была слишком сильна. Питер остановился. Моховик уже исчез из виду. Вокруг было темно и холодно, из разбитых коленей текла кровь. Совершенно голый, он вот-вот должен был замерзнуть насмерть, а где-то неподалеку рыскал волк... Питер захныкал.

Но моховик вновь появился из-за кустов. Крохотные черные глазки сердито сверкнули на Питера, широкий нос сморщился от отвращения.

– Не реветь. Терпеть не могу рев.

Питер попытался сдержаться, но не сумел. Вместо этого он заревел навзрыд.

Моховик зажал уши ладонями.

– Прекрати! – простонал он и двинулся прочь.

Сделав полдюжины шагов, он остановился, оглянулся на Питера и сдвинул брови. Наконец он тяжело вздохнул и вновь подошел к младенцу.

– Ладно. Ладно. Не уйду. Теперь прекрати рев.

Но Питер никак не мог остановиться.

Моховик указал на холм за своей спиной:

– Голлов холм.

Затем он ткнул себя пальцем в грудь:

– Голл.

Питер утер нос локтем и проглотил слезы.

– А я – Питер, – сказал он между двумя прерывистыми вдохами.

Голл присел и нагнулся.

– Давай, Питер. Полежай.

Питер забрался на подставленную спину и как можно крепче вцепился в волосы моховика. Лесной человек поднялся на ноги и подал Питеру волчье ухо.

– На. Тебе.

Он обхватил ступни Питера широкими теплыми ладонями, Питер впился зубками в волчье ухо, и оба двинулись вперед, по обледелой тропе, к склону холма.

Вскоре они оказались у темной пещеры под каменным карнизом, показавшейся Питеру обычной ямой. Земля у полуосыпавшегося входа была усеяна грязной соломой, обрывками засаленных шкур и обглоданными костями. Над входом висели сандалии, сапожки, башмачки – маленькие, детские, общим счетом около дюжины.

Опустив Питера на ноги, Голл широко ухмыльнулся.

– Голлов дом. Очень теплый. Очень красивый.

– Где это тебя хрен носил?!

Разом вернувшись из прошлого в настоящее, похититель детей вздрогнул, обернулся и заглянул в окно квартиры. Там зажегся свет, и сквозь тонкую, обвисшую занавеску он увидел нелепо огромную женщину в одних трусах и лифчике. Она стояла посреди комнаты, уперев руки в бедра, вопрос же ее был обращен к мужчине, прислонившемуся к косяку входной двери.

Начался дождь. Мелкая морось окрасила серые муниципальные дома в цвет грязи.

– Я тебя спрашиваю! – продолжала женщина, повысив голос. – Я спрашиваю: где тебя, козлина позорного, носило всю ночь?

Мужчина только пожал плечами. Входить в комнату он не спешил.

– Отчего это у тебя рубашка наизнанку? А, Жермен? Отчего?

Мужчина взглянул на свою рубашку, поднял взгляд на женщину и снова пожал плечами.

– Опять был у этой сучки, так?

Мужчина не отвечал.

– Нечего на меня так смотреть! – завизжала женщина. – Прекрасно знаешь, о ком я!

Схватив с сервировочного столика бутылку, она ткнула ею в сторону мужчины.

– Женщина, – небрежно сказал мужчина, – тебе надо успокоиться. Это не...

– Будь ты проклят, Жермен! Будь ты проклят!!!

Женщина швырнула в мужчину бутылкой. Бутылка разбилась о дверь, едва не угодив ему в голову. Кинувшись вперед, женщина хлестнула его по щеке.

Мужчина оттолкнул ее.

– Тебе надо поумерить пыл, сука! Тебе надо просто...

Женщина налетела на него вновь, и на этот раз мужчина жестко ударил ее в живот. Отброшенная на середину гостиной, женщина рухнула на пол и жутко захрипела, точно вот-вот задохнется насмерть.

– Сука!!! – заорал мужчина. – Сука чокнутая!!!

С этими словами он хлопнул дверью и исчез.

Женщина осталась лежать на полу. Прижав руки к животу, она зарыдала.

Питер решил, что с него хватит. Он спрыгнул с балкона, опустил голову и пошел по улице, стреляя золотистыми глазами из-под капюшона, внимательно оглядывая дворы и детские площадки. Мысли снова и снова возвращались к Капитану и непонятым бочкам. Время уходило, пополнение нужно было подыскать сегодня же.

Глава пятая

Дьяволы

Лицо Ника оросили теплые капли дождя. Влага текла в глаза, в рот, в волосы, вытаскивая на поверхность из глубин сна. Утерев лицо, Ник заставил себя проснуться и заморгал, вглядываясь в утренний туман.

Сверху прямо на него мочились три крохотных, не больше мыши, синекожих человечка!
– Какого хрена?!

Ник разом вскочил – и больно треснулся макушкой о потолок клетки.
«Клетки?»

Он принялся отплевываться, избавляясь от кисло-соленого привкуса на языке. Какой дьявол занес его в клетку? Встряхнув головой, он протер глаза от мочи и вновь начал отплевываться.

Их было не меньше двух дюжин. Все они смотрели на него. Одни не крупнее кузнечика, другие размером с крысу – тонкие, тщедушные человекоподобные существа с прозрачными стрекозиными крыльями и гибкими хвостами с кисточкой на конце. Все они были наги, кожа – цвета морской волны, гривы черных или синих волос вдоль спин...

Ник вспомнил, как Питер говорил что-то о феях, пикси и гоблинах. Конечно, он говорил много всякой ерунды... Значит, это и есть пикси? Впрочем, сейчас это волновало Ника в последнюю очередь. Куда сильнее его заботили взгляды этих существ: они смотрели на него так, точно он вполне годился в пищу.

– Кыш, – прошептал он.

Существа продолжали смотреть на него жестокими немигающими взглядами.

– Кыш! – повторил он громче, махнув в их сторону рукой.

Существа зашипели, оскалив острые, точно иглы, зубы.

– Брысь! – крикнул Ник, хлопнув ладонью по прутьям клетки.

Существа разом взмыли в воздух, стрекоча крылышками. Зависнув над клеткой, они завизжали на Ника, как дикие кошки.

Забившись в дальний угол клетки, Ник схватил с пола пригоршню соломы и швырнул в них. Вспугнутая его движением, маленькая бурая мышка выскочила из-под клетки и метнулась прочь по каменному полу.

Пикси тут же бросились на нее. Мышь душераздирающе пискнула, угодив в их когти. Ключья шерсти, ошметки мяса, брызги крови полетели во все стороны. Рыча от ярости, пикси кинулись в драку за лучшие куски, их синие тельца сплелись в клубок на каменном полу.

– Господи, – прошептал Ник, крепко прижав руки к груди. – Нужно убираться отсюда.

Оглядевшись в сумраке, он заметил по меньшей мере дюжину клеток, стоявших вдоль стены. В каждой как раз хватило бы места для подростка. Как и его собственная, эти клетки были сооружены из сучьев, связанных стеблями лиан. Многие были укрыты ветхими покрывалами, больше всего на свете похожими на полусгнившие звериные шкуры. Перед клетками возвышалась пирамидка из нескольких копий, а в центре ее – Ник сглотнул – лежал человеческий череп.

Откуда-то сзади раздался резкий скрип.

Пикси прекратили драку, поднялись на ноги и по-птичьи заозирались, встревоженно вглядываясь в темноту.

Из сумрака раздался глухой удар и громкий протяжный рык. Пикси взмыли в воздух и бросились прочь, оставив Ника одного. К собственному удивлению, Ник обнаружил, что жалеет об этом. Все, что угодно – только бы не остаться в клетке, во мраке, наедине с тем, кто мог издать эти звуки.

Еще один скрип, заметно ближе. Прижавшись лицом к решетке, Ник напряг зрение и сумел разглядеть увитый корнями столб, уходящий вверх, в темноту. У его подножья виднелась какая-то тень – и эта тень шевелилась! Качнувшись взад-вперед, она метнулась в сторону и исчезла.

«Вот дерьмо! Кто там?»

В комнате стало светлее, туман начал редеть. Разглядев предметы, развешанные по стенам, Ник заморгал. Ровные ряды кинжалов с хищно изогнутыми лезвиями, рядом – шипастые дубины и множество иззубренных секир. Орудия увечий и смерти – и, судя по виду, не раз побывавшие в деле. Над рядами оружия висели три черепа, связанные в пирамидку. Высохшая, изъеденная червями плоть обтягивала разинутые в безмолвном крике челюсти. Ниже висела пара скрещенных берцовых костей, образуя тройной «Веселый Роджер».

«Нужно убираться, да поскорее!»

Ник толкнул дверцу клетки, но она не открылась. Только сейчас он заметил, что она крепко привязана кожаными ремнями. Он отчаянно рванул ремни, потянул, но вдруг слева раздалось громкое шипение. Резко обернувшись, он успел разглядеть нечто, промчавшееся мимо на четвереньках. Ник оставил ремни в покое. Наружу больше не хотелось. Оставалось только надеяться, что решетка сможет уберечь его от тех, кто затаился снаружи.

– Господи, вытащи меня отсюда! – захныкал он.

Туман продолжал редеть, и Ник увидел всевозможные мечи и копья, висевшие на стенах. Заметил он и огромный очаг, в котором легко поместились бы трое взрослых. Над очагом на жирных черных цепях висели несколько котлов – каждый размером с подростка. А затем он увидел тела. Безжизненно обвисшие тела в дальнем конце просторного зала едва можно было разглядеть. Сколько их – четыре, пять? С виду тела казались детскими...

«Боже все милостивый! – едва не завизжал Ник. – Что же это за место?»

Со всех сторон из сумрака раздались громкие завывания. Кто-то захрюкал, как свинья, зафыркал, захихикал. Отовсюду зазвучали зловещие смешки, странно похожие на детские, и Ник почувствовал, что вот-вот тронется умом, если они не стихнут.

На свет выбралась кучка теней, и у Ника перехватило дыхание.

Они были похожи на людей, но лишь отдаленно. Длиннорукие, длинноногие, они больше напоминали пауков. Пропорции тел были детскими, но какими-то неправильными – будто их вытянули в длину. Большие круглые пятна боевой раскраски украшали кожу, длинные полосы тянулись вдоль рук и ног. Крепкие, упругие мускулы лоснились в неярком свете. Некоторые были одеты в свалявшиеся облезлые шкуры, увешанные по краям костями, клыками и обломками сухих веток, их запястья и щиколотки были унизаны браслетами из кожи и стеблей травы, а лица – скрыты под дьявольскими рогатыми масками из кожи, шкур и перьев.

Все эти существа двинулись к Нику, приплясывая, подергиваясь, будто в эпилептическом припадке, окружили клетку и уставились внутрь дикими, безумными глазами – золотистыми, такими же, как у Питера. Нику сделалось ясно, что Питер на самом деле обвел его вокруг пальца. Остроухий мальчишка заманил его сюда, чтобы эти твари смогли... Смогли – что? Ник покосился на их длинные ножи, обвел взглядом их голодные глаза...

– Что вам надо?! – дрожащим голосом выкрикнул он.

В ответ они, точно в горячем бреду, завращали глазами, растянули рты в безумных улыбках и застучали зубами. Щелк! Щелк! Щелк! В тишине огромного зала лязг зубов казался оглушительным.

«Нет, нет, нет, – подумал Ник. – Не надо больше, пожалуйста».

С этой мыслью он ушел глубоко в себя – совсем как тогда, в тумане. Он не желал видеть собственную смерть, но, если уж без этого никак, предпочел бы оказаться в самом дальнем ряду, закрыв глаза ладонями.

Развязав ремни, удерживавшие дверцу клетки, его потащили наружу. Крепкие, безжалостные пальцы больно впивались в тело. Кто-то накинул на его шею ожерелье из костей и зубов, из ушей и пальцев – да не чьих-нибудь, а человеческих! Его подтащили к столбу и, приплясывая, двинулись вокруг, обматывая его веревкой, непрестанно хихикая, показывая ему языки, вращая глазами, щелкая зубами. Захотелось как можно скорее умереть – все, что угодно, только бы больше не слышать этих ужасных звуков.

Откуда-то издали донесся лязг железа. Отродья дьявола, чудовищные дети – кем бы они ни были – застыли на месте и разом смолкли.

Туман почти рассеялся. Сквозь ряд узких окон внутрь проник утренний свет, и Ник сумел разглядеть просторный круглый зал целиком. Стены его частью были сложены из грубо отесанных камней, частью представляли собой сплошную естественную скалу. Ясно видна была и красная дверь в обрамлении огромных корней – каждый толщиной с бочонок. Размеров дерева с такими корнями Ник и представить себе не мог. Он поднял взгляд, чтобы разглядеть крону, но сверху оказался потолок.

Отродья дьявола не сводили глаз с красной двери.

– Дьявольский зверь идет, – тихонько проговорил один из них.

– Идет дробить кости и высасывать мозг, – добавил другой.

– Скоро все наедемся, – зазвучал в ответ многоголосый возбужденный шепот.

Встав вокруг Ника широким кольцом, они начали бить кулаками в раскрытые ладони.

Чувства Ника обострились от страха. Ноздри защекотали запахи застарелого пота, вареного мяса, отсыревшей листвы и жуков. Он тоже взглянул на красную дверь. Неужели действительно кто-то идет сюда, чтобы сварить его и съесть? В это не хотелось верить, но взгляд невольно скользнул по ножам и секирам, по темным пятнам на земле, по котлам – каждый размером с мальчишку, – висевшим над очагом. Из головы никак не шли развешанные вдоль стены тела. «Не хочу умирать», – подумал он, с запозданием обнаружив, что плачет.

За красной дверью зазвенели колокольчики. Звон становился все громче и громче, и вдруг стих. Снаружи лязгнул отодвинутый засов, и дверь медленно распахнулась внутрь.

На порог шагнуло настоящее чудовище – на голову выше остальных, закутанное в шкуры, в маске из кости и меха. Над головой его торчала пара козлиных рогов, жесткие, спутанные

волосы были заплетены в толстую косу, свисавшую вдоль спины и достигающую пояса. Маска, шкуры, рога, кожа чудовища – все это было покрыто потрескавшейся красной краской. В руке чудовище держало короткую дубинку с длинным зазубренным крюком на конце.

Устремив взгляд на Ника, оно подняло дубинку и громко фыркнуло.

– О, нет! – закричал Ник. – Нет! Нет! Нет!

Он отчаянно задергался в путах, рванулся раз, другой – и сумел высвободить руки. Поспешно сдернув вниз веревку, обмотанную вокруг пояса и ног, он споткнулся об нее, покатился по полу, вскочил на ноги, оглянулся, увидел, что дьявольский зверь наступает, и пустился бежать. В попытке вырваться из кольца жутких тварей, он кинулся вперед, напролом, но его схватили и оттолкнули назад.

Дьявольский зверь хлестнул Ника ладонью по лицу. Голова взорвалась болью, Ник простерся на каменном полу, сжегился в комок и обхватил руками голову. «Конец, – подумал Ник. – Я погиб».

Дьявол шагнул к нему и жестко пнул в бедро. Ник взвизгнул, потом увидел ногу, летящую в лицо, но сумел увернуться. Пинок пришелся в плечо, Ник покатился по полу.

– Прекрати! – закричал он.

Но дьявол надвигался на него, подняв над головой дубинку с жутким зазубренным крюком. Ник откатился в сторону. Дубинка ударила в камень, вырвалась из руки дьявольского зверя и покатила по полу к центру кольца. Ник вскочил и захромал прочь – подальше от своего мучителя.

Дьявол прыгнул вперед, ухватил Ника за руку, развернул к себе и наотмашь хлестнул по лицу тыльной стороной кисти.

От жгучей боли и ослепительной вспышки в глазах Ник зашатался, с трудом удерживаясь на ногах. А дьявол продолжал надвигаться на него.

Почувствовав вкус крови во рту, Ник потрогал губу и был потрясен: как много крови осталось на пальцах!

– Что тебе надо?! – закричал он, будто не знал ответа, будто и в самом деле мог ожидать чего-то еще, кроме того, что его со звериной жестокостью забьют насмерть.

Дьявол попросту продолжал гонять его по кругу, не удостоивая ответом, будто хищник, неотступно преследующий добычу.

– Что?! Что?! – завизжал Ник.

Тут он заметил дубинку с крюком, лежавшую в центре кольца. Взгляд его зацепился между крюком и дьяволом.

Дьявол остановился и уставился на него.

Ник нырком бросился к оружию и подхватил крюк с каменного пола. Оружие оказалось неожиданно тяжелым, и Ник чуть не уронил его. Подняв дубинку обеими руками, он направил хищный зазубренный крюк на дьявола.

– Давай!!! – закричал он, брызжа слюной пополам с кровью. – Иди сюда, козел вонючий!!!

Но дьявол не двигался с места.

– Ну?! – крикнул Ник. Его затрясло, как в лихорадке, дубинка задрожала в руках.

Окружавшие его существа нараспев затянули:

– Кровь. Кровь. Кровь.

Они повторяли это снова и снова, пока Ник не подумал, что сейчас сойдет с ума.

«Ну, хватит!»

Ник с воем бросился на дьявола и взмахнул дубинкой, чтобы сплеча всадить крюк поглубже в его череп.

В последнюю секунду дьявол перехватил запястье Ника, выбив дубинку из руки. Оружие с громким стуком отскочило от пола, и в зале стало тихо.

– Хорошо, – сказал дьявол, сдвинув маску наверх.

Перед Ником стоял вовсе не «дьявольский зверь», а просто мальчишка.

Мальчишка улыбнулся.

– Хорошо держался! – он крепко стиснул ладонь Ника и вскинул его руку кверху. – Свежая Кровь для Дьявол-Дерева!!!

Запрокинув голову, он испустил громкий протяжный вой.

Странные существа присоединились к нему – завывали, затопали. Зал загудел от накала страстей. Все сбросили маски. Теперь Ник ясно видел: под лохматыми шевелюрами и боевой раскраской скрывается всего лишь куча малолетних придурков.

Он поднял взгляд. Наверху, между потолочных балок, подражая мальчишкам, будто крохотные синие обезьянки, скакали вверх-вниз синекожие пикси. Их резкий визг усиливал общую какофонию. Зал звенел от улюлюканья, криков и хохота. Казалось, мир превратился в безумный, бешено кружащийся калейдоскоп, и Ник понял, что окончательно и бесповоротно сошел с ума.

Глава шестая

Волк

Похититель детей сидел на скамье неподалеку от детской площадки. Над головой нависали мрачные здания, окружавшие просторный двор с пяти сторон. Дело шло к полудню, и улы жилых домов начали просыпаться. Он оглядел балконы в поисках хоть каких-то следов «трудных подростков», но обнаружил только все те же усталые похмельные лица взрослых. Собравшись небольшими группами, они бесцельно торчали на балконах, частенько оставляя балконные двери открытыми и оглашая двор ревом и грохотом стереосистем. Там и сям слышался смех, но чаще всего в нем звучала угроза. Многие просто смотрели перед собой остекленевшими глазами, напоминая Питеру мертвецов в Тумане.

Вдруг ушей Питера достиг ликующий визг. За ним последовал взрыв оживленного смеха. Эти звуки притягивали, манили к себе, будто конфета.

Несколько детишек помладше, презрев дождь и слякоть, катались с горки, качались на рукоходе. Разбившись на команды, они затеяли шумную игру в пятнашки.

Похититель детей следил за ними с улыбкой. Даже здесь, среди стольких мытарств, несмотря на непристойные граффити, которыми были испохаблены все доступные поверхности, эти детишки могли находить себе радость. «Они отыщут радость всегда и везде, – подумал Питер, – потому что их волшебство еще с ними».

Внезапно он понял, что хочет лишь одного – побегать и поиграть с ребятами. То же самое неодолимое желание он испытал многие годы назад, при первой встрече с другими детьми. Только в тот раз все это кончилось бедой...

Его улыбка увяла.

«Да, то был день жестоких уроков».

Ему недавно исполнилось шесть. Одетый в шкуру енота, он беззвучно неся по лесу. Шкура развевалась за спиной, как плащ, длинный полосатый хвост подпрыгивал в такт шагам.

Морду зверька он натянул на голову, как капюшон, и его золотые глаза блестели из-под маски енота, обшаривая заросли в поисках добычи. Была весна, и кроме шкуры он надел только набедренную повязку да сыромятные башмаки. В обеих руках он держал по копыю, за поясом торчал кремневый нож. Тело его было вымазано ягодным соком и грязью, чтобы скрыть собственный запах. Этой уловке, а также тому, что при себе всегда нужно иметь два копыя – одно для охоты, другое для защиты от крупных лесных зверей, – научил его Голл.

Бросив на середину поляны пригоршню орехов, Питер нырнул в высокие кусты. Заметив на дереве неподалеку двух бурых белок, он сложил ладони рупором и изобразил клохтанье кормящейся индейки. Этой уловке тоже научил его Голл. Не подражай зверю, на которого охотишься – вряд ли животное обманешь его же собственным зовом. Вернейший способ приманить добычу – голос другого зверя, разжившегося пищей.

Конечно же, обе белки поспешили к нему. Питер осторожно опустил тяжелое копые на землю и вскинул легкое к плечу. Белки увидели орехи, увидели друг друга и наперегонки бросились к добыче.

Питер встал и метнул копые. Копье попало точно в цель. Одна из белок осталась лежать на земле, а другая, рассерженно вереща на Питера, пустилась наутек.

Питер издал торжествующий вопль и подпрыгнул от радости. «Сегодня – никакой похлебки из пауков, – подумал он. – Сегодня на ужин беличье жаркое!»

На поляну неторопливой рысцей выбежал волк. Оценив положение, зверь встал между Питером и его трофеем. У волка не хватало одного уха.

Питер замер.

Не сводя с него темных глаз, волк приподнял верхнюю губу. Казалось, зверь ухмыляется.

Питер подхватил с земли тяжелое копые и выставил его перед собой.

– Ну нет, – сказал он. – На этот раз – нет.

Волк глухо зарычал.

Питер не дрогнул. Этот волк неотступно отравлял ему жизнь уже несколько месяцев. Всякий раз, как Питеру удавалось убить зверя, появлялся волк и отнимал у него добычу. Питер был по горло сыт паучьей похлебкой и на этот раз решил отстоять свой трофей во что бы то ни стало.

В волчьих глазах мелькнула насмешка. Зверь дразнил, подначивал мальчика, как будто больше всего на свете хотел перегрызть ему горло.

Во рту разом пересохло. Питер громко сглотнул. Голл говорил, что единственный способ одолеть волка – кинуться прямо на него.

– Волк – охотник, – учил Голл. – Если охотятся на него, теряется. Не знает, что делать. Так с ним и справишься. Сам увидишь. Выкажешь страх, – Голл рассмеялся, – волк тебя съест. Ай-юк.

«Давай, – подумал Питер. – Вперед. Бить прямо в сердце».

Волк опустил морду к земле и медленно двинулся по кругу. Питер прекрасно знал, что у зверя на уме, – в эту игру они играли не раз и не два. Волк пытался отрезать ему путь к бегству, встать между ним и ближайшим деревом. Стоит хоть на секунду отвести от него взгляд, тут же бросится...

Волк громко рыкнул.

Питер бросил взгляд в сторону дерева.

Волк прыгнул на него.

Питер завопил, выронил копые и кинулся бежать. К счастью, уже в шесть лет он был проворен и ловок, как белка. Промчавшись через поляну к дереву, он прыгнул вверх, ухватился за нижний сук, подтянулся... Позади громко лязгнули зубы, резкий рывок едва не сдернул Питера на землю. Возбравшись еще несколькими ветками выше, он осмелился бросить взгляд вниз.

Волк стоял у подножья дерева, сжимая в зубах хвост енота, и смотрел на него. Покружив под деревом, волк ленивой рысцой направился к убитой белке. Сидя на тонком, неудобном суку, Питер смотрел, как волк пожирает его ужин. Покончив с едой, волк свернулся клубком под деревом и задремал.

Казалось, этому долгому дню не будет конца. Питер то и дело разминал затекавшие ноги и изо всех сил старался не свалиться вниз. К закату все тело онемело, и он приготовился к очень и очень скверной ночи.

– Ты глянь, – раздался невдалеке скрипучий голос. – Птица. Птица Питер.

Питер и волк разом подняли взгляды. Сверху, на невысоком скалистом гребне, стоял Голл.

Покосившись на волка, затем – на останки белки, Голл вновь устремил взгляд на Питера и ухмыльнулся.

– Опять кормишь одноухого старика? Ай-юк.

Питер покраснел и отвел взгляд.

Голл рассмеялся, прыгнул с гребня и двинулся сквозь кусты к поляне. Волк, помня заведенный порядок, просто наградил Голла надменным взглядом, и одним прыжком скрылся в зарослях.

Мешком свалившись с дерева, Питер подобрал копыта и, еле переставляя негнувшиеся ноги, подошел к Голлу.

Голл поднял за задние лапы крупного кролика, встряхнул его в воздухе и пошевелил ногой то, что осталось от белки.

– Сегодня Голла ждет добрый ужин. А Питеру, сдается мне, снова досталась похлебка из пауков. Ай-юк.

Питер поник головой.

– Ох, Голл, перестань.

– Хочешь хорошо есть, надо хорошо охотиться.

В бессильной злости поддав ногой клочья беличьей шкурки, Питер уныло двинулся вслед за Голлом к пещере.

Окунув ложку в миску с мерзким жидким варевом, Питер поднял ее на уровень глаз и взглянул сквозь комок полусырых паучьих лап на недоеденного кролика в руках Голла. Пещеру переполнял аромат жареного мяса. Громко причмокнув, Голл облизал с пальцев жир и удовлетворенно заурчал.

– Ну пожалуйста, – сказал Питер.

Голл помотал головой.

– Ну, хоть пару раз откусить?

– Ты знаешь закон. Что добудешь, то и ешь. Хочешь кролика – добудь кролика сам. Ай-юк.

– Как мне его добыть, если этот дурацкий волк никак не отвяжется?

– Надо убить волка.

Питер надолго задумался.

– Голл, а может, ты убьешь этого волка? Пожалуйста!

Голл вновь помотал головой.

– Мне он не докучает.

Питер со вздохом отодвинул миску. Поднявшись, он подошел к выходу из пещеры и уставился в темноту. На небе, среди весенней листвы, мерцали звезды. Вспомнилась мать. Порой он мог закрыть глаза и вновь почувствовать запах ее волос. Что-то они едят сейчас там, в большем доме? Отчего бросили его на съедение зверям? Питер шлепнул по одному из висевших

над входом башмачков и, глядя, как он качается в воздухе, задумался. Что за ребенок носил его? Может, и его родители бросили в лесу?

– Голл!

– Ай-юк?

– Чьи это башмачки?

– Маленьких мальчиков. Маленьких девочек.

– А откуда у тебя их башмачки?

– Прежде, чем есть, надо снять.

– Есть? – Только тут Питер понял, в чем дело. – Детей?!

– Ай-юк.

– Ты ешь детей?!

– Только когда удастся поймать.

Питер молча уставился на башмачки над входом.

– Пожалуй, мне не нравится есть детей, – наконец сказал он.

– Понравится. Очень нежные. Очень сочные. Куда лучше паучьей похлебки.

– А откуда взялись эти дети?

– Из деревни.

– А где эта деревня?

– Нет!!! Никаких разговоров о деревне. Не ходи туда даже близко. Там люди. Люди очень плохие. Очень опасные.

– Опаснее нашего волка?

– Да. Много, много опаснее.

Питер снова качнул башмачок. А хорошо бы, если бы рядом были и другие дети!

– Голл, а можно, когда ты поймаешь еще одного, я оставлю его себе? Сделаем ему клетку... Ладно?

Голл взглянул на Питера, склонив голову набок.

– Питер, ты очень странный. Держись подальше от деревни.

Питер вернулся в пещеру и подсел к огню.

Взглянув на заднюю лапу кролика в миске Голла, он поднял на Голла взгляд и причмокнул губами.

– Не кланчить. Терпеть не могу.

Питер плаксиво выпятил нижнюю губу. Голл закатил глаза и нахмурился.

– На, – буркнул он. – Бери.

С этими словами он подтолкнул свою миску к Питеру и принялся наблюдать, как мальчик пожирает кроличью ногу. Вскоре уголки губ моховика дрогнули в едва заметной улыбке. Покачав головой, он забрался под груды шкур и уснул.

Покончив с крольчатинной, Питер с наслаждением улегся на спину. От сытного мяса в животе стало тепло. Веки отяжелели. «Да, хорошо бы, если б поблизости был еще хоть один ребенок, – подумал он. – Я мог бы играть с ним. Научил бы охотиться, – тут ему в голову пришла новая мысль. – Да что там, вдвоем мы смогли бы убить этого злобного старого волка! – эта мысль тут же прогнала сон. – Бьюсь об заклад, я сумею раздобыть одного. Наверняка сумею».

Укрывшись за кустами дикой смородины, Питер следил за людьми. Он отправился на поиски деревни еще до рассвета, ушел от Голлова холма далеко на юг, намного дальше, чем рисковал уходить прежде, наткнулся на дорогу и вскоре услышал конский топот. Все утро он шел за людьми, и, наконец, они остановились у ручья напиться и напоить коней. Четверо мужчин – крепких, длиннобородых, с заплетенными в косички усами, с медными кольцами в ушах, одетых в кожаные бриджи и шерстяные домотканые рубахи – спешили, чтобы размять ноги.

Трое были вооружены длинными мечами, висевшими на широких поясах, усеянных бронзовыми заклепками. Четвертый, в меховой накидке на плечах, носил при себе двойной боевой топор. После долгой жизни с Голлом мальчику эти мужчины казались огромными и страшными. Теперь Питер понимал, отчего Голл так опасается их.

С ними была широколицая дородная женщина с льняными волосами, заплетенными в ниспадавшие на грудь толстые косы. На ней было длинное платье, перехваченное в талии, над пышными бедрами, широким поясом, украшенным витыми медными кольцами. Но все внимание Питера было приковано к детям. Он даже откинул на затылок капюшон из енотовой головы, чтобы лучше видеть. Их было трое: два мальчика примерно его возраста и девочка – пожалуй, года на два младше. Мальчишки были одеты только в штаны да сандалии, а девочка – в яркое красное платье. Будто зачарованный, Питер смотрел, как они бегают друг за другом кругами, перепрыгивая поваленные деревья, перескакивая через ручей.

Как только одному из мальчишек удавалось запятнать другого, игра начиналась заново. Девочка бегала за ними, громко требуя, чтоб ее тоже приняли в игру, и наконец оба мальчика кинулись за ней, скорчив страшные рожи и вытянув вперед пальцы, скрюченные, точно когти. Девочка с визгом бросилась к матери, а мальчишки от смеха попадали в траву. Питер едва не захохотал вместе с ними, но вовремя спохватился и зажал рот ладонью. Все это показалось ему очень забавным. «В эту игру можно играть и на Голловом холме», – подумал он, и ему пуще прежнего захотелось изловить хоть одного из детей.

Пристально глядя на мужчин, он поразмыслил о том, как увести ребенка из-под их пристмотра, решил подобраться поближе и заскользил от дерева к дереву.

Один из мальчишек вприпрыжку вбежал в лес, перепрыгнул через кусты, нырнул за дерево – и нос к носу столкнулся с Питером. Оба замерли от удивления, не зная, что делать.

Склонив голову набок, мальчишка с подозрением уставился на Питера.

– Ты кто? Лесной эльф?

– Нет. Я – Питер.

– А-а. А я – Эдвин. Хочешь поиграть?

«О да, конечно», – подумал Питер. Кивнув, он широко улыбнулся мальчишке и только нацелился схватить его, как из-за дерева появилась девочка. При виде Питера, его плаща из шкуры енота и багрово-красной краски на коже она пронзительно завизжала и кинулась бежать.

– Эдвин! – заорал один из мужчин. – А ну вернись!

Услышав приближающийся грохот тяжелых сапог, Питер нырнул в заросли.

Вышедший из-за дерева мужчина сердито уставился на мальчишку.

– Я же велел быть рядом, – сказал он, оглядывая лес. – В здешних холмах полно диких тварей. Злобных буги, живущих в норах. Поймают мальца вроде тебя – знаешь, что с ним сделают?

Мальчишка покачал головой.

– Из потрохов сварят похлебку, а кожу пустят на башмаки. Идем. Нам нужно быть дома до темноты, а путь неблизок.

Питер добрался до деревни только в кромешной тьме. Ноги болели, в животе урчало от голода, но он не обращал внимания на жалобы тела. На уме у него было одно – мальчишка.

Прячась за деревьями, он подождал, пока мужчины не уведут лошадей на ночь. Вскоре под ночным небом не осталось никого, кроме него самого. Вокруг виднелась дюжина больших домов – таких же, как тот, где он родился, да вдобавок – просторная конюшня. Дома окружали широкую площадь. Неподалеку похрюкивали свиньи, где-то в курятнике кудахтали куры.

Питер беззвучно пробирался между домами. Казалось, он у всех на виду. Он был уверен: за ним следят, а за каждым углом поджидает его огромный, звероподобный человек. С крем-

невым ножом наготове, он нырял из тени в тень, принюхивался, прислушивался в ожидании малейшего звука. В деревне страшно воняло – навозом, кислым потом, гнилыми отбросами. Питер поморщился. Он никак не мог понять, как можно жить здесь, когда на свете есть лес.

Подобравшись к дому мальчишки, он прижался спиной к стене, сложенной из грубо отесанного камня и дерна, и подкрался к маленькому круглому оконцу. Внутри залаляли псы, сердце бешено застучало в груди. Резкий сердитый окрик утихомирил собак. Питер попробовал заглянуть в окно, но тяжелые ставни были закрыты и крепко-накрепко заперты на засов. Он принялся ковырять ножом грязь, набившуюся между досками, и вскоре из щели показался тоненький лучик света. Питер прищелкнул к щели глазом.

Комната оказалась точно такой же, как в доме, где он провел первые недели жизни: большой очаг, котлы, горшки, еловые лапы, свисающие с потолочных балок. Вся семья сидела вокруг стола, миски с картошкой и капустой переходили из рук в руки, мальчишки хихикали и дурачились.

Питер потянул носом, и густой запах копченого мяса и свежеевыпеченного хлеба принес с собой поразительно яркие воспоминания о собственной семье. Внезапно нахлынувшая тоска была так сильна, что у Питера отказали ноги. Скользнув вдоль стены, он опустился на землю и обхватил руками колени. В глазах защипало. Питер крепко зажмурился, и горькие слезы покатались по его щекам.

– Мама... – прошептал он.

Ее смех, широкая улыбка, сладкий запах молока – казалось, все это совсем рядом. Стоит только войти в этот дом – и увидишь мать, а она позовет к себе, крепко прижмет к теплой груди, споет колыбельную...

Скрипнув зубами, Питер зло смахнул слезы с глаз. Он прекрасно знал, что случится, если постучаться в эту дверь.

За окном раздался взрыв смеха. На этот раз смеялись не только мальчишки – смеялась вся семья, все вместе. Питер злобно сверкнул глазами, уставившись в темноту. Смех продолжался, и от этого щемило в груди. Он с маху вонзил в землю нож.

– Плевать, – прошептал он сквозь стиснутые зубы. – Кому охота торчать в этом дурацком вонючем доме с дурацкими подлыми взрослыми?

В животе заурчало. Поднявшись, он двинулся в сторону конюшни, на поиски курятника.

«Возьму да спалю этот дом без остатка. Узнают тогда, каково голому на морозе».

Отыскав курятник, он беззвучно скинул задвижку и скользнул внутрь. Несколько несущек вскинулись, закудахтали, с подозрением глядя на него. Подождав, пока они успокоятся, Питер выпил все яйца, какие сумел найти. Увидев в углу кучу холщовых мешков, он выбрал один и примерил на себя.

«Пожалуй, поместится».

Оставив находку у порога, Питер обшарил конюшню, отыскал моток веревки и дубинку и примерился к новому оружию. Он надеялся, что дубинка не пригодится, но прихватил и ее – на всякий случай: ведь раньше ему никогда не доводилось красть детей, и добрая крепкая палка могла оказаться кстати.

Добычу он спрятал под огромным дубом на краю поля и взобрался на дерево вздремнуть, но сон не приходил.

«Завтра, – думал Питер. – Завтра изловлю себе собственного Эдвина».

Разбудил Питера крик петуха. Питер сел и вдохнул прохладный утренний воздух. Интересно, мальчишка уже поднялся? Питер спрыгнул на землю. Солнце едва выглянуло из-за горизонта, над свежевспаханнкими полями стелилась туманная дымка. Справив нужду, Питер укрылся за дубом и принялся ждать и наблюдать. Никаких планов сверх того, чтобы заманить Эдвина за дуб и посадить в мешок, у него пока не было.

Тем временем мужчины, женщины и дети постарше покинули дома и начали новый день. Вскоре деревня огласилась стуком кузнечного молота, мычанием коров, лошадиным ржанием, квохтаньем куриц, криками и кряхтеньем мужчин, вышедших на работу в поля, но мальчишка все не появлялся.

Питер заволновался. Так близко к деревне, под самым носом у множества людей, он чувствовал себя очень неудобно. Наконец он услышал оживленный смех и увидел Эдвина. Вдвоем со вторым мальчишкой они пересекли площадь, скрылись в конюшне, мгновением позже вышли наружу с двумя парами ведер в руках и вскоре скрылись за стеной деревьев, вытянувшейся вдоль нижней части пологого склона. Оглядевшись, нет ли поблизости людей, Питер помчался за ними. Прячась за скирдами сена, он пересек поле и добрался до деревьев.

Мальчишки наполняли ведра водой из небольшого ручья. Питер укрылся в зарослях ежевичных кустов. Мальчишки медленно, чтобы не расплескать воду, поволокли ведра наверх. Дождавшись, когда они поравняются с ним, Питер выпрыгнул из-за кустов.

– Привет!

Мальчишки с криком развернулись, чтобы пуститься наутек, врезались друг в друга и вместе с опрокинувшимися ведрами покатались вниз.

От смеха Питер рухнул на колени и схватился за живот.

Мальчишки испуганно переглянулись, но Эдвин тут же расплылся в улыбке:

– Эй, это же он!

На лице второго мальчишки отразилось недоумение.

– Это он, – повторил Эдвин, – лесной эльф! Видишь, Ото? Что я говорил? – Эдвин пихнул второго мальчишку кулаком в плечо. – Ну, кто из нас «идиёт»?

Сощурившись, Ото повернулся к Питеру:

– Ты правда лесной эльф?

– Его зовут Питер, – сказал Эдвин. – Питер, покажи ему уши!

Питер откинул капюшон из головы енота за спину.

– Гляди!

– Ну и дела, – медленно проговорил Ото. – Лесной эльф. Настоящий! – протянув руку, он потрогал Питера, словно желая убедиться, что тот и вправду настоящий. – А что ты здесь делаешь?

– Давайте играть, – предложил Питер.

– Играть? Нам нельзя, – ответил Ото. – Надо переделать такую кучу всяких дурацких дел...

– Но не каждый же день выпадает поиграть с лесным эльфом, – возразил Эдвин.

– Да, это верно, – согласился Ото. – Но если мы не напоим свиней, папа нас кнутом выдерет.

– Я знаю уйму игр лесных эльфов, – заметил Питер. – И все они куда веселее, чем таскать ведра с водой, – лицо его озарилось лукавой улыбкой. – Можно же поиграть совсем немного. Вон там, за скирдами сена, у большого дерева. Там нас никто не заметит.

Улыбка Питера была так заразительна, что мальчишки невольно заулыбались в ответ.

Эдвин пихнул Ото локтем:

– Игры лесных эльфов... В жизни не играл в игры лесных эльфов!

– Ну ладно, – сказал Ото. – Только совсем чуть-чуть.

– Здорово! – воскликнул Питер. – Идем за мной. И помните: нас никто не увидит.

Пригнувшись, он помчался вперед. Мальчишки последовали за ним, подражая каждому его движению.

Добравшись до скирд, они остановились. Питер огляделся и убедился, что путь свободен.

– Эй, Питер, – окликнул его Эдвин. – Гляди!

С этими словами он вскарабкался на скирду. Не успел Питер стащить его вниз, пока никто не заметил, как мальчишка перепрыгнул на соседнюю скирду, упал на нее сверху и оглянулся.

– Спорим, ты так не сможешь!

Питер нахмурился.

– А спорим, смогу? – сказал он и тоже прыгнул со скирды на скирду.

Весь следующий час они скакали по скирдам, резвились, играли в пятнашки и в прятки. Питер совсем забыл о мешке, веревке, дубинке и даже о людях – так ему было весело. Вскоре они сбросили рубашки – Питер остался в одной набедренной повязке – и их тела заблестели в лучах жаркого утреннего солнца. Все они с головы до ног покрылись грязью, соломой и прошлогодними листьями – и улыбались от уха до уха.

Теперь они стали могучими берсерками, а самая высокая скирда – та, что за конюшней, – страшным драконом. В безрассудной атаке Питер прыгнул на нее и попытался взобраться на вершину. Скирда накренилась, Питер заорал, гряда отсыревшего сена рухнула на него и придавила к земле.

Подбежавшие мальчишки принялись откапывать Питера. Как только из-под сена показалось его лицо, Питер выплюнул целую пригоршню травинок, закашлялся и захохотал. Поперхнувшись, он сплюнул и захохотал снова. Вскоре все трое смеялись так, что мальчишки попадали наземь, не в силах удержаться на ногах.

– Эй, – выдавил Питер между двумя приступами хохота. – Эй... вытащите... меня... отсюда.

– Вот вы где!!! – раздался громкий, гневный женский голос.

Смех стих. Питеру разом вспомнилось, где он, сердце его затрепетало, забилося у самого горла.

– Что это вы тут устроили? Вам велено на... – оборвав фразу на полуслове, женщина замерла с раскрытым ртом. – Кто... Что...

Женщина оглушительно завизжала.

Извернувшись, Питер увидел пухлый, дрожащий палец, указывавший на него.

– Гоблин!!! – визжала женщина. – Гоблин!!!!

Из конюшни выглянул лысый старик, за ним – жилистый юнец с рябым лицом. Увидев Питера, оба бросились к нему. Один из них – молодой – сжимал в руке вилы.

Высвободив руки, Питер начал отчаянно отбрасывать сено, чтобы освободить и ноги.

Мальчишки перевели взгляды с матери на Питера.

– Нет, мама! – крикнул Эдвин. – Никакой он не гоблин! Он...

Выдернув из-под груды сена ногу, Питер яростно забрыкался, освобождая вторую.

– Отойдите от него!!! – визгливо крикнула женщина. – Эдвин, Ото!!! Слышите?!! Отойдите от него сейчас же!!!

Мальчишки не сдвинулись с места. Тогда она бросилась к ним, ухватила обоих за руки и оттащила прочь.

Тут подоспел и рябой юнец. Подняв вилы, он ткнул ими Питера прямо в лицо.

Питер отдернул голову – но недостаточно быстро. Один из зубьев, скользнув по черепу, рассек его скальп. Питер взвыл от резкой жгучей боли. Охваченный паникой, он брыкнулся, освободил вторую ногу, перекатился на четвереньки и почти успел встать, но тут кто-то ухватил его за руку и швырнул на землю. Огромный кулак лысого старика врезался в скулу Питера. В глазах ослепительно вспыхнуло, голова взорвалась болью. Колени подогнулись, но, прежде чем Питер успел упасть, старик ударил вновь. От жестокого удара в грудь перехватило дух. Питер рухнул навзничь. Все вокруг стало туманным и зыбким.

– Убейте его!!! – кричала женщина.

Питер попытался сделать вдох, но рот наполнился чем-то мокрым и горячим. Он закашлялся, обрызгав землю собственной кровью. Половина лица онемела. Сквозь слезы и брызги крови он увидел расплывчатую фигуру, метнувшуюся к нему.

– Да убейте же его!!! Быстрее!!!

– Сейчас! – крикнул в ответ юнец.

Питер протер глаза – как раз вовремя, чтобы увидеть рябого юнца, несущегося на него с вилами. Голова кружилась. Питер медленно поднялся на ноги, и тут юнец ткнул его вилами. Питер попытался увернуться, но зубья зацепили бок, оставив на нем три жутких глубоких царапины.

Рука лысого метнулась к Питеру. Поднырнув под нее, он пустился бежать, споткнулся, упал, но, тут же вскочив, быстрее ветра понесся к лесу.

Добежав до опушки, он упал на колени и зажал ладонью рану в боку. Лицо свело от боли. Громко, прерывисто всхлипнув, он принялся сплевывать кровь.

Работавшие в поле заорали, указывая на Питера. Из-за конюшни показались еще несколько мужчин и женщин. Они не гнались за ним – просто стояли, возбужденно тыча пальцами в сторону леса. Он мог разглядеть их лица – их страх, отвращение... и ненависть.

Тут появились новые люди – те самые мужчины с бородами, заплетенными в косы, с огромными острыми мечами. Питер вскочил и снова пустился бежать.

Легкие горели огнем. Питер бежал большую часть дня, но до сих пор не смел остановиться. Он слышал их крики, лай их собак, громкий топот конских копыт. Они настигали.

Вдали, в просвете между деревьями, показался Голлов холм, но Питер с ужасом понял, что и там для него нет спасения. Спасения больше не было нигде. Голл не в силах остановить этих огромных людей с ужасными мечами и топорами. Люди убьют Голла.

Питер свернул в сторону и побежал к скалам, уводя людей от холма в надежде, что их лошади не смогут последовать за ним по крутым склонам.

Добравшись до скал, Питер остановился, прислушался, перевел дух – и не услышал людей. Увидев в этом проблеск надежды, Питер немного воспрянул духом. Может, они отступились? Может, сегодня ему не суждено умереть?

Но тут он увидел дым. Сердце болезненно сжалось в груди.

– Голл... – прошептал он.

Питер вновь побежал, не обращая внимания ни на резкую боль в боку, ни на раскалывающуюся голову. Он со всех ног мчался назад, к Голлову холму, но, взобравшись на соседний холм, замер, как вкопанный.

Из норы Голла валил дым, а рядом, на огромном дубу, висел сам Голл. Его руки были притянуты веревкой к туловищу, ноги болтались всего в нескольких дюймах от земли. Вокруг – кто верхом, кто пеший – стояли огромные люди с мечами и топорами в руках.

Моховик обгорел с головы до пят, красная от ожогов кожа еще дымилась. Из его тела торчало не меньше дюжины стрел, однако он все еще находил в себе силы брыкаться и плевать. Собаки скакали вокруг, рвали его ноги, а люди ревели от хохота.

У Питера подкосились ноги. Он оперся о ствол дерева и осел на землю, обрывая ногтями гнилую кору. Он очень хотел остановить их, сделать хоть что-нибудь, но, объятый невыносимым ужасом, не мог даже шевельнуться – только сидеть и смотреть.

К Голлу шагнул огромный чернобородый малый с длинным кинжалом в руке.

Голл смотрел на острое лезвие круглыми от ужаса глазами.

Чернобородый схватил Голла за волосы, рывком запрокинул его голову и отсек Голлу уши – левое, а за ним и правое. Моховик задергался, люди захохотали, собаки с воем забегали вокруг дуба.

Человек вонзил клинок в живот моховика. Голл закричал, забился в мучительных судорогах. Неторопливо, будто пилой, взрезав его живот, человек поддел кончиком кинжала петлю кишок, вытащил ее из раны наружу и свистнул, подзывая собак. Пес, подскочивший первым, вцепился в эту петлю, потянул. Кишки Голла поползли наружу, ложась на землю влажными кольцами. Собаки, злобно огрызаясь друг на друга, принялись дергать их, рвать на куски под жуткий вой моховика.

Питер смотрел на все это с окаменевшим лицом, не в силах сдвинуться с места, не в силах издать звук или хотя бы моргнуть. Он смотрел и смотрел – и не пропустил ничего.

Долгое, очень долгое время спустя Голл затих, замер, безжизненно уронив голову на грудь.

Когда люди ушли, Питер встал и спустился с холма. Он не плакал, не чувствовал ни ран в боку, ни рассеченного скальпа, ни даже земли под ногами. Не чувствовал ничего. Просто шел – медленно, размеренно.

Отыскав принадлежавший Голлу нож, выточенный из кости, он перерезал веревки и опустил моховика на землю. К удивлению Питера, Голл открыл глаза.

– Будь храбр и силен, птица Питер, – прохрипел Голл. – Убей волка.

И это были его последние слова. Взгляд моховика остекленел.

Питер заткнул нож Голла за пояс, забрал свои копья и отправился на север – прочь от деревни. Он и сам не знал, куда идет – главное, прочь от деревни, прочь от людей.

Вскоре Питер услышал шаги волка, идущего следом. Остановившись на поляне, он повернулся назад. Из зарослей появился одноухий волк. Приоткрыв пасть, зверь оскалился, будто зная, что мальчишка попался, будто насмехаясь над ним.

Но Питер не дрогнул, не отступил. Он бросил на землю легкое копье, поднял тяжелое на уровень плеча, свободной рукой выхватил костяной нож, взглянул волку прямо в глаза и, сломя голову, бросился к зверю.

Волк пришел в замешательство.

Сверкнув глазами, Питер испустил жуткий вой.

Волк попятился.

Питер метнул копье.

Волк припал к земле, уворачиваясь от броска, и, как только он сделал это, Питер прыгнул вперед и глубоко вонзил нож Голла зверю в бок.

Волк заскулил и кинулся бежать, но всего через несколько шагов запнулся, споткнулся, задние лапы зверя подогнулись, дыхание перешло в резкий булькающий хрип.

Питер подобрал копье и двинулся на волка.

Волк остановился, не в силах ничего сделать – зверь мог только стоять и смотреть на мальчишку, идущего убить его. Он задыхался, из его пасти капала кровь.

Взгляд Питера сделался жестким. В глазах его – глазах хищника – не было ни ненависти, ни жалости. Копье вонзилось в сердце волка. Волк изогнулся, забился в судорогах и затих.

Долгое время Питер смотрел на волка. На глаза навернулись слезы. Слезинка покатилась по вспухшей, заплывшей синевой кровоподтека щеке, за ней – вторая, третья... Упав перед волком на колени, Питер зарыдал. Он плакал и по Голлу, и по самому себе – шестилетнему мальчишке, лишившемуся и матери, и друга, напуганному, всеми ненавидимому, бесприютному.

Чей-то крик неподалеку отвлек похитителя детей от невеселых мыслей.

Один из младших ребят – мальчишка – лежал на земле перед рукоходом. Над ним, смеясь, стояли двое мальчишек постарше – еще не подростки, просто мальчишки лет одиннадцати-двенадцати.

Поднявшись на ноги, мальчик принялся отчищать от грязи футболку на груди. Две полноватых круглолицых девочки лет семи-восьми с воинственно торчащими в стороны косичками подбежали к нему и встали рядом.

– А ну не троньте его, – сказала одна из них.

Выставив подбородок вперед, она уперла руки в бедра. Ее подруга сделала то же самое. Ребята, собравшиеся на площадке, оставили игры и начали подтягиваться поближе.

– Хочешь, чтоб и тебе задницу надрали?

Старший мальчишка толкнул девочку так, что она упала на колени. Его дружок загоготал.

– А ну не толкайся! – закричал мальчик помладше, стиснув измазанные грязью кулаки. Лицо его было исполнено страха и ненависти.

Питер покачал головой. Он знал: скоро этот мальчишка станет таким же гнусным, как и эти двое – ведь гнусность имеет отвратительную манеру заражать окружающих.

– А то что будет?

– Мы первые сюда пришли! – запальчиво крикнула вторая девочка, помогая подруге подняться.

– А теперь пришли мы, – сказал старший мальчишка. – Поэтому валите отсюда, придурки, пока мы всем вам не надавали.

Никто из ребят не сдвинулся с места. Тогда старший мальчика шагнул вперед.

– Думаете, я тут шутки шучу? Я сказал...

Тут он увидел рядом с маленьким мальчиком Питера. На лице его мелькнуло замешательство. Он не понимал, откуда Питер мог появиться, и оглянулся на своего дружка, но тот выглядел так же растерянно.

Похититель детей откинул капюшон и поднял на старших мальчишек глаза – те самые золотистые глаза, что обратили в бегство взрослого волка. Он не проронил ни слова – просто стоял и смотрел.

Старшие мальчишки разом сдулись.

– Пошли, – сказал задира дружку. – Детские площадки – для лохов.

Оба двинулись прочь, опасливо оглядываясь на каждом шагу.

– Эй, мальчик, – сказала одна из девочек, – какие у тебя уши забавные!

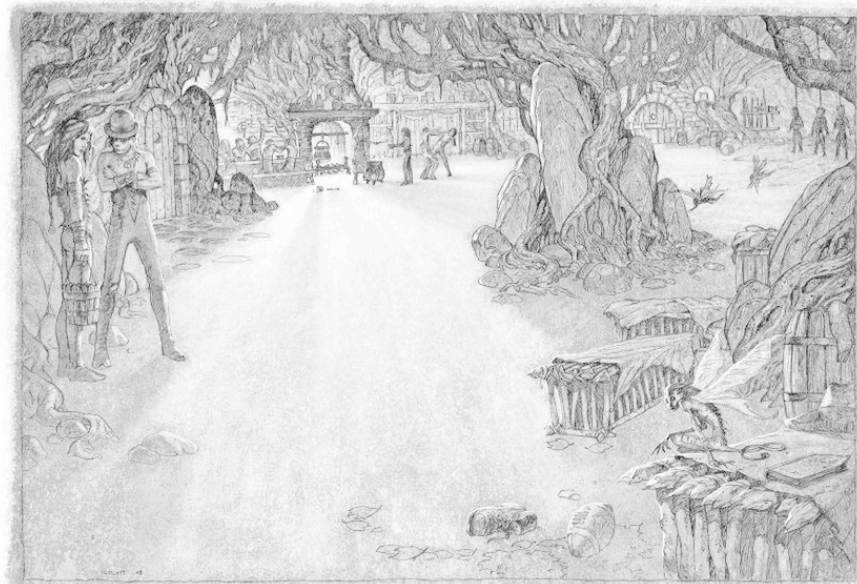
Питер широко улыбнулся ей и пошевелил ушами. Ребятишки захохотали.

– Хочешь поиграть с нами? – спросил мальчишка, с которого все началось.

– Конечно, – ответил Питер. – Конечно, хочу, – в его глазах появился дьявольский блеск. – Но не сегодня. Сегодня я должен найти друга.

Глава седьмая

Секеу

Ник сидел на полу, крепко прижавшись спиной к стене. Болела голова – казалось, звон в ней не прекратится никогда. Потрогав вспухшую губу, он болезненно скривился. Теперь он был абсолютно уверен, что его никто не собирается есть – по крайней мере, этим утром. Прислонившись затылком к каменной кладке, он молча наблюдал, как странные ребята продолжают свои безумства.

Полуголые пацаны метались из угла в угол, толкались, орали, но во всем этом хаосе каким-то непостижимым образом ухитрились растопить очаг, зажечь факелы, и вскоре в воздухе запахло дымом и копотью. Ник попробовал сосчитать их, но в такой суматохе из этого ничего не вышло. На глаз здесь было человек двадцать, и Ник просто поражался тому, сколько же от них шума!

Мягкий утренний свет засиял на земляном полу, кое-где вымощенном камнем. Сквозь бреши в потолке виднелась редкая листва. Взгляд Ника блуждал по залу, немногим уступавшему в размерах баскетбольной площадке, раз за разом возвращаясь к телам, висевшим на стене в дальнем углу. В тумане они казались совершенно человеческими, но теперь, в свете дня, было ясно видно, что это всего лишь соломенные чучела. Зачем подвешивать соломенные чучела к потолочным балкам? Это так и осталось загадкой, но в данный момент заботило Ника в последнюю очередь.

Повсюду царил жуткий беспорядок: ряд клеток под покрывалами вдоль стены, груды скомканной одежды внутри и поверх старых бочек, обертки от шоколадных батончиков и жвачки, смятые сигаретные пачки и окурки среди соломы и пожухших листьев на полу, пятна старой, почерневшей жвачки, втоптанной в камень. В порядке содержалось только одно – оружие, блестящее от смазки, развешанное аккуратными рядами вместе с различными кожаными доспехами, шлемами и щитами.

Внимание Ника привлек запах готовящейся еды – аромат орехов и корицы. Как ни удивительно, в желудке заурчало. Как организм может вспоминать о еде после всего случившегося? Этого Ник не понимал. Ребята принялись наполнять миски какой-то густой массой. Что

это за... баланда? Правда, Ник точно не знал, что такое баланда и какова она на вид, но мог бы поспорить, что выглядит она именно так.

Ребята один за другим усадились на скамьи вдоль длинного деревянного стола и принялись за еду. Ник никак не мог поверить собственным глазам: обросшие дикари шумно втягивали в себя похлебку, чавкали, орали и хохотали, набивая полные рты; некоторые, отбросив в сторону большие деревянные ложки, ели руками. Все это время крохотные синие человечки вились в воздухе над их головами, охотясь за случайно оброненной ягодой или орехом.

В животе снова заурчало. Нику, конечно, хотелось бы получить миску того же, что ели они – чем бы это ни оказалось, но после того, как с ним здесь обошлись, просить у них еду было невозможно.

Вдруг из-за стола поднялась девчонка и направилась прямо к нему. Судя по широким скулам и четко очерченной линии подбородка, она принадлежала к коренным американцам – индейцам. Тело ее было гибким и жилистым. Лет ей на первый взгляд было столько же, сколько и самому Нику, но стоило ей подойти ближе – и он тут же отметил жесткость черт ее лица. А уж взгляд... Этот взгляд никак не мог принадлежать ребенку, и угадать ее возраст стало труднее. Ее грязная бронзовая кожа была сплошь покрыта шрамами – несомненно, ей довелось хлебнуть лиха сполна. Длинные черные волосы были заплетены в две толстые, ниспадавшие вдоль спины косы. С широкой, расшитой бисером кожаной повязки на голове свисали вниз два черных птичьих крыла; кончики перьев величественно ниспадали на плечи девочки. В руках она держала миску и деревянную ложку.

Остановившись перед Ником, девчонка воззрилась на него сверху вниз. Казалось, взгляд ее огромных глаз, таких же золотистых, как и у Питера, проникает в самую душу. Ник опустил глаза и уставился в пол.

– Я принесла тебе еду, – сказала девчонка, протягивая ему миску.

Дразнящий аромат орехов щекотал ноздри, но Ник сделал вид, будто ничего не видит и не слышит.

– Не будь ребенком. Ешь, – сказала она.

Слова, отделенные одно от другого заметными паузами, звучали неестественно – английский явно не был для нее родным.

Ник молчал.

Пару секунд подождя, девчонка отвернулась, чтобы уйти.

– Подожди, – выдавил Ник.

Она оглянулась. Взгляд ее остался непреклонно-жестким.

Ник протянул руку за миской.

Но девчонка, не двигаясь, продолжала смотреть на него сверху вниз.

– Пожалуйста, – процедил Ник сквозь стиснутые зубы.

Девчонка отдала ему миску.

Ник помешал «баланду» ложкой. Выглядела она как комковатая овсянка. Подцепив комочек на кончик ложки, он осторожно попробовал еду. За сладостью угадывалась легкая горечь, но вкус оказался очень даже ничего.

Осторожно, чтобы не потревожить вспухшую губу, Ник принялся есть. Горячая каша пошла замечательно, все тело разом согрелось.

Девчонка села напротив, скрестив ноги.

– Тебя зовут Ник?

Ник кивнул.

– Мое имя – Секеу, – последовала долгая пауза. – Тебе стоит знать: ты хорошо держался перед красным дьяволом. Обычно ребята пугаются так, что и не думают сопротивляться. Я уверена: твое сердце – сердце воина. Только нужна сноровка. Сегодня начнем учиться.

Ник прекратил жевать.

– Учиться?

– Чтобы стать воином. Одним из клана. Дьяволом.

– Что?!

– Ты должен выучиться драться. Защищать себя и свой клан.

Это звучало так обыденно и просто, что Нику подумалось, будто она сошла с ума.

– Какой еще клан? Вот эту шайку придурков? – Ник ткнул пальцем в сторону остальных ребят. – Думаешь, мне очень хочется присоединиться к этому клубу малолетних уродов?

Тем временем ребята поснимали со стен мечи и копья, одни взялись отрабатывать базовые движения – прыжки, выпады, стойки и тому подобное, другие, разбившись на пары, затеяли учебные поединки. Ник против собственной воли дивился скорости и ловкости, с которыми они гоняли друг друга по залу взад-вперед.

«Как им удастся так двигаться?»

– Питер привел тебя сюда, чтобы дать тебе шанс, – строго продолжала Секеу. – Шанс стать одним из клана, одним из Дивных. Понимаешь ли ты, что это значит? Шанс вечно оставаться юным, тысяча лет вольной жизни!

Ник смотрел на Секеу, не веря своим ушам.

– О чем ты? И где этот Питер? Куда этого ублюдка черти унесли?

Глаза Секеу сузились.

– Выбирай слова разумнее, Ник. Многие здесь убьют тебя, услышав, как ты назвал Питера.

Судя по выражению ее лица, девчонка тоже была одной из таких. Ник сокрушенно вздохнул.

– Питер ушел на поиски новых ребят для клана, – продолжала она.

– Что? – Ник едва сумел подобрать нужные слова. – То есть снова пошел красть детей?

Взгляд Секеу сделался острым, как бритва.

– Поговори с ними, – сказала она, широким жестом обводя зал, полный ребят. – Спроси, что у них в прошлом. Питер ищет пропащих, брошенных, обиженных. Разве не поэтому ты сам здесь? Разве Питер не спас тебя?

– Питер обманом заманил меня сюда.

– Что было бы прошлой ночью, не появись Питер? Куда ты пошел бы, что ел бы, где спал? – Секеу вновь указала на остальных. – Если их слова правдивы, как долго ты протянул бы, прежде чем начал бы торговать наркотиками – или, как они выражаются, прежде чем попал бы в «мальчики» к какому-нибудь сутенеру? Может, ты мог бы вернуться домой? Не хочешь ли вернуться домой сейчас?

«Домой», – подумал Ник. Домой он вернуться не мог. Никогда. Но это не значило, что ему хочется оказаться в плену на каком-то острове, полном чудовищ!

– Но где мы сейчас? Что это за место?

– Мы – на острове Авалон, в землях ши, в царстве королевы Модрон, Владычицы Озер. В пристанище последних волшебных существ на земле, – Секеу, не отрываясь, смотрела Нику в глаза, в ее голосе звенела страсть. – Мы – в Лесу Дьяволов, во владениях Рода Дьяволов, детей волка. Мы – пропащие ребята, вольные и дикие. Мы...

Осознав, что ясности не добьется, Ник закатил глаза.

– Окей, окей, – перебил он ее. – Послушай, вам не заставить меня играть в эти идиотские игры. Понимаешь? Я не хочу в этом участвовать. Не хочу!

Секеу холодно, резко рассмеялась.

– Дурак. Никто и не подумает тебя заставлять. Ты еще не понял. Это не достается даром. Это нужно заслужить. Питер привел тебя сюда, рискуя собственной жизнью. Что делать дальше, решай сам. Хочешь уйти – иди.

– Так я не пленник? Могу просто взять и уйти?

– Если действительно хочешь этого.

Ник со смехом покачал головой.

– Шутишь? Да мне только этого и хочется!

Секеу нахмурилась.

– В этом проблема всех беглых. Все вы думаете, будто от любых бед можно просто бежать.

– Я ни от кого не сбегал, – огрызнулся Ник.

Секеу, в свою очередь, с сомнением покачала головой.

– Ну ладно, сбегал. Но все не так, как ты думаешь. Что ты вообще можешь знать обо мне?

Судя по ее взгляду, Секеу знала о Нике все, будто повидала бесчисленное множество таких, как он.

– Заставить человека стать Дьяволом, одним из детей Дивных, невозможно. Стать одним из нас очень трудно, даже если хочешь этого всем сердцем. Ты должен принять вызов по собственной доброй воле, иначе дух леса ни за что не примет тебя.

– Ага, okay. Как угодно. Лучше просто скажи, как мне убраться отсюда, да поскорей?

Смерив Ника долгим жестким взглядом, Секеу указала на большую круглую дверь в дальнем конце зала.

Ник поставил миску на пол и встал. Вытерев пальцы о штаны, он откинул челку с лица и направился к круглой двери. Видя это, ребята, один за другим, побросали свои занятия и устремили взгляды ему вслед.

Рядом, в ногу с Ником, пристроился чернокожий мальчишка. Он был на несколько дюймов ниже ростом, а еще у него не хватало левой кисти – рука была отрублена чуть выше запястья. С виду он казался младше остальных – может, лет десяти, трудно было сказать наверняка. Честное, открытое лицо, добродушный взгляд, волосы, собранные сзади в две косы, украшены длинными синими лентами...

– Уже уходишь? – спросил он с тягучим южным акцентом.

Ник не замедлил шага.

– На!

Мальчишка сунул Нику в руки свое копье, но Ник оттолкнул оружие.

– Слышь, парень, отпускать тебя вообще без оружия – это ж чистое убийство. Послушай-ка меня. Столкнешься с этими самыми баргестами – страха не показывай, ни-ни. Понял? Почуют, что боишься, – тут же бросятся, точно говорю.

Дойдя до двери, Ник остановился.

– Ты меня слушай, – продолжал мальчишка, – я с тобой шуток не шучу. Эта штука тебе пригодится.

Он снова сунул Нику копье.

Приняв оружие, Ник взглянул на него в полном оцепенении.

– О, вот так-то лучше. А если тебя выследят Пожиратели плоти, бросай копье и беги со всех ног. Иначе... – мальчишка захохотал. – Иначе они тебе это копье в задницу засунут!

Ник коснулся дверного засова, но не спешил отодвинуть его.

– Давай-ка я помогу, – сказал кто-то сзади.

Этот голос звучал глубже и ниже голоса однорукого мальчишки. Обернувшись, Ник наткнулся на суровый взгляд высокого Дьявола.

– Меня зовут Красная Кость. Жаль, что нам не представилось шанса познакомиться поближе.

Холодно улыбнувшись, он сдвинул засов и потянул толстую круглую створку внутрь. Дверь отворилась под протяжный скрип деревянных петель.

Ник тут же заметил царапины с наружной стороны двери – глубокие длинные борозды с неровными занозистыми краями, тянувшиеся сверху вниз.

– Не обращай внимания, – пояснил Красная Кость. – Баргесты любят тут когти точить, только и всего.

Снаружи стелился туман. Пахло сыростью. Ник едва смог различить несколько трухлявых пней и деревьев – весь лес был укрыт густой серой пеленой. Откуда-то издали донесся вой. Ник тут же узнал его – казалось, этого звука ему не забыть никогда в жизни. Так были прозрачные горбатые твари с оранжево-огненными глазами прошлой ночью, когда Питер вывел его из Тумана.

Ник обнаружил, что не в силах сделать ни шагу.

Красная Кость легонько подтолкнул его в спину и начал закрывать за ним дверь.

– Подожди! – крикнул Ник, поспешно придержав дверь ладонью.

Повернувшись назад, он увидел, что все глазают на него.

– Да? – откликнулся Красная Кость, усмехнувшись уголком рта.

У Ника задрожали губы. Он хотел было что-то сказать, но онемел от ужаса, а еще слишком боялся разреветься.

Некоторое время Красная Кость молча смотрел на него.

– Может, хочешь остаться, найти новых друзей? – наконец сказал он. – Если друзья прикрывают спину – глядишь, удастся прожить подольше.

Глава восьмая

Натан

Похититель детей наблюдал, как уличные фонари один за другим пробуждаются к жизни. Стемнело рано, мелкая морось непрерывно сыпалась с неба. Густые тени высоких жилых домов сдвинулись, слились в одну, вокруг больше не было ни души. Но Питер отказывался признать, что и этот день пропал даром: пока Капитан рыщет по Авалону, он не мог позволить себе потерять еще один день. Он миновал один ряд домов, за ним – другой, третий...

Вдруг он заметил две фигурки. Избегая света фонарей, они шмыгали из тени в тень. Даже отсюда, с другой стороны двора, Питер разглядел – можно сказать, учуял – беглецов. Лицо его расплылось в широкой улыбке. Игра началась.

Похититель детей проследовал за ними до подъезда большого дома и скользнул под лестницу. В подъезде воняло мочой и блевотиной, плесенью и гнилыми отбросами. Стараясь не дышать носом, Питер прижался к стене и укрылся в тени. Мальчишки тревожно зашептались.

Теперь, в тусклом свете, Питер смог разглядеть, что это братья; старшему – лет пятнадцать-шестнадцать, младшему – не больше двенадцати. На лбу старшего красовалась ссадина, левый глаз заплыл, джинсы на коленях были разорваны и измазаны кровью. Ясно, кто-то избил...

– Что делать будем? – спрашивал младший.

– Просто расскажем все, как есть.

– Ни за что!

– Натан, а что мы еще можем?

– Думаешь, он поверит? – голос Натана зазвучал громче, а с громкостью усилилась и тревога в нем. – Это ж была его дурь. А виноваты окажемся мы. А вдруг он вообще решит, что мы ее стырили?

«Все та же история, – подумал Питер. – Наркотики...» В эти времена причиной неизменно были наркотики. Но Питер многое повидал на своем веку и прекрасно знал: род люд-

ской не нуждается в поводах для жестокости и убийства. Не будь наркотиков – непременно нашлось бы что-то еще.

– Ш-ш-ш! – старший украдкой взглянул наверх и обнял младшего за плечи. – Спокуха. У старшего все схвачено. Я с Генри в близких. Он работает с нами. Если он, черт возьми, хочет получить с этих козлов свои деньги, придется ему за нас вписаться. Скажешь, не так?

Старший из мальчишек старался держаться нагло, уверенно, будто у него и вправду все схвачено, но Питер ясно видел: он напуган не меньше, чем младший брат, если не больше.

– Можно просто уйти, – сказал Натан. – Сlinyть отсюда. Может, в другой город перебраться.

– Ты что, не понимаешь? У нас ничего нет, чувак. Ни единого, мать его, доллара, – голос старшего задрожал. – Или ты знаешь кого-то, кто согласится принять нас, с Генри на хвосте? Или хочешь обратно, домой, к нашему старику?

Младший отчаянно замотал головой.

– Нет, я туда ни за что не вернусь. Никогда.

– Слушай. Я нас обоих в это втравил, я все и исправлю. Жди здесь, а я...

Натан вцепился в руку старшего брата:

– Нет, Тони! Не бросай меня! – голос его сорвался, на глаза навернулись слезы. – Пожалуйста, не ходи туда! Пожалуйста, Тони! Пожалуйста, не ходи!

– Кончай ныть, – сурово сказал Тони. – Будешь вести себя, как сосунок, брошу тебя навсегда. Ты этого хочешь?

На лице младшего из мальчишек отразился ужас.

– Нет! – сказал он, утирая глаза рукавом. – Прости. Все будет кульно. Обещаю.

– Я знаю, все будет кульно, ты же у нас Кулио. Кулио Мордалес.

Он взъерошил младшему брату волосы, и лицо Натана озарилось улыбкой.

– Просто подожди здесь, – сказал старший. – Не убьет же он меня за то, что я разок облажался. Через минуту вернусь, и все будет хорошо, – он поднял сжатый кулак. – Ну, давай!

Натан ткнул костяшками в кулак брата.

– Спокуха, Кулио!

Старший из мальчишек двинулся наверх.

Питер вслушивался в шорох дождя, в стук капель по дождевой трубе, а Натан расхаживал по лестничной клетке взад-вперед.

Казалось, тишина тянется бесконечно. Вдруг сверху раздался крик, разнесшийся по подъезду гулким эхом.

Натан кинулся к лестнице.

– Не надо тебе туда, – сказал Питер, выступая из мрака.

Мальчишка отпрянул назад.

– Ты кто?

– Друг.

Натан сощурился, приглядываясь к Питеру, и тут сверху раздался новый крик, а за ним – несколько злых голосов.

Забыв о Питере, мальчишка рванулся наверх, но не успел одолеть и одного пролета, как крик раздался вновь, снаружи, со двора – долгий, леденящий кровь визг, завершившийся тошнотворным глухим ударом. Натан замер.

Питер поморщился. Он понимал, что это значит. И Натан, судя по выражению лица, понял это не хуже Питера.

– Тони?

Одним махом перепрыгнув лестничный пролет, мальчишка выскочил наружу. Питер не торопясь последовал за ним.

Старший из братьев навзничь распростерся на тротуаре, неловко подвернув под себя ногу. Веки расширившихся от ужаса глаз моргнули, губы зашевелились, но он не сказал ни слова. Голова мальчика бессильно склонилась набок, и Питер увидел вмятину на его затылке и слипшиеся от крови волосы.

– Тони!!! – отчаянно вскрикнул Натан, бросившись к брату.

Питер поднял глаза и окинул взглядом фасад. На балконе шестого этажа, глядя вниз, стоял мужчина в компании четверых подростков. Мужчина что-то сказал, указав на Натана, и подростки бросились к лестнице.

– Нам надо уходить, – сказал Питер.

Но мальчик будто не слышал его.

– Тони! Тони, чувак! Ох, блин, нет! Тони!

Несколько человек высунулись из балконных дверей, взглянули на мужчину на балконе шестого этажа и поспешили скрыться.

С лестницы донесся drobный стук шагов. Пара секунд – и они будут здесь. Питер тронул мальчишку за плечо.

– Эй, они бегут сюда. Пора уходить.

Натан поднял взгляд на Питера. Губы его тряслись.

– Они убили его! – из его горла вырвался всхлип. – Брата убили!

– А теперь бегут за тобой. Сваливать пора.

Натан взглянул вверх, увидел мужчину на балконе, услышал крики подростков на лестнице, и ужас в его взгляде прямо на глазах Питера сменился ненавистью. Сунув руку в карман куртки брата, мальчишка выхватил нож, с громким щелчком раскрыл его и поднялся на ноги.

– Хочешь убить их? – спросил Питер.

Мальчишка не ответил. В этом не было надобности. Его взгляд говорил яснее всяких слов.

Питер ухмыльнулся во весь рот.

– Хорошо. Давай убьем.

Скользнув под козырек подъезда, Питер спрятался за распахнутой дверью, выхватил из-за пазухи длинный нож и прижался спиной к стене.

Все четверо выбежали во двор, увидели Натана и остановились. При виде крохотного ножа в его дрожащей руке подростки переглянулись и расхохотались один за другим.

Один из них, невысокий крепыш с длинными баками, шагнул вперед.

– Ты уже мертв, лошара. Просто по глупости еще не понял этого, – вынув из-под куртки пистолет, он направил его на Натана и качнул стволом. – Типа крутой? Ну, чего ждешь? Давай, покажи свою кру...

За спинами подростков мелькнула тень, сверкнула сталь, и пистолет невысокого крепыша вместе с отрубленной кистью откатился в траву.

Подростки замерли, вытаращив глаза, а уж глаза крепыша при виде крови, хлещущей из обрубка запястья, едва не вылезли вон из глазниц. Отставив культю как можно дальше, точно испугавшись, что она вот-вот укусит его, раненый тоненько завизжал.

Рука мальчишки, стоявшего рядом с ним, скользнула за пазуху, но Питер не дал ему времени вынуть оружие. Он знал: если дело дошло до стрельбы, всем играм конец – тут уж не мешкай, держись на шаг впереди. В мгновение ока Питер вонзил нож в шею мальчишки и рывком высвободил клинок.

Захлебнувшись кровью, мальчишка упал на колени и зажал рану ладонями. Глаза Питера засияли, и он захохотал, как обезумевший демон. Услышав этот хохот, двое уцелевших подростков бросились прочь, не разбирая дороги.

– Уходим!!! – крикнул Питер, стараясь перекрыть визг крепыша с отрубленной кистью. – Правда, надо бежать!

Но Натан замер, глядя на него так, будто не знал, что и думать – благодарить или испугаться.

Над головой загремели выстрелы, у самых ног Питера взметнулись вверх фонтанчики пыли. Стрелял мужчина с балкона на шестом этаже. Это заставило Натана шевелиться; оба нырнули под козырек над дверью в подъезд. Заметив в траве пистолет, оброненный крепышом с баками, Натан подхватил оружие.

Со стороны дома напротив, оттуда, куда умчались двое уцелевших, слышались крики. К подъезду бежали еще несколько мальчишек.

– Я знаю, где можно скрыться, – сказал Питер, срываясь с места.

Натан последовал за ним.

Глава девятая

Первая кровь

Секеу отвела Ника к длинному общему столу, заляпанному кашей, заваленному грязными ложками и мисками. Над всем этим беспорядком вились, шипели, отпихивали друг друга, подбирая крошки, синекотье пикси. Двое мальчишек и девочка, безуспешно отгоняя от стола назойливых тварей, собирали миски в стопки и относили их к бочонку с шапкой мыльной пены по краям.

– Твоя учеба начнется здесь, – сказала Секеу, дважды хлопнув в ладоши.

Ребята остановились и взглянули на Ника. На коже этих троих не было ни боевой раскраски, ни шрамов, ни татуировок. Их лица не отличались жесткостью черт, мускулы – гибкостью и силой, а глаза не были золотистыми. С виду – школьники как школьники...

– Ник, это Сверчок.

Девчонка с коротко стриженными волосами песочного цвета подбоченилась и дерзко качнула бедрами. На ней были рваные камуфляжные штаны, подвернутые до щиколоток, пара поношенных оранжевых хайтопов и лиловая безрукавка. Проплешина у виска – возможно, шрам – придавала ей запущенный, какой-то чесоточный вид. Изогнув бровь, она улыбнулась Нику.

– А это Дэнни.

Секеу указала на толстячка в очках в темной оправе, балансировавшего высокой стопкой мисок. Очки его держались на эластичной ленте – они были единственным в его облике, что можно было назвать спортивным, при этом толстячок показался Нику жутким ботаном и занудой. В волосах Дэнни засыхали комочки каши, кашей была вымазана и грудь его белой футболки. Кроме футболки на нем имелись коричневые вельветовые штаны, подтянутые вверх заметно выше пояса, да пара башмаков. Пикси, приземлившись ему на макушку, ухватил комочек каши, застрявший в волосах, и потянул к себе.

– А-а, чтоб тебя!.. – завопил Дэнни, замотав головой.

Пикси удержался на месте, зато стопка посуды в руках Дэнни накренилась, и миски с грохотом покатились по столу и по полу.

– Да чтоб тебя! – снова завопил Дэнни, взмахнув рукой.

Увернувшись от его ладони, пикси упорхнул с добычей.

Секеу покачала головой.

– Сверчок и Дэнни, как и ты, еще не проявили себя. Они – Свежая Кровь. Пройдешь испытание, покажешь, чего ты стоишь, – станешь одним из клана и займешь место в рядах Рода Дьяволов.

Ник закатил глаза.

– А это – Лерой.

Лерой оказался самым массивным из троих – не толстяком, как Дэнни, но крепким, широким в кости парнем. Его коротко стриженные темные волосы прилипли к черепу, будто войлок. Одет он был в майку без рукавов и такие же кожаные штаны, как у Дьяволов, но других, более экзотических дикарских украшений на нем не было.

– Лерой с нами уже довольно давно, но все еще не проявил себя, – продолжала Секеу, бросив на Лероя невеселый взгляд. – Все мы надеемся, что в скором времени Лерой сможет пройти испытание.

Лерой покраснел и сжал губы.

– Лерой присмотрит за тобой. Поможет обжиться.

Лерой взглянул на Ника с откровенной враждебностью.

Не сказав больше ни слова, Секеу отошла.

– Давай, займись, – сказал Лерой, швырнув Нику тряпку. Тряпка шлепнулась на стол, обрызгав рубашку Ника ошметками каши. – Да, и имей в виду, – добавил Лерой, – я тебе не нянька. На свои проблемы жаловаться ко мне не приходи. Понял?

Ник глубоко вздохнул, взял тряпку и принялся возить ею по столу. Под шипенье и стрекот крылышек пикси над головой он дошел до конца стола, смахнул крошки на пол и направился к бочке с мыльной водой, возле которой девчонка, Сверчок, вытирала миски. Повесив тряпку на край бочки, он двинулся прочь.

– Эй! – окликнул его Лерой от дальнего конца стола. – Какого хрена? Ты ж не закончил. Смотри, сколько грязи оставил.

– Сойдет.

– Нет, не сойдет. Хочешь, чтобы эти пакостные пикси нам здесь все загадили? Бери тряпку и вытирай. Как следует.

Ник поднял на него яростный взгляд.

– Брось это дело, – негромко сказала Сверчок. – Поверь, не стоит его злить.

Ник снова взял тряпку, вернулся к столу и начал протирать его заново. Сзади подошел Лерой.

– Ты что, недоразвитый? Кто так трет? Неужели так трудно протереть этот дурацкий стол? – выхватив у Ника тряпку, он с силой провел ею по столешнице. – Вот так, видишь? Давай, три как следует.

Лерой с силой швырнул мокрую тряпку в грудь Ника. Ник шмякнул тряпкой о стол и отвернулся, но, не успев сделать и трех шагов, почувствовал руку, вцепившуюся в его ворот. В следующую секунду его рывком развернули и толкнули к столу. Схватив Ника за волосы, Лерой пригнул его книзу и прижал щекой к тряпке, оставленной на столе. Ник извернулся, пытаясь освободиться, но Лерой больно заломил его руку за спину. Ник вскрикнул.

Склонившись, Лерой взглянул ему в глаза. Ник смог разглядеть, как бьется жилка у его виска. Пальцы Лероя так сдавили запястье, что Ник не на шутку испугался – вдруг кости треснут?

– Хватит! – умоляюще заскулил Ник.

– Слушай сюда, дрянь мелкая. Сказано: делай, – значит, делай. Понял?

– Да, – ответил Ник.

Лерой вывернул его руку еще сильнее.

– Понял?

– Да! – крикнул Ник.

– Что?

– Да! Да!!!

Лерой отпустил руку Ника.

– А теперь протирай как следует, дятел.

– Вон там можно умыться, – сказала Сверчок, указывая на дверь, украшенную выжженным на досках полумесяцем. – Это уборная.

Ник выжал тряпку, повесил ее на край бочки и отправился туда. Войдя в уборную, он захлопнул за собой дверь и прислонился к ней спиной. Крепко зажмурившись, он сделал несколько глубоких прерывистых вдохов, чтобы сдержать слезы, и стиснул кулаки.

– Ублюдки, – прошептал он. – Ублюдки, мать вашу...

Что-то зашуршало, защелкало.

Ник открыл глаза и быстро оглядел маленькую, полутемную комнату. На стене висело овальное зеркало, покрытое паутиной трещин, из-за которой в нем отражалось не одно лицо Ника, а целая дюжина. Сквозь высокое, не больше полуфута в ширину, окно внутрь падал тоненький лучик света. Света как раз хватало, чтобы разглядеть старинную медную водяную колонку в углу и круглую деревянную крышку в полу под ее краном. Догадавшись, что это и есть туалет, Ник тут же почувствовал, что ему нужно облегчиться.

К крышке была привязана веревка, пропущенная через блок наверху. Потянув за веревку, Ник поднял крышку, и в носшибанула струя густой вони. Посреди процесса облегчения он снова услышал щелканье. Звук доносился из дыры. Внизу что-то шевельнулось. Из щели в каменной кладке выбралось какое-то существо – размером с крысу, мохнатое, черное, с множеством тонких паучьих лап. Склонив голову набок, оно взглянуло на Ника шестью блестящими, бездушными, точно бусины, глазами и скрылось из виду. Заглянув в яму, Ник увидел сотни мерцающих глаз, устремленных на него из темноты. Пинком захлопнув крышку, он заметил на полу, в углу напротив, кучки какой-то белой массы, похожей на птичий помет, и поднял взгляд. Сверху, из соломенного гнезда на потолочной балке, на него смотрели два синехожих человечка. Встретившись с ним взглядами, они застрекотали крыльями и зашипели.

– Что же это, блин, за место? – пробормотал Ник себе под нос, застегивая штаны. – Что это все за дьяволыщина?

Он взглянул в зеркало. Оттуда на него уставилась дюжина покрасневших от злости лиц. Вид у него оказался – хоть сейчас в лагерь беженцев: каша и грязь в волосах, распухшая губа, потеки запекшейся крови на лице...

– Во что же я влип?

Внезапно ему больше всего на свете захотелось увидеть мать. На глазах выступили слезы, отражения в зеркале расплылись, затуманились.

– Нет. К чертям ее, – сказал он.

«Это все она. Все из-за нее. Видеть ее не желаю».

Утерев слезы, он шагнул к колонке, несколько раз качнул рычаг и ополоснул лицо. Вода оказалась освежающе прохладной. Отмыв от грязи, каши и крови волосы, лицо и руки, он снова посмотрел в зеркало.

«Ладно, сыграю в их игру, – подумал он. – Но при первой же возможности – немедленно сваливаю».

На выходе из уборной Ника перехватила Секеу.

– Идем.

Ник последовал за ней через зал, огибая группы упражнявшихся с оружием Дьяволов. Зал гудел от громких криков и сухого резкого стука дерева о дерево. Ник вновь невольно изумился скорости и ловкости этих ребят. Как же они научились так двигаться? Может, и он научится?

Секеу отвела его в дальний конец зала, где с потолка на веревках свисали соломенные чучела – те самые, которых Ник поначалу принял за настоящих детей. Теперь, вблизи, их назначение сделалось яснее ясного – на них отрабатывали удары. Земля вокруг чучел была посыпана песком. Здесь тренировались, атакуя соломенных болванов короткими посохами, Лерой, Сверчок и Дэнни.

Дэнни остановился, жадно хватая ртом воздух. Щеки его побагровели, одежда взмокла от пота.

– Эй, – прохрипел он, утирая лоб, – передохнуть не пора?

– Дэнни, – ответила Секеу, – ты же только начал.

Дэнни поник головой и протяжно застонал.

Не обращая на это внимания, Секеу подошла к стене, сдернула с вешалки посох, с невероятной скоростью закрутила им вокруг пояса, резко остановила оружие и протянула Нику.

– Держи.

Ник взял посох.

– Идем.

Ник последовал за Секеу к одному из соломенных болванов.

– Сегодня научишься наносить удар.

Ник отметил, что вся остальная Свежая Кровь наблюдает за ним. Не укрылась от него и злорадная усмешка на губах Лероя.

Секеу толкнула чучело и кивнула Нику.

Ник поднял посох и изготовился к удару. Чучело качнулось вперед, Ник ударил его изо всех сил, но соломенный болван застиг его на середине взмаха и выбил посох из рук. Не удержавшись на ногах, Ник с маху сел на пол.

Лерой заржал.

Щеки Ника побагровели. Он даже не пытался подняться.

Секеу терпеливо ждала.

Ник покачал головой:

– Может, бросим все это?

Секеу склонилась к нему:

– Ты так и останешься мишенью для издевательств, пока не заставишь себя уважать.

С этими словами она указала взглядом на Лероя.

Ник вздохнул, подобрал посох и, опершись на него, поднялся.

– Готов? – спросила Секеу.

Ник поднял посох. Снова Секеу толкнула чучело, и снова чучело сбило Ника с ног.

Ник поднялся на ноги.

– Послушай, – заговорил он, покачав головой. – Я правда не приспособлен к таким делам. Ну, это просто не мое.

Секеу пристально взглянула ему в глаза. Ее взгляд вдруг показался Нику невероятно древним, абсолютно не детским.

– Ник, сегодня ты дрался с дьявольским зверем. Я видела храбрость в твоём сердце. Дух воина.

Ник едва не расхохотался над этой глупостью, но Секеу говорила совершенно серьезно. И тон ее, и взгляд не оставляли сомнений: она вправду верила в него. Ник и припомнить не мог, чтобы хоть кто-нибудь хоть раз в жизни смотрел на него так.

– Окей, – вздохнул Ник, поднимая посох.

И соломенный болван в третий раз сбил его с ног.

– Проклятье! – от досады Ник треснул кулаком по песку. – Он слишком большой и тяжелый.

– Размер не имеет значения.

Ник поднялся. Секеу забрала у него посох.

– Для начала, нужно принять вот такую стойку, – Секеу показала взглядом на ноги. – Одна нога впереди, носок передней ноги – вперед, носок задней – вбок. Вес – на задней ноге. Это позволит и сохранить маневренность, и вложить в удар весь свой вес. Как можно сильнее толкаешься задней ногой и, нанося удар, переносишь вес на переднюю, – Секеу притопнула передней ногой, подчеркивая сказанное. – Теперь хват. Одной рукой держи посох за конец – вот так. Второй – за середину. При ударе верхняя рука скользит вдоль посоха к нижней. Это добавляет удару силы.

Секеу тут же продемонстрировала это, хлестнув посохом по воздуху. Действительно, удар оказался так силен, что посох завибрировал.

– Самое главное: не сосредоточивайся на том, чтобы попасть в цель. Направляй удар сквозь нее. Если сосредоточишься на самой цели, вся сила будет потеряна при контакте. А если целиться в точку за целью, удар выйдет мощнее. Вот и все. Еще, конечно, важны координация движений и чувство темпа, но это приходит с опытом.

Секеу толкнула болвана, приняла стойку, качнулась всем телом взад-вперед, глядя, как болван летит к ней. В последний момент ее тело взорвалось, будто отпущенная пружина. Посох врезался в чучело, эхо страшного удара разнеслось по всему залу. Веревка провисла; болван, едва не сложившись вдвое, отлетел назад и вверх. Ключья соломы полетели во все стороны, чучело задрожало на веревке, вновь натянувшейся под его весом.

– Ух ты! – выдохнул Ник.

– Ты тоже так сможешь, Ник. Но нужно тренироваться.

Нет, так же Ник не смог. Не смог изобразить даже чего-то хоть отдаленно похожего. Но, прозанимавшись под присмотром Секеу около часа, он научился останавливать болвана, не падая с ног, и почти каждый раз попадать в цель. Первые шаги были невелики, но каждый новый удар получался все лучше и лучше.

Секеу переходила от одного из ребят к другому, подбадривая, объясняя тонкости, указывая на ошибки. Через какое-то время она ушла, предоставив их самим себе, и Ник ушел в тренировку с головой. Он больше не замечал ни течения времени, ни радости от новых достижений. Он начисто забыл и о кроссовках в Тумане, и о синекожих пикси, и о Лерое, и даже о золотоглазом мальчишке по имени Питер.

Вернувшись, Секеу подозвала всех четверых к себе. Под взглядами Ника, Сверчка и Дэнни она толкнула соломенного болвана к Лерою.

Под мощным ударом Лероя болван отлетел назад.

– Хорошо, – сказала Секеу.

– А то! – ухмыльнулся в ответ Лерой.

– Еще раз.

Лерой принял стойку и поднял посох, явно обрадовавшись возможности порисоваться перед Свежей Кровью.

Секеу снова толкнула чучело к нему, но на этот раз болван бешено закрутился в воздухе, раскачиваясь из стороны в сторону.

Лерой попятился, замешкался, и соломенное чучело сбило его с ног.

Лерой вскочил.

– Эй, ты чего?!

– Нужно быть готовым к неожиданностям, – невозмутимо ответила Секеу. – Дэнни, отчего он упал?

– Оттого, что болван в него врезался? – широко улыбнувшись, предположил Дэнни.

Сверчок фыркнула от смеха.

Секеу сдвинула брови.

– Ник, отчего он упал?

Ник хотел было ответить, что не знает, но тут же сообразил, что именно это Секеу объясняла в самом начале.

– Оттого, что сместил центр тяжести и не удержал равновесия, – ответил он.

– Очень хорошо, Ник, – кивнула Секеу.

Лерой бросил на Ника угрожающий взгляд.

– Лерой, это повторяется далеко не в первый раз. У тебя много сил, но только на силу полагаться нельзя. Если не отрабатывать приемы, которые я показываю, ты никогда не пройдешь испытания.

Лерой крепко сжал губы. Ник снова увидел, как пульсирует жилка на его лбу, у виска.

«Дзинь! Дзинь! Дзинь!» По залу разнесся звон бронзовой ложки о дно кастрюли. От аромата жареного лука в животе у Ника громко заурчало. Только сейчас он понял, как жутко проголодался.

Дьяволы побросали оружие и гурьбой кинулись вперед. Толкаясь и пихаясь, они разобрали миски и заняли места в очереди к огромному железному котлу. Красная Кость и еще трое Дьяволов, распорядившись раздачей еды, принялись щедро разливать по мискам какую-то похлебку.

Дэнни, лежавший на спине, будто жертва сердечного приступа, разом вскочил и, пожалуй, впервые за целый день оживился.

– Ужин! Мой любимый вид спорта!

Ник прислонил свой посох к стойке и двинулся к очереди.

– Даже не думай, – сказал Лерой ему вслед.

Ник с недоумением оглянулся на него.

– У тебя еще дела.

Лерой указал на центр зала, куда Дьяволы побросали снаряжение – мечи, посохи, копья, всевозможные щиты и шлемы, спеша занять очередь за едой.

– Оружие расставь по стойкам и развесь по вешалкам на стенах – вон там. Доспехи убери вон туда. И чтоб я не видел тебя за столом, пока не сделаешь все как надо.

Сверчок подняла пару посохов и понесла к стойкам.

– Не-не, – сказал Лерой, отрицательно покачав головой.

Сверчок подняла на него озадаченный взгляд.

– Сегодня Ник все убирает сам.

– Так нечестно, – возразила Сверчок. – Он же...

– Заткнись, – оборвал ее Лерой.

Сверчок хотела было сказать что-то еще, но закусил губу, прислонила посохи к стене и пошла к столу.

– Хочешь – можешь стоять тут хоть всю ночь, – сказал Лерой Нику, – но еды не получишь, пока все не уберешь.

Выждав минуту, пока Сверчок и Дэнни не удалились настолько, что не смогли бы его услышать, он продолжал:

– И еще одно, сосунок. Еще раз выставишь меня на смех – заплатишь за это по полной. По полной, – он ткнул Ника в грудь. – Понял, придурок?

К тому времени, как Ник покончил с уборкой оружия, большинство Дьяволов уже покончили с ужином. Ник так устал, что есть почти расхотелось, но урчание в животе пересилило усталость.

Подойдя к котлу, он отогнал двух пикси и поднял крышку. От густой похлебки осталось лишь несколько засохших комков. Ник соскреб со стенок котла все, что мог, но этого едва хватило, чтобы наполнить миску до половины.

Лерой сидел в одиночестве в дальнем конце стола. Сверчок и Дэнни устроились в середине, между двумя Дьяволами. Взглянув на Ника, Сверчок улыбнулась. Ник поставил миску на стол как можно дальше от всех и тяжело опустил на скамью.

Он и припомнить не мог, чтобы хоть раз в жизни настолько выбивался из сил, однако усталость отчего-то казалась приятной. Как ни противно было это признавать, Ник был очень доволен тренировкой. Он никогда не отличался успехами в спорте – особенно командном, и не увлекался ничем, кроме скейтборда. Несколько раз оказавшись последним, кого приглашали в команду, он понял: весь этот «командный дух» – просто очередная лажа, очередной повод покомандовать и поизмываться над ним для таких, как Лерой.

Закончив ужин, большинство Дьяволов побросали миски в бочку с мыльной водой и разбрелись по залу. Одни переместились к полкам с книгами и комиксами, другие принялись играть в дартс, третьи уселись за шашки, карты и прочие настольные игры.

Внимание Ника привлекла негромкая музыка. Обернувшись, он увидел у очага темноволосяную кудрявую девочку, настраивавшую скрипку. Пару минут спустя к ней присоединились двое мальчишек. Один принялся выстукивать простенький ритм на паре высоких барабанов, другой начал пощипывать струны акустической гитары. Поначалу все это был просто шум, затем девочка трижды стукнула смычком, и они заиграли по-настоящему. По залу поплыли сладкие, завораживающие скрипичные трели. Играя, девочка смежила веки, словно скрипка была ее собственным голосом, выводящим медленную, печальную мелодию. Затем вступил барабанщик; громкий, размеренный ритм сделал мелодию чем-то похожей на погребальную песню. Наконец к ним присоединилась гитара; струны запели, будто нанизывая одну за другой ноты на нить музыкальной темы из какого-то спагетти-вестерна. Ник был потрясен до глубины души, услышав, какую прекрасную песню – да еще так вдохновенно – играют эти дикие ребята. Полностью захваченный пронзительным грустным мотивом, он принялся за еду.

На вкус похлебка оказалась примерно такой же, как и каша за завтраком. Единственное отличие заключалось в том, что вместо ягод в похлебку были добавлены кусочки грибов и дикий лук. Удивительно сладкие грибы приходилось очень долго жевать. Подцепив пальцами кусочек, Ник вынул его из миски, чтобы рассмотреть внимательнее. Из-под потолка на стол тут же спикировал пикси – маленький мальчик с блестящей черной гривой волос. Приземлившись едва-едва вне пределов досягаемости, он принял важный вид и склонил голову набок, глядя на гриб в руке Ника. Синекожее существо было потрясающе похоже на человека. Ник бросил ему кусочек гриба. Схватив подачку, пикси зашипел и взвился в воздух. Уголки губ Ника дрогнули в едва заметной улыбке.

Ник принялся наблюдать, как Дьяволы проводят вечер. Из угла, где шла оживленная игра в покер, то и дело раздавались победные крики и ругань. Один из ребят набивал рогатый череп на плече парнишки с внешностью латиноамериканца, загоняя тушь под кожу иглой и струной. Зажав в зубах кусок кожи, латинос изо всех сил старался держаться так, будто ему все нипочем, но Нику показалось, что парень вот-вот грохнется в обморок. Некоторые, к удивлению Ника, затягивались сигаретами, выпуская дым с видом отъявленных хулиганов. Трое лениво играли в

баскетбол, забрасывая небольшой мячик в самодельное кольцо. Даже сейчас, просто дурачась, они двигались поразительно быстро и ловко.

Тем временем пикси вернулся. Приземлившись на край стола, чуточку ближе, чем в первый раз, он устался на Ника крохотными, узкими глазками.

Ник бросил ему крошку засохшей похлебки.

– Лучше не надо.

Оглянувшись, Ник увидел Сверчка.

– Прикормишь – потом не отвяжешься.

С этими словами Сверчок уселась напротив. Секунду спустя к ним присоединился и Дэнни.

– Откуда ты? – спросила Сверчок.

Ник не ответил.

Сверчок наклонилась поближе.

– Не переживай ты так из-за Лероя, – зашептала она. – Он и нас точно так же чморит. Просто осторожнее с ним. А то может так завестись...

В предупреждениях насчет Лероя Ник не нуждался.

– Ну, так откуда ты? – снова спросила Сверчок.

Ник хотел было сказать, что он не в настроении трепаться, но тут неподалеку раздался грохот.

– Ты сдвинул свой корабль! Я все видел!

– Ничего подобного!

– Он был на бэ-двенадцать! Вот здесь. Я эту клетку и назвал. Снимай его с доски.

– Хрен там!

– Эх ты, горе-шулер! Сжульничать и то не можешь!

В зале стало тихо.

– Опять этот Красная Кость, – прошептал Дэнни.

– Как всегда, – откликнулась Сверчок.

Красная Кость выхватил нож.

– Поставь на место!

– Нет!

Его противник, высокий светловолосый парень, тоже выхватил нож.

Оба приняли стойку, чуть подогнув колени. Остальные поспешили убраться в сторонку.

– Вот блин, – сказал Дэнни. – Опять началось.

Побросав развлечения, Дьяволы окружили спорщиков широким кольцом и нараспев затянули:

– Первая кровь! Первая кровь!

Эти слова повторялись снова и снова.

– «Первая кровь»? – спросил Ник.

– Ага, – ответила Сверчок. – Так здесь решают споры. Кто первым пустит другому кровь, тот и прав.

Противники стукнули клинком о клинок и начали рискованный танец, маневрируя, притопывая, вскрикивая, ловя момент для атаки – и вдруг разом кинулись вперед. Клинки засверкали в воздухе с такой быстротой, что их было почти не разглядеть.

– Кровь!!! – заорал Красная Кость, с бешеной ухмылкой вскинув клинок вверх. – Первая кровь за мной!

– Хрен там! – крикнул его противник.

Все замерли. Секеу выступила вперед, осмотрела лоб светловолосого, приложила большой палец к отметине и подняла его, чтобы все смогли увидеть крохотную капельку крови.

Дьяволы одобрительно загудели.

– Вот так, – как ни в чем не бывало сказала Сверчок. – Чем меньше отметина, чем меньше крови, тем выше мастерство. Тем почетнее победа.

Светловолосый разразился грязной руганью, но опустил нож. Все было кончено. Дьяволы вернулись к своим занятиям, будто ничего не произошло. Оркестр заиграл снова.

– Как они могут так двигаться? – спросил Ник. – Это же невозможно!

– Это все волшебство, – ответила Сверчок.

– Волшебство? – протянул Ник. – Может, хватит шуток?

– Правда, волшебство здесь повсюду, – подтвердил Дэнни. – Даже у тебя в миске.

– Что? – Ник прекратил жевать. – Нам в еду что-то подмешивают?

– Да нет, – сказал Дэнни, оттянув резинку очков. – Зачем подмешивать? Это же не лекарство и не магический порошок. Секеу сказала, что волшебство здесь во всем – и в воздухе, и в воде. Но, когда что-то ешь, усваиваешь это волшебство напрямую. Вот эта гадость, – Дэнни подцепил пальцем комочек варева из миски Ника, – сделана в основном из желудей. В этих желудях, как во всем вокруг, тоже волшебство.

– Ты ведь заметил, какие у них глаза? – спросила Сверчок. – Золотые. Тоже из-за волшебства.

Ник заметил, что и в ее глазах поблескивают золотистые искорки.

– Как я понимаю, если пробыть здесь достаточно долго, эта штука не только меняет внешность, но и дает сверхспособности, – продолжала она.

– Нет, не сверхспособности, – поправил ее Дэнни. – Скорее, тут волшебство работает, как стероиды. Частью из-за него они и могут так быстро двигаться.

– А побочные эффекты?

– Побочные эффекты! – Дэнни презрительно хмыкнул. – О чем ты? Это же не наука, а волшебство, чтоб его. Взгляни на Абрахама, – Дэнни указал на чернокожего мальчишку у очага, в котором Ник тут же узнал того однорукого, что утром дал ему копьё. – Ему больше ста лет. И что с ним не так? А Секеу? Сколько ей лет – вообще никто не знает. А некоторые из остальных ребят здесь с шестидесятых или семидесятых.

– Ага, – рассмеялась Сверчок. – Попробуй спроси Красную Кость, что такое айпад!

Ник не знал, нравится ли ему питаться волшебной кашей. Может, это отравы? В желудке чувствовалось тепло, растекавшееся по всему телу. Ощущение, если вдуматься, было странным, но и приятным, умиротворяющим. Вот только что это волшебство на самом деле творит с человеком?

Ник с подозрением взглянул на ложку с похлебкой, затем поднял взгляд на Дьяволов. «Пожалуй, никому из них оно не повредило, – подумал он, увидев, как один из мальчишек, игравших в баскетбол, перемахнул через товарища, развернулся в воздухе и выполнил бросок крюком, и все это в одном прыжке. – Ни капельки». Неужели от этой штуки и он сможет так же? Хочется ли ему научиться так двигаться?

Ник решительно сунул ложку в рот.

– Не знаю, как ты, – сказал Дэнни, – а я бы не задумываясь отдал всю эту волшебную размазню за «Биг-Мак».

Все трое рассмеялись и закивали.

Но тут к ним подошел Лерой, и все затихли. Лерой с подозрением взглянул на них.

– Не забудьте: убираться вам.

Никто не ответил.

– Слышите?

– Мы знаем, Лерой, – сказала Сверчок. – Уймись ты, охлони немного.

– Ага, все окей, – кивнул Дэнни. – Все под контролем.

– А, вот оно что. Вы тоже против меня сговорились?

– Нет, – с раздраженным вздохом ответила Сверчок. – Лерой, никто против тебя не сговаривается. Мы вроде бы в одной команде, не забыл? Слушай, отчего бы тебе не сесть и не поболтать с нами? Будь ты человеком, в конце концов.

Поколебавшись, Лерой сел рядом с Ником.

– Чуваки, думаете, мне охота за вами присматривать? – заговорил он, бросив взгляд в сторону Дьяволов. – Заставляют. Придираются постоянно...

– Они ко всем нам придираются, – сказала Сверчок. – Так у них принято. Думаю, они считают это своим долгом. Чтобы мы закалялись, привыкали к трудностям и все такое.

– Это точно, – поддержал ее Дэнни. – Но ничего, ты же скоро будешь одним из них. Тогда от тебя отвязнутся.

Лерой помрачнел.

– А вообще, как именно становятся Дьяволами? – спросил Дэнни.

– Надо вызвать кого-нибудь на поединок до первой крови и победить, – пробормотал Лерой. – Или спасти кого-то от смерти, или еще как-то «проявить беспримерное мужество». Такая примерно фигня.

– Но как тогда ты-то сумеешь справиться? – фыркнул Дэнни.

– Думаешь, я ни на что не гожусь? – холодно спросил Лерой.

Улыбка исчезла с лица Дэнни.

– Да я же не...

– Пошел ты на фиг.

– Лерой, он просто пошутить хотел, – вмешалась Сверчок. – Кончай заводиться, ради бога.

Лерой уткнулся взглядом в миску и стиснул черенок ложки так, что костяшки его пальцев побелели.

– Ник, так что ты там говорил? – сказала Сверчок.

– А?

Сверчок бросила на него выразительный взгляд.

– Ты рассказывал, откуда ты.

– Да нет...

– Ну?

– Что «ну»?

– Так откуда ты?

Мальчишка-пикси появился снова. Он приземлился возле Ника, склонил голову вправо, затем влево, глядя на него странными, немигающими глазами.

Ник отщипнул крошку подсохшего варева. С вождением глядя на нее, пикси сделал шаг вперед, и тут Лерой взмахнул ложкой. Раздался звучный шлепок; отброшенное ударом, крохотное создание врезалось в стену позади стола.

– Какого черта?! – воскликнул Дэнни.

– Что на тебя нашло? – поддержала его Сверчок.

Лерой сощурился.

– А, вот вы как? Вот что задумали?

Крылышки пикси затрепетали. Он попытался встать.

Лерой вскочил и с силой обрушил на синего человечка каблук башмака. Под каблуком жутко хрустнуло.

Крик застрял у Ника в горле. Глядя на изломанную фигурку на полу, он с ужасом понял, что пикси еще жив. Малыш пытался выбраться из лужицы крови, беспомощно подергивая сломанными крыльями, хватая ртом воздух, корчась от боли. В этот миг он был еще сильнее похож на человека.

Лерой принялся яростно топтать пикси, размазывая синее тельце по полу.

– Господи!!! – закричала Сверчок. – Да что на тебя нашло?

Лицо Лероя исказилось от бешенства. Он шаркнул подошвой башмака о стену, оставляя на камне ошметки плоти и клочья черных волос.

– Мерзкие синие твари! Постоянно меня изводят! Все здесь меня изводят!

Громко стуча каблуками, он отошел от стола.

– Он с ума сошел. То есть совсем рехнулся, – сказала Сверчок. – Видели его глаза? Как будто его разум ушел погулять.

Все трое перебрались к толстым корням, как можно дальше от Лероя и мертвого пикси. Ник сидел на полу, поджав колени к подбородку и обхватив их руками. Сверчок с Дэнни привалились к корням спинами.

– Блин, – продолжала Сверчок, – Лерой же сам говорил нам, что пикси ни в коем случае нельзя причинять вред. Сказал, что это – один из законов. Вроде как пикси – часть здешнего волшебства, или еще что-то такое.

– Он и не причинял ему вреда, – заметил Дэнни. – Он его просто убил.

– Спасибо за уточнение, Дэнни. Я тоже при этом была, если ты забыл.

– Может, у него биполярное расстройство, или еще что-то подобное? – сказал Дэнни. – И ему просто лекарства нужны?

– Нет, здесь, конечно, все по-своему ненормальные. То есть всем нам пришлось дерьма хлебнуть, так ведь? Но с Лероем – дело другое. Тут все намного глубже.

Все трое ненадолго притихли.

– А знаете, – нарушила молчание Сверчок, – Абрахам говорил мне, что Лерой здесь уже давно. Не просто пару недель, гораздо дольше. Сказал: Лерой боится поединка, потому до сих пор и остается Свежей Кровью. И знаете, что я думаю? Я думаю, в этом и беда. Это его и гложет.

– Да ты у нас прямо философ, – сказал Дэнни.

Сверчок наградила его мрачным взглядом.

– Ладно, а я думаю вот что, – продолжал Дэнни. – Я думаю, старину Лероя в детстве слишком часто роняли головкой об пол.

– Может, сказать кому-нибудь? – предложила Сверчок.

– Ага-ага, превосходный план, – фыркнул Дэнни. – Может, ты и скажешь?

– А почему нет?

– Шутишь? Вокруг оглянись.

Ник проследил за его взглядом. Двое Дьяволов по очереди метали нож друг другу в ступню – игра заключалась в том, чтоб вовремя отдернуть ногу. Еще несколько вырезали на плечах племенные узоры.

Устало вздохнув, Сверчок опустилась на пол.

Нику никак не удавалось выкинуть из головы сцену жестокого убийства пикси. Это маленькое создание было так похоже на человека... Наверное, перед лицом боли, страданий и смерти все одинаковы – и люди, и звери, и даже пикси, все. Веки отяжелели. Ник был готов уснуть – уснуть и оставить этот долгий ужасный день позади. В желудке было тепло, неестественно тепло, и Ник вновь подумал о странной пище и о том, как она может действовать на организм. Однако ощущение было скорее приятным. Он закрыл глаза, наслаждаясь теплом, расходящимся по всему телу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.